

Карпович О.Г., Главный редактор,
доктор политических наук,
доктор юридических наук,
профессор

Ласария А.О., помощник Главного
редактора, ответственный
секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Шутов А.Д., председатель,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук,
профессор

Ангела ди Грегорио, доктор
политологии, профессор
(Италия)

Анис Байректаревич, доктор
политологии, профессор
(Австрия)

Бажанов Е.П., заслуженный
деятель науки РФ, доктор
исторических наук,
профессор

Бартош Хордецкий, доктор
политологии (Польша)

Гарбузов В.Н., доктор
исторических наук, профессор

Громько А.А.,
член-корреспондент РАН

Ивашов Л. Г., доктор
исторических наук, профессор

Манойло А. В., доктор
политических наук

Пономарева Е. Г., доктор
политических наук, профессор

Ширинянц А. А., доктор
политических наук, профессор

Филимонов Г. Ю., доктор
политических наук

Геополитический журнал

Номер свидетельства

ПИ № ФС77-61075

Наименование СМИ:

Геополитический журнал.

Форма распространения:

печатное СМИ журнал.

Территория распространения:

Российская Федерация,

зарубежные страны.

Языки: русский, английский.

Адрес редакции: 121170, г. Москва,

Кутузовский пр-т, д. 36, стр. 11.

Тел.: (495) 7-400-600

E-mail: GPJ2013@mail.ru

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал
«Геополитический журнал» обязательна.

© «Геополитический журнал», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

- Манойло А.В.** Гибридизация современной
мировой политики и национальная
безопасность Российской Федерации 3
- Ежов Д. А.** Детерминанты политического развития
России в условиях глобальной конфронтации 21
- Кряжев В.С.** Россия в мироустройстве ххi века,
новые вызовы военной безопасности 25
- Цветкова О. В.** Технология политической
медиации в урегулировании территориальных
конфликтов на постсоветском пространстве 37

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Карякин В. В.** Новые контуры геополитического
треугольника «Пекин-Вашингтон-Москва»
в свете трансформации американо-китайских
отношений. 43
- Барсенков А. С.** Интеграция России в мировое
сообщество: основные этапы 54

ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Смирнов Г.Н.** Сопоставление политики
и идеология в российско-американских
отношениях: исторические параллели 68
- Лактионова Н.Я.** Драма русской истории и уроки
для современности 78

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

- Фролов А.** Предметное поле современных
исследований системы взаимоотношений
«федеральный центр-регионы» 92

РЕЦЕНЗИИ

- Романовская Е.К.** Актуальные откровения
(Рецензия на книгу А.Д. Шутова «Исторические
прозрения» ЮНИТИ, М., 2017 — 463с.) 100

Издательство ООО «Сам Полиграфист».

Отпечатано в типографии «OneBook»

109125, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42.

www.onebook.ru

Подписано в печать

20.03.2017, Зак. № 68730

Формат 70×108 1/16

Тираж 1000 экз.

№ 1 (17)
APRIL
2017

GEO POLITICS JOURNAL

O.G. Karpovich, Editor-in-Chief,
Doctor of Political Sciences,
Doctor of Law, Professor
A.O. Lasariya, assistant to Editor-
in-Chief

EDITORIAL BOARD:

A.D. Shutov, Chairman, Honoured
Science Worker of the Russian
Federation, Doctor of Historical
Sciences, Professor

Angela Di Gregorio, Doctor of
Political Sciences, Professor (Italy)

Anis Bajrektarevic, Doctor of
Political Sciences, Professor
(Austria)

Ye.P. Bazhanov, Honoured Science
Worker of the Russian Federation,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Bartosz Hordetski, Doctor of
Political Sciences (Poland)

V.N. Garbuzov, Doctor of Historical
Sciences, Professor

A.A. Gromyko, corresponding
member of RAS

L.G. Ivashov, Doctor of Historical
Sciences, Professor

A.V. Manoylo, Doctor of Political
Sciences

Ye.G. Ponomareva, Doctor of
Political Sciences, Professor

A.A. Shirinyants, Doctor of Political
Sciences, Professor

G.Yu. Filimonov, Doctor of Political
Sciences

Geopolitics Journal

Certificate Number ПИ No. ФС77-61075

Name of the Media: Geopolitics Journal.

Distribution Form: printed media,
Journal.

Distribution Area: Russian Federation,
foreign countries.

Languages: Russian, English.

Address of the Editorial Staff: Kutuzovsky
prospekt 36, bldg. 11, 121170, Moscow.

Tel.: (495) 7-400-600

E-mail: GPJ2013@mail.ru

When reprinting and quoting, reference to the
Geopolitics Journal is required.

© Geopolitics Journal, 2017

CONTENTS

SECURITY ISSUES

- Manoylo A.V.** Hybridization of modern world politics
and national security of the Russian Federation 3
- Yezhov D.A.** Determinants of Russia's political
development in the of global confrontation 21
- Kryazhev V.S.** Russia in the world order of the 21st
century, new challenges to military security 25
- Tsvetkova O.V.** Technology of political mediation in
the settlement of territorial conflicts in the post-
Soviet space 37

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

- Karyakin V.V.** New contours of geopolitical triangle
"beijing-washington-moscow" from the point of
view of american-chinese relations transformation. 43
- Barsenkov A.S.** Integration of Russia into the world
community: the main stages 54

HISTORY OF POLITICS

- Smirnov G.N.** Comparison of politics and ideology in
Russian-American relations: historical parallels. 68
- Laktionova N.Y.** Drama of Russian history and lessons
for the present. 78

YOUNG SCIENTISTS

- Frolov A.** The subject field of modern studies of the
system of relations "federal center-regions" 92

REVIEWS

- Romanovskaya E.K.** Actual revelations 100

Sam Poligrafist LLC, publishing company
Printed in OneBook printing house
Volgogradsky pr., 42, 109125, Moscow.
www.onebook.ru

Passed for printing 20.03.2017,
Order No. 68730
Size 70x108 1/16
Circulation: 1000 copies.

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

ГИБРИДИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Манойло А.В.

*Доктор политических наук. Профессор кафедры российской политики факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.*

Тел. 8 926 777 00 02.

e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Аннотация. Современная мировая политика, все еще находясь в стадии формирования, уже подвергается мощным процессам гибридизации. Инструментами гибридизации мировой политики выступают как новые факторы и явления, такие как гибридные войны, информационные войны, цветные революции, управляемый хаос, так и новые акторы, вторгающиеся в область международной политики из негосударственной сферы – негосударственные акторы международных отношений. Преимущественной сферой деятельности этой новой категории акторов становятся сегменты мировой политики, в наибольшей степени подверженные гибридизации — международные конфликты и войны нового (гибридного) типа, цветные (гибридные) революции, протекающие на фоне нарастающей мировой турбулентности и «управляемого» хаоса. Даже во внутриполитической борьбе в отдельных странах мира появляются неклассические персонажи, вторгающиеся в сферу привычных взаимоотношений и кардинально ее преобразовывающие под себя, разрывая шаблоны, ниспровергая устои и нарушая традиции. Такие личности не только гибридизируют внутреннюю политику своих стран, они порождают свой собственный феномен, запускающий механизмы гибридизации политики в мировом масштабе — феномен Трампа, Чавеса, Лулы да Силва, Путина. Все эти факторы в совокупности позволяют утверждать о том, что современная мировая политика носит гибридный характер, она стремительно гибридизируется, а очагами этой гибридизации выступают не международные форумы, на которых вырабатываются новые правила игры, а международные конфликты, становящиеся площадкой для применения новейших технологий гибридных войн и цветных революций. Именно такие гибридные по своей природе конфликты полыхают сегодня в Сирии, Украине, Ливии, Ираке, Йемене.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, выборы, Трамп, безопасность, Россия, США.

Manoilo A. V.

*Doctor of Political Sciences. Professor of the Department of Russian Politics Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.*

Tel. 8 926 777 00 02.

e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

HYBRIDIZATION OF MODERN WORLD POLITICS AND NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Modern world politics, while still in the formative stage, is already undergoing powerful hybridization processes. Global factors are hybridized as new factors and phenomena, such as hybrid wars, information wars, color revolutions, managed chaos, and new actors that invade international politics from the non-state sphere-state actors in international relations. The predominant sphere of activity of this new category of actors is the world politics segments that are most susceptible to hybridization-international conflicts and new (hybrid) type wars, hybrid (hybrid) revolutions, taking place against the backdrop of growing world turbulence and “controlled” chaos. Even in the internal political struggle in some countries of the world there are nonclassical characters, intruding into the sphere of habitual relationships and radically transforming it into themselves, breaking templates, overthrowing foundations and breaking traditions. Such individuals not only hybridize the domestic policies of their countries, they generate their own phenomenon, triggering the mechanisms of hybridizing politics on a global scale — the phenomenon of Trump, Chavez, Lula da Silva, Putin. All these factors together allow us to assert that modern world politics is of a hybrid nature, it is rapidly hybridizing, and the foci of this hybridization are not international forums on which new rules of the game are being developed, but international conflicts that are becoming a platform for applying the latest technologies of hybrid wars And color revolutions. It is these hybrid conflicts of their nature that are blazing in Syria, Ukraine, Libya, Iraq, and Yemen.

Key words: international relations, world politics, elections, Trump, security, Russia, USA.

1. ВТОРЖЕНИЕ В МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ НЕКЛАССИЧЕСКИХ АКТОРОВ

В гибридных войнах современности (в Сирии, Украине, Йемене и др. регионах) все сильнее присутствует негосударственный фактор: мировые и региональные лидеры предпочитают выяснять отношения не в прямом лобовом столкновении, а посредством столкновения военизированных формирований посредников, союзников, сателлитов, в том числе негосударственных акторов и антиакторов мировой политики, а также политических сил, находящихся в стадии формирования своей международно-политической идентичности (таких как национально-освободительные движения, международные политические партии и др.). Это общая тенденция современных войн, в которых рамен ударами идет на дальних дистанциях, без опасного сближения, провоцирующего лобовое столкновение, ведущее к потерям и растрате своего основного боевого потенциала. Гибридные войны, в отличие от войн XX века, ведутся в «прокси»-режиме, анонимно, руками союзников, которые, хотя и вооружены и обучены гораздо хуже, чем боевые подразделения мировых держав, но все равно имеют при этом определенную боевую ценность; кроме того, их не жалко пустить в расход.

Мировые лидеры, вступающие в гибридную войну, предпочитают действовать не напрямую, а через своих агентов, которые могут носить как классический (нации-государства, их союзы и коалиции, международные организации), так и неклассический (негосударственный) характер. К категории «неклассических» (негосударственных) участников гибридных войн относятся частные военные компании, вооруженные формирования политических партий и национально-освободительных движений, ополчения, сформированные по национальному или конфессиональному принципу, вооруженные формирования

непризнанных государственных образований, добровольческие формирования и т.д., часть из которых может претендовать на статус «акторов вне суверенитета», а часть — нет. Эти неклассические участники могут носить как легитимный, так и нелегитимный характер. К последним относятся негосударственные акторы, де факто принимающие участие в гибридной войне, статус которых не признается другими участниками гибридной войны.

Кроме того, в современной гибридной войне могут быть задействованы не только нелегитимные организации, но и заведомо преступные группировки, ведущие криминальную деятельность, в том числе экстремистской, террористической, радикальной направленности, с которыми лидеры мировых и региональных держав могут поддерживать связь в надежде использовать их в своих целях «в темную» либо по взаимному согласию — это видно на примере войны в Сирии и в Донбассе.

Если с классическими акторами мировой политики, выступающими в роли агентов конфликтующих мировых лидеров, в целом все ясно — их военное и дипломатическое участие в гибридных конфликтах носит скорее традиционный характер, то большой спектр неклассических и негосударственных акторов представляет собой довольно пеструю палитру, включающую в себя социологические формации разной степени структурированности, сформированности и зрелости. Частные военные компании (ЧВК) носят характер типичных ТНК и ведут себя также (с учетом их специализации); различного рода ополчения в плане организации часто носят архаичный родовой, племенной, общинный характер, на их сплоченность, политическую и военную активность нередко оказывает большое влияние узко понимаемый этнический (например,

курдские ополчения в Сирии и Ираке, ополчения ассирийцев-христиан в Сирии или) или религиозный (алавитские части армии Асада, шиитская милиция в Ираке, курды-езиды, друзы, христианские ополчения в Сирии и Ираке и т.д.) фактор. Террористические организации типа ИГ и Аль-Кайды, имеющие, помимо собственной военной и политической программы, еще и сверхцель — построение всемирного исламского государства, также имеют довольно сложные отношения как со своими спонсорами, так и с другими группировками террористического и экстремистского толка, которые они выстраивают в соответствии со средневековыми правилами, существовавшими в первое столетие существования ислама. Эти группиров-

ки можно было бы отнести к антиакторам мировой политики, определив их как цель и объект уничтожения, если бы целый ряд современных государств, таких как Турция, «заливники» (монархии Персидского залива), да и США тоже, не пытались использовать их в своих целях, как инструмент реализации собственной внешней политики. Из всего этого следует, что сегодня идет стремительный процесс гибридизации мировой политики, очагами которой выступают конфликты в Сирии, Украине, Йемене и в др.; исследование этих процессов носит не только военно-политический, но и ярко выраженный социологический характер, что требует применения для анализа указанных процессов методов социологи международных отношений.

2. ГИБРИДНЫЙ «КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ» В СИРИИ

Гибридная природа непрекращающегося конфликта в Сирии связана не только с тем, что в нем, наряду с классическими вестфальскими акторами, активно участвуют еще и заведомо неклассические акторы, такие как всевозможные ополчения и террористические организации, но и тем, что именно неклассические акторы используются нациями-государствами для продвижения своих интересов и оказания вооруженного давления на соперников (или на силы, с ними аффилированные). И у монархий Персидского залива, у Турции, Ирана, США есть свои, подконтрольные и находящиеся на содержании группировки, которыми они манипулируют в сложной политической игре, ведущийся на территории Сирии, Ливии и Ирака. Именно эти группировки вступают в прямое лобовое столкновение между собой, а их «кукловоды» предпочитают оставаться над схваткой, наблюдая за происходящим со стороны и занимаясь конвертированием военных успехов своих сателлитов в собственные политические дивиденды. Только российская и сирий-

ская армии участвуют в этом конфликте напрямую, без привлечения наемников и ЧВК. Однако, справедливости ради стоит сказать, что и армия САР действует в тесном содружестве с иранскими и ливанскими контингентами, с подразделениями курдского ополчения, с народной милицией, сформированной из бывших мирных граждан в поддержку армии. США также используют в своих целях как многочисленные группировки так называемой «умеренной оппозиции», так и отдельные курдские формирования, и боевые отряды ассирийцев-христиан, с которыми они развивают наступление с севера на Эр-Ракку. Эта мозаика взаимопересекающихся интересов и неклассических акторов, вовлеченных в их реализацию, и определяет гибридную природу современного сирийского конфликта.

К сожалению, приходится признать, что вооруженный конфликт в Сирии будет продолжаться еще очень долго. Резолюция Совета безопасности ООН № 2254 (2015) о ситуации в Сирийской арабской республике содержит подроб-

ный, пошаговый план урегулирования вооруженного конфликта между режимом Асада и оппозицией (гарантами исполнения этого плана выступают США и Россия, внесшие проект этой резолюции на голосование в Совет Безопасности), и нет твердой уверенности в том, что он будет выполнен всеми участниками конфликта, в том числе самими Соединенными Штатами и их союзниками, Турцией, Саудовской Аравией, Катаром, имеющими влияние на вооруженную оппозицию.

Проблема заключается в том, что в сирийский конфликт оказались вовлечены влиятельные мировые державы (США, Россия, ЕС, а также региональные лидеры), жизненно важные интересы которых в этом регионе существенным образом расходятся. Так, для России главное — скорейшая победа над международным терроризмом, уничтожение ДАИШ, Джабхат ан-Нусры и других террористических группировок и восстановление мира для сирийского народа, возможность мирно жить, растить детей, свободно голосовать за будущее страны. Для США уничтожение ДАИШ — не приоритет; для них важнее сначала убрать Башара Асада с помощью ДАИШ и прочей «оппозиции», а затем заставить разбираться с террористами своих европейских союзников. То есть, стратегическая цель США — направить Сирию по ливийскому пути, сделать так, чтобы Асад повторил судьбу Каддафи. Россия со своей успешной военной операцией в Сирии (осуществляемой совместно с сирийской правительственной армией), очевидно, этому мешает. Турция, долгое время зарабатывавшая огромные деньги на перепродаже нефти, добываемой на территории, контролируемой Исламским государством и Джабхат ан-Нусрой (сирийской ячейкой Аль-Кайды), не заинтересована в том, чтобы ее бизнес-партнеры, заблокированные сегодня в Алеппо и отрезанные сирийской армией и курдами от путей

снабжения (оружием и боевиками, перебрасывавшимися с территории Турции), были уничтожены. Те же мотивы у Саудовской Аравии, которая долгое время снабжала и финансировала Джабхат ан-Нусру, а также у Катара, на балансе которой содержится Джейш-аль-Ислам: все эти экстремистские группировки — это их бизнес-проекты, в которые вложены огромные деньги, которые будут потеряны в том случае, если российская и сирийская армия все же, несмотря на давление Запада, уничтожат террористов. Вот почему и США, и монархии Персидского залива будут стараться не столько уничтожить террористов, сколько сохранить их боевое ядро (кадровый состав), вытеснив их в Иорданию или открыв им «коридор» для выхода с территории Сирии — например, в Ливию (там сейчас находится руководство ИГ) или Йемен. Там боевики отдохнут, заново отмобилизуются и снова будут готовы вести войну против Асада или любого его законного преемника.

После принятия Советом Безопасности ООН резолюции по Сирии участь боевых отрядов Исламского государства и Джабхат ан-Нусры в Сирии решена: они обречены на истребление. Если сирийская и российская армии уничтожат группировку террористов в Алеппо, а США и их союзники развернут наступление на Эр-Ракку и возьмут ее, Сирия будет очищена от террористов. При согласованном действии России и США это может произойти уже в ближайшие месяцы. Тогда на определенное время в Сирии, возможно, установится мир. Согласно плану мирного урегулирования, все группировки сирийской оппозиции, состоящие из сирийских граждан (не иностранных наемников, не джихадистов) и не замеченные в тесных связях с Исламским государством, «сбривают бороды» и превращаются в «умеренную оппозицию», с которой можно вести переговоры за одним столом. Именно эти люди — бывшие боевики — пойдут на

выборы президента Сирии, предусмотренных планом мирного урегулирования, изложенного в Резолюции СБ ООН №2254. Но суть их оттого, что они себя назвали «умеренной оппозицией», очевидно, не изменится. В результате Сирия может оказаться перед угрозой полноценной цветной революции, которая будет разворачиваться по классическому сценарию: если на выборах Асад получит большинство голосов (а так и будет, поскольку население освобожденных от Исламского государства территорий единогласно проголосует за Асада), «уме-

ренная оппозиция» оспорит результаты выборов, заявит об их непризнании, откопает спрятанное оружие и цветная революция очень быстро перерастёт в вооруженный мятеж. Затем — гражданская война, линия фронта, удерживаемая сирийской армией против террористического интернационала джихадистов со всего мира — то есть, то же, что и сейчас происходит в Сирии. Правда, есть надежда на то, что эти планы врагов сирийского народа снова сорвет Россия. В очередной раз, своим излюбленным образом, непостижимым для Запада.

3. ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК «ОТМЫЧКА ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ»

Одним из важнейших факторов гибридизации мировой политики сегодня становятся цветные революции. В современной мировой и российской политике цветные революции — одна из самых актуальных тем, держащих общество в состоянии постоянного напряжения: именно они указаны в новой Стратегии национальной безопасности одной из наиболее опасных угроз безопасности РФ. Именно цветная революция, получившая странное название «евромайдана», превратила в 2014 году в руины Украину — некогда процветающую страну, в которой ВВП прирастал на 4% в год; именно с цветной революции начались вооруженные конфликты в Ливии и Сирии. В Бразилии цветная революция происходит прямо сейчас: эту технологию используют для того, чтобы отстранить президента Дилму Роусефф, не идущую на поводу у США. И сейчас российские и зарубежные центры либеральной демократии время от времени примеряют сценарий цветной революции к России, надеясь ввергнуть в это безумие страну, мужественно отстаивающую свой суверенитет и национальные интересы в условиях беспрецедентного внешнего давления со стороны западных «партнеров». Однако это у них вряд ли получится: мы сумеем себя защитить.

Цветные революции — это технологии организации государственных переворотов в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а инструментом шантажа выступает молодёжное протестное движение, организованное по специальной схеме. При этом единственной целью любой цветной революции является организация государственного переворота, выдаваемого за стихийные протестные явления и массовые акции гражданского неповиновения. Необходимым условием успешности цветной революции является обязательное наличие в стране политической нестабильности, способной перерасти в полноценный политический кризис.

Несмотря на существенные различия государств, в которых происходят цветные революции, между собой (в геополитическом, социальном, экономическом плане и международном положении), все цветные революции укладываются в одну и ту же организационную схему, предполагающую организацию по шаблону молодёжного протестного движения, преобразования его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти в качестве

инструмента политического шантажа. Это прямо указывает на то, что цветные революции в принципе не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения. При этом у них есть свои особые отличительные черты: в цветных революциях воздействие на власть всегда осуществляется в особой форме — политического шантажа; основным инструментом воздействия на власть выступает молодежное протестное движение.

Цветные революции только внешне напоминают настоящие революционные движения — в отличие от революций настоящих, вызванных объективным развитием исторического процесса, цветные революции — это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы. Они отличаются почти театральным уровнем драматургии, который западные политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной.

Цветные революции используют фактор военной силы как сервисную функцию, к которой их сценаристы и технологи прибегают в случае крайней необходимости. Военная сила для цветных революций не является основным инструментом, ее использование носит скорее вынужденный и побочный характер. Тем не менее, нельзя не обратить внимание на тот факт, что современные цветные революции действительно создают условия и поводы для последующей военной интервенции.

Модель, лежащая в основе цветной революции, одна: это создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной. Такое давление на власть всегда происходит в форме шантажа, выдвижения ультиматумов под угрозой массовых по-

громов и — реже — физических расправ с инакомыслящими. Если власть начинает сопротивляться, цветная революция переходит в фазу вооруженного мятежа. Иногда этот мятеж сопровождается вооруженной интервенцией со стороны западных стран, как это было в Ливии, и едва ли не произошло в Сирии.

В цветных революциях используется особая символика, цель которой — запустить механизм распознавания «своей-чужой», благодаря которому участники протестных акций опознают друг друга в политической толпе и, одновременно, идентифицируют противников, не имеющих соответствующих опознавательных символов (маркеров). На протяжении длительного времени типичным символом цветных революционеров были цветы: розы в Грузии, тюльпаны в Киргизии, васильки в Беларуси, жасмин в Тунисе и т.д. Природа происхождения этих «цветочных» символов и атрибутов предельно проста — она лежит в архетипах исторической памяти американцев, помнящих движение хиппи — «детей цветов», выразивших особым образом свой протест по отношению к государству и проводимой им политике. Это сразу выдает в сценариях цветных революций характерный почерк североамериканских англосаксов. Кроме того, в выборе цветочной символики кроется стремление сценаристов цветных революций с помощью цветков в руках протестующих женщин, подростков подчеркнуть «ненасильственный» характер цветной революции, тем самым замаскировав совершающийся государственный переворот.

Цветные революции часто называют технологиями или инструментами «мягкой силы». Этот подход, основанный на принципе аналогии (внешне цветные революции — это несилловые технологии смены политических режимов), вводит в заблуждение, заставляя считать цветные революции более мягкой и поэтому более прогрессивной и менее социально

опасной формой воздействия на авторитарные режимы. Тем самым разворачивается кампания по пропаганде цветных революций в пику любым формам собственно вооруженных переворотов. Между тем, цветные революции — это не что иное, как организационная форма осуществления государственного шантажа (то есть шантажа, объектом которого является независимое и суверенное государство), маскирующегося под легендой и лозунгами национальной революции. Это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских

образцов западными странами, которые имеют признаки имитационности. Можно утверждать, что американцы не только создали модель демократического устройства государства, ориентированную «на экспорт», но и позаботились о создании специальных инструментов, предназначенных для ее слома и демонстрации, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, и являются технологии цветных революций.

4. ГИБРИДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Информационные войны в современном мире стали одним из основных и уже привычных факторов окружающей нас действительности. Каждый из нас ежедневно оказывается в фокусе действия той или иной информационной атаки, несущий заряд убийственной агрессии, направленной как на общество в целом, так и на сознание каждого человека в отдельности. Технологии информационных войн, основанные на манипулятивном управлении политическим сознанием и поведением граждан, исключительно опасны: их главная задача — разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти. При этом цель информационной войны — сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле. Высокая эффективность информационных атак и растерянность, являющаяся типичной реакцией большинства стран на акции информационной войны, делает информационные войны одним из основ-

ных элементов современных гибридных войн, таких как война в Сирии или конфликт в Украине.

Технологии информационных войн активно и весьма охотно применяют не только страны Запада (прежде всего, США, где термин «информационная война» официально закреплен в боевом уставе Армии США «Психологические операции»), но и международными террористическими организациями и группировками, такими как запрещенные в РФ «Исламское государство», Аль-Кайда. ИГ по всему миру ищет, вербует или просто нанимает на работу высококлассных специалистов в области кибервойны и информационного противоборства, которые в информационно-идеологическом поле вполне успешно конкурируют с силами специальных операций стран Запада.

В информационных войнах, ведущихся США по всему миру, американские специалисты используют шаблонную, стандартную схему многокаскадной операции с положительной обратной связью, мишенями которой становятся первые лица неудобных Вашингтону государств и политических режимов. Схема этой операции представлена на рисунке 1. «Панамский вброс» является

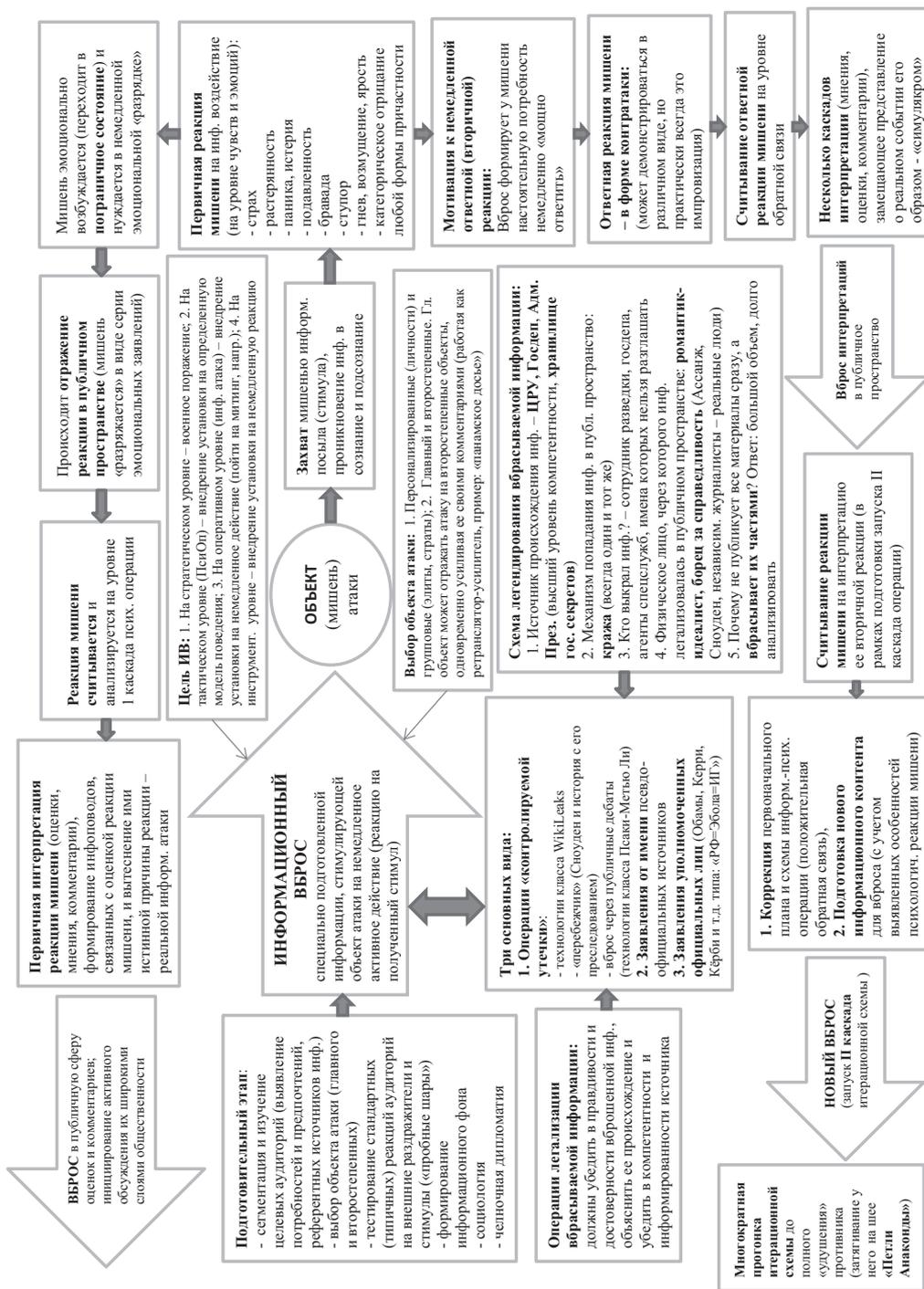
типичным примером такой операции и полностью укладывается в приведенную в статье схему.

Стандартная американская операция информационной войны, схема которой приведена на рис. 1, использует сочетание итерационной схемы последовательных вбросов компрометирующей информации со специальным механизмом коррекции, позволяющим тонко настраивать схему информационного воздействия под индивидуальные особенности ответной психологической реакции объекта (мишени) атаки. Реализуется такой механизм на практике посредством положительной обратной связи, предполагающей обязательное «считывание» и анализ ответной реакции объекта атаки после каждого информационного вброса (которых в операции информационной войны может быть несколько) и внесение соответствующих корректирующих изменений в исходную схему информационной атаки. Особенности американского стиля ведения информационных войн заключаются в том, что американцы просто не могут нормально работать без обратной связи с мишенью атаки: считывая ее реакции, организаторы операции понимают, что они все делают правильно (если мишень демонстрирует именно те формы поведения, которые являются ожидаемыми и вписываются в сценарий атаки) и что «все идет по плану». Если обратная связь, по каким-либо причинам, разрывается, американских политтехнологов охватывает состояние истерии и паники.

Наиболее часто объектом информационной атаки становятся первые лица государства — президент и премьер: с них, как правило, информационная война и начинается. Причина этого предельно проста: первые лица всегда находятся под прицелом, они ведут публичный образ жизни, каждый их шаг, каждое их действие или движение рассматривается сквозь лупу. То, что прощается любому публичному политику,

даже самому высокопоставленному и известному, никогда не прощают лидерам государства: они часто просто не имеют права на ошибку, что в определенном смысле роднит их с саперами. В силу своей публичности именно первые лица государства выступают главными ньюсмейкерами и производят большинство резонансных инфоповодов, которым затем дают свою интерпретацию национальные и зарубежные СМИ. Информационная война всегда разворачивается вокруг первых лиц, их действий, реакций на те или иные события, которые на первоначальном этапе тщательно прощупываются и тестируются с помощью заведомо провокационных вбросов ложной информации, запуска в социальных сетях вирусного контента, распространения слухов и сплетен, способных эмоционально «зацепить» хотя бы одного из первых лиц государства и вызвать его ответную резкую, эмоционально окрашенную реакцию.

Особую роль в информационных войнах играют средства массовой информации и коммуникации (СМИ). Они играют роль, с одной стороны, канала доведения информационного воздействия до конкретной целевой аудитории (политических элит, лидеров мнений, широких слоев общественности, политически активной молодежи), с другой — выступают непосредственным участником конфликтного взаимодействия. В современных конфликтах СМИ активно используются как средство дезинформации и пропаганды, как инструмент манипулирования общественным мнением, массовым сознанием и поведением граждан, как инструмент прямого давления на оппонентов. Именно через так называемые «независимые» СМИ спецслужбы осуществляют вбросы («контролируемую утечку») информации, компрометирующей их соперников, дестабилизирующей политическую обстановку в различных странах, инициирующей массовые протесты в стиле

цветных революций. СМИ также имеют обыкновение выдавать непроверенную информацию за достоверную, если в ней содержатся элементы сенсационности,

тем самым способствуя ее легализации. Экстремисты часто используют СМИ для усиленного разжигания националистический, экстремистский настроений

даже в тех регионах, где эти противоречия уже давно не проявлялись; именно прозападные, демократические СМИ формируют романтический образ цветных революций в тех странах, где осуществляются «цветные» государственные перевороты, они же затем легитимируют хунты, пришедшие к власти. Западные СМИ активно участвуют в формировании образов «стран-изгоев» (в эту категорию попадают все страны, проводящие независимую от США внешнюю политику), провоцируя новые международные конфликты и столкновения.

В качестве субъектов информационных атак часто привлекаются «независимые журналисты», выполняющие политический заказ. Эта «темная сторона» деятельности современных СМИ связана с тем, что современные СМИ фактически не могут быть независимыми: журналисты зависят от мнения главного редактора и редакционной политики, которая для них является своего рода корпоративной цензурой; редакторы изданий зависят от владельцев СМИ и от спонсоров, которые напрямую диктуют, в каком ракурсе журналисты должны подавать те или иные события; боязнь потерять источники финансирования делает современные СМИ даже в демократических странах чрезвычайно зависимыми и несвободными. Единственная свобода, которая еще пока остается у журналистов — уволиться, если его собственные взгляды не совпадают с «мнением редакции». Но очень немногие пользуются этим правом, предпочитая путь конформизма.

Особое внимание заслуживают технологии, применяемые в современных информационных войнах и распространяемые по каналам СМИ. Наряду с более сложными технологическими схемами, в информационных войнах используется целый ряд простых приемов. Наиболее распространен среди них метод «наклеивания ярлыков». Работает он так: в отношении одного из первых лиц

государства вбрасывается информация компрометирующего характера, в которой он без каких-либо веских оснований объявляется коррупционером. Первоначальная реакция на такие обвинения, как правило, носит эмоциональный характер: попытка наклеить ярлык коррупционера воспринимается как чушь, дикость, абсурд. Однако ассоциативная связь между личностью политика и образом коррупционера при этом в сознании граждан все же выстраивается, а яркая эмоциональная реакция эту связь закрепляет. В результате, спустя некоторое время, образы лидера и коррупционера в сознании человека совмещаются и ярлык коррупционера прочно «приклеится» к личности конкретного политика. «Отодрать» или «отмыть» его затем будет очень непросто. Именно этот прием «наклеивания ярлыков» был использован Западом в информационной войне против лидера российского государства, сначала на базе извлеченного из нафталина «Дела Литвиненко», а затем и благодаря известному фильму про коррупцию в России, показанному по британскому телеканалу BBC-2. Появился даже особый термин — «демонизация Путина», связанный с непрерывным наклеиванием новых ярлыков поверх прежних на один и тот же объект информационных атак.

Не менее распространенным в современных информационных войнах является метод так называемых «пробных шаров», которыми прощупываются эмоциональные реакции первых лиц на различные внешние раздражители. Действует он так: в отношении одного из первых лиц государства выдвигаются обвинения заведомо оскорбительного характера: к примеру, лидера и его страну ни с того ни с сего объявляют угрозой всему демократическому миру и ставят в один ряд с вирусом Эбола и с ИГ. Эти обвинения сконструированы так, чтобы они вызвали настойчивое желание «мощно ответить»; они служат своего

рода приманкой, провоцирующей политика на ответные заявления столь же эмоционального характера. Если провокация удалась, и лидер эмоционально ответил на «обвинения Запада», объектом информационной атаки становится уже конкретная эмоциональная реакция конкретного лидера, а первоначальные обвинения сразу же «забываются». Метод «пробных шаров» работает очень точно и без перебоев, но в его функционировании есть одна особенность: он всегда должен получать «обратную связь» от объекта информационной атаки (то есть от самого лидера), которая дает возможность организаторам информационной атаки контролировать процесс. Если по каким-то причинам обратная связь теряется — так, как это было перед Олимпиадой в Сочи, когда Президент РФ на неделю исчез из публичного пространства и западные политтехнологи, перестав получать от него «обратную связь» на свои информационные выпады, потеряли связь с реальностью и запаниковали.

Довольно часто информационные атаки, в которых в качестве объекта критики фигурирует первое лицо, направлены не на него самого, а на элиты, которые его окружают. Эти элиты в условиях санкций и нарастания международной напряженности могут испытывать различного рода колебания, которые очень тонко улавливаются организаторами информационных войн и затем умело раскачиваются по принципу маятника. Эта технология была применена в Югославии для свержения Милошевича: его, фактически, сдала собственная элита после того, как ей намекнули на то, что те, кто будет и дальше поддерживать Милошевича, через некоторое время разделят его участь. Недавний фарс с оглашением приговора Караджичу также является информационным поводом, раскручивая который, Запад вполне прозрачно намекает на то, что любой лидер, выступающий против воли США, в конечном

итоге может повторить участь Милошевича, Караджича, Каддафи.

Именно на российскую политическую элиту был направлен недавний вброс информации о панамских офшорах, получивший название «панамского досье». В центре скандала оказался панамская юридическая фирма «Mossack Fonseca», занимающаяся разработкой и организационно-правовой поддержкой офшорных схем. Ключевым участником раскручивания скандала стали западные либеральные СМИ, поддержанные некоторыми либеральными СМИ внутри России (такими как РБК).

В руки так называемых журналистов «Международного консорциума» попала информация, украденная у панамской юридической компании. То есть, «независимые» журналисты стали фактически перекупщиками краденого. В большинстве стран мира за это полагается уголовная статья и реальные сроки. Однако в данном случае новоявленных борцов против офшоров никто не тронул: напротив, на Западе из них сделали героев, попытавшихся поймать за руку на «грязных махинациях» людей, обладающих в современном мире реальной властью и влиянием. Правда, как показал киевский майдан, «хороший герой — мертвый герой», об этом журналисты-идеалисты, рискнувшие ради славы (или на возмездной основе) вязаться в сомнительную игру с явно крапленными картами, вероятно, забыли. Саму кражу, как обычно, «повесили» на неустановленного «осведомителя» немецкой БНД, который по заданию все той же разведки искал в панамских офшорах следы деятельности немецких граждан, уклоняющихся от налогов, а наткнулся на след, ведущий к президентам Украины, Аргентины и едва ли не в сам Белый дом. Именно эту информацию на неграждан Германии БНД добросовестно «слил» СМИ, компенсировав, тем самым, расходы, выплаченные осведомителю. Что ж, в условиях острого миграционного

кризиса в Европе и разведчикам жить на что-то надо.

Любопытно, что если бы подобного рода материалы передал журналистам Сноуден или любой другой его идейный последователь, возмущенные граждане США порвали бы его «на британский флаг», заклеили предателем национальных интересов и вечным позором. Здесь же наблюдается полная тишина: никто не возмущается, мягко говоря, сомнительным происхождением «панамского досье», потому что это может посеять сомнение по поводу их подлинности. Это наводит на мысль, что в случае с «панамским досье» мы имеем дело с хорошо сделанным фальсификатом, в который, ради создания иллюзии достоверности, вложены подлинные документы, раскрывающие реально существующие офшорные схемы президентов Украины, Аргентины, ряда заметных (но не крупных) европейских политиков и бизнесменов. И все это вбрасывается по схеме, блестяще отработанной на практике на примере проекта WikiLeaks.

Кстати, именно WikiLeaks всего через три дня после начала «панамгейта» заявил, что «скандал с панамским офшором заказан Вашингтоном и направлен против Путина». Это такая типичная для информационных операций «повторная подсветка» исходного события с «правильной» (корректирующей) его интерпретацией: тем, кто не понял, добрые дяди из Лэнгли доходчиво объяснили, что связь «панамского досье» с первыми лицами российского государства существует, эта связь прямая и явная.

Угроза повторной атаки, связанной с вбросом очередной порции «панамского компромата», по-прежнему остается реальной: «Международный консорциум журналистских расследований» (ICIJ) уже обозначил дату опубликования новой порции секретных материалов. Вброс очередной порции дезинформации и слухов, по всей видимости, будет осуществлен одновременно с офи-

циально объявленным стартом выборной кампании в Государственную Думу. Очевидно, что время для второй информационной атаки выбрано не случайно: борьба за места в ГД будет чрезвычайно тяжелой и для ЕР, и для остальных парламентских партий. Однако если непосредственно перед голосованием будет осуществлен вброс очередной порции компрометирующих материалов из «панамского досье» — у кандидатов от ЕР не будет времени для того, чтобы «отклеить» прилепившийся к ним «ярлык», и избирательная кампания для ЕР фактически будет сорвана. Если ситуация пойдет по сценарию, предполагающему массивированный вброс компромата по схеме «панамского досье» с самого момента старта избирательной кампании, то к осенним выборам в ГД пропрезидентская элита подойдет, скорее всего, не в лучшей форме.

В стратегическом плане цель развязанной против России информационной войны довольно проста: любыми способами расшатать и расколоть российскую политическую элиту. Скандал с офшорами — тот самый инструмент, который реально способен ее расколоть: одна часть ее будет в значительной степени деморализована и запугана, другая — наоборот, перевозбуждена и настроена на «решительный отпор». В ситуации экономического кризиса и сильного внешнеполитического давления такой психологический диссонанс между сторонами прекращения конфликта с Западом и теми, кто готов немедленно нанести по «врагу» превентивный удар, может привести к расколу со всеми вытекающими последствиями. Уже сейчас в действиях элиты просматриваются попытки организовать «кавалерийскую контратаку» на западные центры информационной войны — попытки, плохо скоординированные и, следовательно, имеющие большой шанс угодить в умело расставленную ловушку или повестись на провокацию. Постоянное напряже-

ние в этом вопросе поддерживает сам фактор неизвестности: никто не знает, какие именно материалы будут во второй части «панамского досье», и каждый примеряет это досье на себя. А, как известно, ожидание смерти — хуже самой смерти. Тем более что «честные журналисты» из ICJ уже поспешили заявить, что раскроют материалы и по другим офшорным зонам, но ради интриги не уточнили, каким именно.

При всей своей опасности, информационные войны все же не являются «смертельным оружием»: в этой войне побеждает тот, кто умеет предсказать действия своих противников на несколько шагов вперед. И затем нанести

удар, который не ожидают. Как в Сирии. В этом плане особого внимания заслуживает деятельность российских каналов инновационного вещания, таких как RT и радио «Спутник», которые успешно доводят российскую точку зрения до зарубежных (в том числе западных) аудиторий: RT смотрят даже в США, что вызывает озабоченность Государственного департамента. Не случайно Дж. Керри, выступая в Конгрессе, около года назад заявил, что «русские СМИ работают настолько эффективно, что они уже влияют на формирование общественного мнения в самих Соединенных Штатах», и «нам надо создать такие же СМИ, способные противостоять русской пропаганде».

5. АСАД В ОБЪЕКТИВЕ SKY NEWS: КАК СОЗДАЮТСЯ МИФЫ

Информационная война против России продолжается. На этот раз ее фокус переместился на сирийский театр военных действий, где российские ВКС совместно с армией САР «дожимают» вооруженные формирования ИГИЛ и Джебхат ан-Нусры в провинции Алеппо. Примечательно, что информационная атака на Асада и на всех, кто его поддерживает, была организована в преддверии встречи Керри и Лаврова, состоявшейся 5 мая, в ходе которой высокие стороны договорились о режиме прекращения огня в Алеппо. Для США Алеппо — ключевая точка их политических коммуникаций в Сирии: Керри рассчитывал отдать город, из которого сирийские, иранские и российские войска стали выдавливать ИГ и ан-Нусру, так называемой «умеренной сирийской оппозиции». К весьма популярной сегодня в Сирии категории «умеренных оппозиционеров» Вашингтон потребовал причислить союзников ан-Нусры — группировки Ансар аль-Ислам, Ахрар аш-Шам и др., все еще удерживающие часть жилых кварталов Алеппо. Россия же выступила против сотрудничества с исламистами, даже если они успели

«вовремя раскаться» и отречься от Джебхат ан-Нусры. Это вызвало явное неудовольствие наших заокеанских партнеров: 5 мая в своем обращении к России и Ирану Керри публично заявил, что США Алеппо Асаду не отдадут. Это заявление государственного секретаря США прозвучало как почти неприкрытая угроза. Свою решимость не пустить сирийцев и русских в Алеппо США подкрепили мощной информационной атакой, в которой независимые журналисты британского телеканала SkyNews обвинили Асада в сотрудничестве с террористами из «Исламского государства». Основанием для столь тяжких обвинений послужили секретные документы, переданные британским журналистам перебежчиками из ИГ. Не раскрывая имен, журналисты SkyNews сразу же заявили, что документы — подлинные, поскольку они перебежчиками похищены. Мир, еще не оправившийся от аналогичного по своей сути скандала с «панамским досье», тоже, кстати, похищенным, содрогнулся в очередной раз.

Явное сходство «сирийского» и «панамского» «досье» не случайно: организационно-технологическая схема

информационной атаки в точности повторяет вброс «панамского досье», осуществленное так называемыми «независимыми журналистами» из неправительственной организации «Международный консорциум журналистских расследований». Тогда в поле зрения мировой общественности попали несколько сотен тысяч документов, раскрывающие теневую деятельность 147 политиков и общественных деятелей, среди которых оказалось и несколько российских фамилий. По словам журналистов, эти материалы были похищены у панамской юридической компании платным осведомителем немецкой разведки БНД, поэтому они подлинные. В «сирийском досье» на Асада, включающем всего лишь 22 тысячи документов, с точностью до деталей повторяется все тот же сценарий: материалы, уличающие Асада в связях с лидерами террористов, «похищены» перебежчиками из ИГИЛ, и поэтому они в принципе не могут быть подделкой. Имена перебежчиков в интересах их собственной безопасности, разумеется, не разглашаются; по сути, речь идет о неустановленных лицах, об анонимах. А без них уточнить происхождение и подлинность документов в принципе невозможно: трудно даже представить, что кто-нибудь лично отправится к террористам ИГ для того, чтобы выяснить, не пропало ли у них что-нибудь в последнее время. Вот так просто пойдет и спросит.

Цель информационной атаки предельно проста: в преддверии освобождения Алеппо попытаться скомпрометировать Асада, поставив его на одну планку с лидерами террористов. Это типичный пример «наклеивания ярлыков» — приема, который применялся и в скандале с «панамским досье». Ведь, если Асад договаривается с террористами, то он ничем от них не отличается и, по мнению западных «партнеров» по антитеррористической коалиции, теряет легитимность и право участвовать в президентских

выборах в «новой, обновленной» Сирии (предусмотренных резолюцией Совета Безопасности ООН №2254). Следовательно, Алеппо, очищенный от боевиков ИГИЛ, ему можно и не отдавать. Вот такая немудреная комбинация. Ничего сложного и высокоинтеллектуального, обычный расчет.

В целом, у этой комбинации были бы все шансы сработать, если бы не одно «но»: избитость и затасканность сценария, по которому в последнее время западные пропагандисты отработали и «дело Литвиненко», и «панамское досье», и «боинг», и «сирийский архив», уже бросается в глаза даже неискушенному в информационных играх зрителю. В этих спектаклях персонажи постоянно меняются, а сам сценарий остается неизменным. Очередной вброс «сенсационных материалов», широко анонсируемый западными СМИ, уже не производит впечатление сенсации — зрителей не оставляет ощущение, что где-то это они уже видели. Даже повторная подсветка события, фокусирующая внимание аудитории на определенных выводах и заключениях — типа, того, что «сирийское досье» — это «сигнал Путину» — уже не цепляет. Создается впечатление, что западные режиссеры информационных атак на Сирию и Россию действительно «поисписались», их надо увольнять за профнепригодность.

Несомненно, те, кто подготовил вброс компромата на Асада, позаботились и о том, чтобы включить в пакет с фальсификатом пул подлинных документов. Эти материалы могут проливать свет на то, каким образом боевиков выдавливали из густонаселенных районов и, в частности, из Пальмиры, штурм которой обязательно привел бы к большим жертвам среди мирного населения: часто боевикам специально оставляли коридор, через который они могли эти населенные пункты покинуть. Их не только уничтожали, но и выдавливали с занимаемой ими территории. При этом контакты между командирами сирийской

армии и боевиками, разумеется, были. Их теперь и пытаются представить в ка-

честве доказательства сговора между ИГИЛ и политической элитой САР.

6. ФЕНОМЕН ТРАМПА

Одним из признаков гибридизации мировой политики является возникновение политического феномена кандидата в президенты США от республиканской партии, миллиардера Трампа. Дональд Трамп — совершенно нетипичный представитель американской политической элиты, он кардинально отличается от других кандидатов в президенты США — как демократов, так и республиканцев. Он не принадлежит ни к одной из влиятельных семей (Кеннеди, Бушей, Клинтонов и др.), считающих политику своей вотчиной, и не подчиняется принятым в их среде законам и неписаным правилам. Претендуя на высший пост в государстве, Трамп при этом является для американских элит выскочкой, способной ниспровергнуть существующий порядок в интересах той самой части общества, которая продолжает верить в истинные ценности демократии. Трамп обещает вывести страну из кризиса, восстановить авторитет и доверие к Соединённым Штатам на мировой арене, и его обещаниям верят. Этим объясняется его феноменальный успех на праймериз. Между тем, бывшие кандидаты в президенты от республиканцев, проигравшие на праймериз Трампу, именно в Трампе видят главную угрозу существованию США и готовы объединиться со своими врагами — республиканцами — ради того, чтобы устранить Трампа с политической арены. Благодаря этим тенденциям Д. Трамп рискует повторить судьбу Д. Кеннеди.

26 мая 2016 года в США свершилось невозможное: впервые за все время президентской гонки политический лидер из лагеря республиканцев, миллиардер и бунтарь Дональд Трамп получил право стать главным и единственным кандидатом в президенты США от Республи-

канской партии. За него проголосовало 1238 выборщиков — делегатов съезда Республиканской партии, который состоится в Кливленде в июле. Для Трампа преодоление этого рубежа — это приобретение своеобразного «контрольный пакет акций» республиканской партии, 50% + 1 голос, открывший ему путь к президентству. С этого момента Трамп вышел на прямой путь к заветной цели: на пути у Трампа остались только демократы, которых он уверенно затем смял. Хиллари Клинтон, несмотря на все свои президентские амбиции, в реальности не имела против Трампа ни шанса. Хотя бы потому, что в своей предвыборной кампании она копировала жесты, манеры, стиль поведения и даже риторику Трампа, следуя в фарватере нового американского «Че Гевары».

Вскоре Трамп стал единственным кандидатом от республиканцев: его непримиримые противники по партии, сенатор от Техаса Тед Круз и губернатор Огайо Джон Кейсик, сняли свои кандидатуры, не выдержав накала борьбы. В попытках одолеть Трампа все они сделали неверные ставки и проиграли. При этом Трамп, узнав об отказе самого опасного своего конкурента Теда Круза от борьбы, назвал это мужественным поступком, отметил личностные и волевые качества своего поверженного соперника и заявил, что обойти Круза удалось только благодаря необычайному напряжению сил и круглосуточной работе. Этот благородный жест привлек к нему симпатии не только его сторонников, но и значительной части противников миллиардера. Между тем, в жесте Трампа не было благородства — он еще раз подчеркнул свою политическую мощь, свою способность сокрушить даже очень сильного и опасного противника.

На политическом Олимпе США Трамп — настолько примечательная фигура, что ее рассматривают уже не с точки зрения лидерских качеств, а как явление, породившие особый, чрезвычайно сложный для понимания «феномен Трампа». Трамп не вписывается ни в одни рамки, ни в одни привычные представления американцев. Он полон противоречий, но эти противоречия органично уживаются в его образе и становятся частью его харизмы. В попытках подобрать ему аналог Трампа сравнивают то с Кеннеди, то с Годзиллой. При этом вспоминают, что Кеннеди примерно также, как и Трамп стремительно начинал свое восхождение на вершины власти, а закончил в Далласе не самым удачным образом. Что, мол, ждет и Трампа, если он не перестанет хулиганить и ниспровергать устои, на которых покоится американское общество. В России Трампа часто сравнивают с Жириновским — они действительно необычайно похожи. При этом, кого из них считать чистым образом, а кого — карикатурой, каждый решает для себя сам.

У «феномена Трампа» есть довольно простое объяснение. Трамп — настоящий. Он не играет роль политического лидера, способного объединить нацию, он реально живет тем, что делает, и всегда остается самим собой. Трамп — природный харизматичный лидер, типичный народный вожак, способный увлечь и повести за собой толпу. И люди за ним идут. Противники Трампа, как демократы, так и республиканцы, осыпают его насмешками за «отсутствие интеллекта», привычку говорить с американцами простым, простонародным языком, понятным грузчикам, ковбоям и лесорубам и режущим слух выпускникам Гарварда, Стэнфорда, Йеля. Однако именно простым словам Трампа удается глубоко запасть в сердца и души американских граждан, которые затем готовы отдать за него голоса. Услышав Трампа, люди идут именно за ним и порою даже не в со-

стоянии ответить, что именно их к нему влечет. Трамп излучает определенный магнетизм, притягивающий всех, попадающих в зону его персональной гравитации, гипноза.

В фигуре и образе Трампа есть много противоречивого. Он — бунтарь, народный вожак, «срыватель покровов», политический хулиган. Он не просто завоевывает публику, он ее эпатирует, шокирует и доводит своими речами, лозунгами и призывами до состояния полуистерии, до предынфарктного состояния. Он всегда предельно конкретен, он — человек дела, ставший миллиардером благодаря недюжинной воле, упорству и личностным качествам: когда Трамп утверждает, что вправится с проблемами Америки и возродит ее величие, народ ему верит практически безоговорочно. Трамп раздает направо и налево обещания, многие из которых — взаимоисключающие, но простые граждане все ему прощают. Это отношение к Трампу просто бесит политические элиты США.

И самое главное: Трамп в большой политике не идет проторенными путями, он разрывает шаблоны и навязывает своим соперникам свой стиль и свои приемы политической борьбы. Даже главный противник Трампа — сенатор Хиллари Клинтон, во время президентской кампании 2016 года была вынуждена копировать его методы работы с электоратом и даже политическую риторику: именно Трамп впервые взорвал мозг американцев своим заявлением о том, что с Россией надо не воевать, а дружить, потому что это великая страна, а Клинтон затем все это слово в слово повторила. За эти «новации» Трампа почти на зоологическом уровне ненавидят не только его противники демократы, но и его заклятые друзья по Республиканской партии: Трамп — человек не их круга, для представителей «старых семейств», прибывших в США еще на «Мэй Флауэр», он выскочка, которого обязательно надо проучить — в назидание потомкам и возмож-

ным последователям. В их общем понимании, избрание Трампа президентом США несет для страны даже большую угрозу, чем «неоимперские» амбиции восходящей России. Трамп уничтожит Америку, его надо остановить любой ценой. Ради этой цели республиканцы готовы объединиться с демократами даже в ущерб интересам своей партии. Воистину, ненависть объединяет, а абсолютная ненависть к Трампу объединяет абсолютно.

При всей своей эксцентричности, Трамп — очень сильный соперник. В то время как его соперники, как демократы, так и республиканцы, рассматривали свою роль в политике как особую, «одобренную свыше» миссию, несущую свет, ценности и свободы, Трамп относился к политике как к проектной деятельности: для него выборы президента — это бизнес-проект, ничем не отличающийся от проектов, которыми Трамп руководит в бизнесе. Трамп может себе позволить идти наперекор устоявшейся политической традиции и правилам игры потому, что он независим: он имеет собственный капитал, из которого финансировал свою кампанию. Он не зависел от спонсоров, дающих деньги кандидатам под вполне определенные цели. В ценностном плане Трамп — сторонник сильного государства, возрождения мощи и авторитета США, сильно упавшего в период президентства Обамы; он сторонник решительной борьбы с финансовыми «пузырями». Но, если США в плане восстановления государственности покажутся Трампу безнадежными, он поступит с ними так же, как поступают в бизнесе с безнадежно убыточными проектами: разделит и распродаст по частям.

В отличие от избирательной кампании Трампа, стратегия президентской кампании Хиллари во всем повторяла кампанию Обамы. Образ Клинтон — это слепок, реплика с образа Обамы, а сама кампания демократов была попыткой продвинуть в Белый дом точно

такого же экзотического президента, каким был Обама на протяжении всех лет своего правления. Демократы не предлагают США ничего нового, в то время как Трамп не имеет аналогов в истории США, и не только их одних. Именно поэтому сенатор Хиллари Клинтон против Трампа не имела ни шанса.

Есть еще один эффект, связанный с «феноменом Трампа»: с фигурой Трампа связывают надежды на то, что с его приходом в Белый дом все изменится и мир никогда уже не будет прежним. На эмоциональном уровне это выражается в особом роде предчувствия, которое витает в умах, по меньшей мере, половины населения Земного шара. Особенно много надежд на Трампа возлагают в России, считая его тем человеком, который, наконец, разорвет порочный круг санкций и «прорубит окно в Россию», основательно заколоченное перед этим Обамой. И в российско-американских отношениях наступит долгожданная оттепель.

Жизнь, однако, не всегда дает поводы для одного только оптимизма. С приходом в Белый дом Трампа внешняя политика США по отношению к России вряд ли изменится: заявления Трампа о необходимости срочно налаживать отношения с российским руководством, срочно «звонить Путину», скорее отражают желание миллиардера сойтись в драке с противником на более близкую дистанцию. Трамп упрям и настойчив, он не отступит и не признает российско-го превосходства, пока ему не расквасят нос. Именно поэтому России ждать исторических поворотов от Трампа пока не приходится. Он не отменит санкции, хотя сам бы их на месте Обамы никогда бы не стал вводить: в сложившихся условиях он постарается поиграть этим инструментом, хотя бы для того, чтобы окончательно убедиться в его бесполезности. Но, даже сохраняя прежний формат отношений с Россией, Трамп столкнется с колоссальным сопротив-

лением элит и расколом американского общества: одной из реакций на приход Трампа в Белый дом может стать распад США на несколько фрагментов — по сценарию, приведшему в свое время Соединенные Штаты к гражданской войне Севера и Юга. Американское общество ждет раскол. Трамп как политический лидер обладает способностью этот раскол предотвратить и собрать распадающееся государство в единое целое, в монолит — для этого у него есть воля, решимость и необычайное упорство. В частности, Трамп жестко подавит любые попытки техасских сепаратистов к отделению и, вероятно, решит техас-

скую проблему надолго. Но станет ли Трамп это делать — сам по себе очень большой вопрос.

В случае прихода Трампа к власти Америке ждет непростой период. Трамп либо восстановит мощь и авторитет США в меняющемся мире, либо будет способствовать их окончательному краху. Он демонтирует Pax Americana и сконцентрируется на внутренней борьбе с элитами, которые обязательно поднимут против него мятеж. При Трампе США погрузятся в решение внутренних проблем, устранение расколов, и им будет не до России, Украины, Сирии. Мир, наконец-то, может быть, вздохнет спокойно.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная мировая политика — явление, очень динамично развивающееся и, одновременно, все еще весьма нестабильное и неустоявшееся. Ее возникновение вызвано массовым вторжением в международную политику негосударственных акторов. Однако, мировая политика сегодня не просто продолжает формироваться — она стремительно гибридизируется, поскольку в сферу политики, «отвоеванной» у классических вестфальских акторов «актерами вне суверенитета», начинают вторгаться новые акторы, порожденные гибридными вой-

нами, цветными революциями и управляемым хаосом. Гибридизация и без того еще окончательно не завершившегося процесса формирования мировой политики носит сложный и противоречивый характер: часто это приводит к архаизации международно-политических отношений, то есть вместо прогресса наблюдается регресс. Вместе с тем, именно в процессе гибридизации мировой политики роль и функции национальных государств получают новое содержание, определяющие смысл их существования в новых условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / под ред. П.А. Цыганкова. — М.: Издательство «Русайнс», 2015. С. 84-114.
2. Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. / М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. 111 с. ISBN: 978-5-238-02631-2
3. Манойло А.В. Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире. / Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.vestnik-mgou.ru, 2015. № 2, с. 1-14.
4. Манойло А.В. «Убить котенка», или как действуют технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Конфликтология / nota bene. — 2015. — № 2. — С. 104-107. DOI: 10.7256/2409-8965.2015.2.15851
5. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н.Э. Баумана / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. — 306 с.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Ежов Д. А.

*Кандидат политических наук, доцент. Заведующий кафедрой философии и политологии
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений».*

Тел.: 8(499) 739-62-53.

e-mail: president@lenta.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются детерминанты политического развития России в условиях глобальной конфронтации. Автор анализирует особенности современного мирового политического процесса, акцентируя внимание на оценке стратегического значения России в трансформирующемся мировом порядке.

Ключевые слова: мировой порядок, глобальная конфронтация, политическое развитие, мировой политический процесс.

D.A. Ezhov.

Head of the Chair of Philosophy and Political Science, Academy of Labour and Social Relations. Candidate of political sciences, Associate Professor.

Tel. 8(499) 739-62-53.

e-mail: president@lenta.ru.

DETERMINANTS OF POLITICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE GLOBAL CONFRONTATION

Summary. The article discusses determinants of political development of Russia in the global confrontation. The author analyzes the features of modern world political process focusing on assessment of the strategic meaning of Russia in the changing world order.

Key points: world order, global confrontation, political development, world political process.

Существенные изменения, произошедшие за последние годы на мировой политической арене, побуждают актуализировать проблему поиска пути России в мире и ее роли в современной истории. На сегодняшний день политическое развитие российского государства происходит под влиянием тектонических сдвигов в актуальной модели мирового порядка, которая неизбежно, вследствие совокупности действий ведущих международных акторов, вынужденно подвергается пересмотру, что предполагает формирование адекватной и жизнеспособной альтернативы. Ниже представлено авторское видение основополагающих детерминант политического развития России, отражающих современные реалии.

Актуальное восприятие международно-политической ситуации видится нам определяемой в качестве геостратегически

нестабильного состояния, функционирующего в условиях глобальной конфронтации. В современном мире во многом за счет активизации процессов глобализации и интеграции создается проект, предполагающий неформальное противостояние провозгласившего себя лидером «условного Запада» и остальной части мира. Обозначенная условность вызвана размытостью географических границ этого своеобразного участника мирового политического процесса, а также тем, что приобщение к нему каких бы то ни было конкретных государств продиктовано в большей степени цивилизационными, геополитическими и ментальными причинами. Полагаем, что структурно «условный Запад» состоит из двух типов интегрированных в него государств — функционального ядра, являющегося фактическим инструментом осуществления конфронтацион-

ной международно-политической стратегии, и управляющего центра. В настоящее время функциональным ядром «условного Запада», с нашей точки зрения, можно считать большую часть западноевропейских государств, а также страны, тяготеющие и стремящиеся к европейской модели развития. Управляющим центром «условного Запада», в соответствии с предлагаемой концепцией, являются США, по причине невозможности отказа от веры в миф об исторической исключительности, а также претензии на сильное и устойчивое лидерство в мире, закрепленной в действующей Стратегии национальной безопасности США. Необходимым представляется пояснить, что по мере эволюции конфронтационной линии неформальные границы «условного Запада» могут подвергаться изменениям. В частности, спровоцировавшая возникновение феномена поляризации общества трансформация социальных настроений и электоральных предпочтений в США, практически выразившаяся в избрании Президентом США Д. Трампа, может привести к частичной деконструкции актуальной модели. Данный факт во многом создает предпосылки для коррекции политической повестки дня другими государствами, номинально относящимися к «условному Западу». Так, характерными примерами являются победы сторонников евроскептицизма на выборах глав Болгарии и Молдавии в ноябре 2016 года. Полагаем, что ареал распространения идей евроскептицизма на уровне официальной власти имеет в перспективе тенденцию к расширению за счет западноевропейских государств, что будет способствовать переформатированию риторики в области международной политики и последовательному смягчению конфронтационной линии.

Остальная часть мира представлена серьезными игроками на мировой политической арене, большинство которых сконцентрировано в пределах евразийского пространства. В отличие от «условного Запада» определение явного лидера

среди акторов альтернативного полюса представляется затруднительным ввиду имеющейся вариативности. С нашей точки зрения, в качестве доминирующих центров притяжения в этой системе координат могут рассматриваться страны БРИКС и ШОС. Активизация этих международных организаций вызывает серьезную обеспокоенность на Западе. При этом мы не можем исключать, что особое значение в рамках обозначенного пространства в перспективе, с высокой долей вероятности, будет отводиться России как члену указанных выше организаций и важнейшему актору мировой политики с учетом преодоления страной кризисных явлений в экономической сфере. Наше предположение во многом обусловлено исторически доказанным высоким значением России как стратегического партнера для большинства современных государств. В этой связи, очевидным представляется тезис, заключающийся в том, что политическое развитие России, являющееся непосредственным предметом нашего исследовательского интереса, на сегодняшний день осуществляется в условиях глобальной конфронтации, фактическим проявлением которой стало внешнее давление. В качестве инструментов давления следует рассматривать информационную войну и санкции со стороны «условного Запада». Именно в данном контексте представляется целесообразным рассмотреть объект, на который они призваны воздействовать.

В имеющихся условиях по состоянию на данный момент в России сложилась уникальная социально-политическая ситуация, характеризующаяся высоким уровнем поддержки президентской власти; подъемом патриотических настроений; а также укреплением национально-политической идентичности, ставшим прямым следствием внешнего давления на Россию. Примечательно, что все это происходит на фоне сложной экономической ситуации, падения доходов и уровня жизни населения, что формирует целостную

картину восприятия текущего положения дел в государстве, характеризующуюся явным диссонансом. В политической истории РФ как самостоятельного государства такого сочетания сплоченности нации на фоне глубоких экономических проблем еще не встречалось. Совокупность перечисленных выше факторов подчеркивает своеобразие общего фона политического процесса и во многом задает тональность содержанию политической борьбы. Характеристики, детерминирующие актуальную социально-политическую ситуацию, заметно отличаются от наблюдавшихся ранее трендов, в том числе и от тех, что становились непосредственным поводом для роста протестных настроений и попыток активизации действий со стороны «внесистемной» оппозиции в условиях относительно стабильных международно-политических процессов. С нашей точки зрения, факт существенного изменения социально-политической ситуации в России за последние годы принципиальным образом отражается на характере современного политического процесса и качественно его трансформирует.

Высокий уровень поддержки президентской власти предлагается нами к рассмотрению в качестве основополагающей детерминанты текущей политической ситуации в России, что подтверждается результатами многочисленных социологических исследований. При продуцировании вывода мы отталкиваемся от данных ведущих аналитических центров, свидетельствующих о стабильной динамике рейтинга доверия Президенту РФ, как на институциональном, так и на личностном уровне, в двухлетней ретроспективе. Так, мы видим, что значительный рост популярности Президента РФ наблюдался в марте 2014 года, что вполне закономерно, ввиду поддержки широкими массами вхождения Республики Крым в состав РФ, пришедшегося именно на это время. Согласно данным «Левада-Центра», рейтинг одобрения В. Путина на посту Президента РФ в марте 2014 года составил 80%, что на

11% превышает соответствующий показатель, зафиксированный месяцем ранее. Впоследствии рейтинг главы государства имел тенденцию к повышению, достиг исторического максимума в 89% и по состоянию на май 2016 года он сравнялся с показателем в 80%. Иными словами, получается, что в течение последних двух лет рейтинг одобрения политики Президента РФ не опускался ниже 80%. Убедительным представляется довод, что в качестве определяющего фактора существенной трансформации хода политического процесса в России и его восприятия, способствующего укреплению роста авторитета и укреплению уровня доверия президентской власти, являются события, связанные с воссоединением Крыма с Россией. Последовательная линия в отстаивании государственных интересов РФ позволяет поддерживать достигнутый результат.

В то же время, необходимо заметить, что мы не проецируем высокий уровень поддержки Президента РФ на всю властную вертикаль и для полноты картины следует упомянуть о наличии негативных трендов в отношении общества к другим институтам власти. Так, основываясь на данных общероссийского социологического исследования «Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды», за последний год заметно упал рейтинг доверия Правительству РФ, снизившись 52% до 38%; демонстрируют тенденцию к снижению рейтинги одобрения деятельности региональных властей, органов местного самоуправления. Имеющаяся динамика вполне объяснима снижением реальных доходов и падением уровня жизни населения, неэффективной политикой в области экономической и социальной сфер в контексте масштабного кризиса. Глава государства в актуальных условиях воспринимается населением в качестве национального лидера, способного оградить страну от внешней угрозы, чем и объясняется кажущаяся внешне противоречивой для оценок комплексная картина.

Второй и третий факторы, определяющие актуальную социально-политическую ситуацию, которые идентифицируются нами как подъем патриотических настроений и укрепление национально-политической идентичности, ставшее следствием внешнего давления на Россию, в своей сущности являются прямыми следствиями раскрытой нами основополагающей детерминанты. На основании изложенного выше представляется правомерным тезис об исключительной силе влияния конкретной, исторически обусловленной, социально-политической ситуации на ход и характер современного политического процесса, в чем и заключается выявленная тенденция. Полагаем, что в сложившихся условиях актуальный политический фон формирует повестку дня для политической борьбы между партиями, а также для общественного дискурса, поскольку в сложившихся условиях, несмотря на кризисные явления в экономике, в массовом сознании в качестве приоритетной фигурирует проблема обеспечения национальной безопасности. Об этом, в частности, свидетельствует стабильность рейтинговых показателей, демонстрирующих отношение к первому лицу государства, в обозначившихся пределах.

С учетом того, что детерминантами актуальной политической ситуации в России являются высокий уровень поддержки президентской власти; подъем патриотических настроений; а также укрепление национально-политической идентичности, ставшее прямым следствием внешнего давления на Россию, считаем правомерным считать их детерминантами политического развития российского государства на современном этапе в условиях глобальной конфронтации. В своей системе аргументации мы исходим из поло-

жения, что содержательными компонентами политического развития являются политические процессы, а структурными элементами последних — политические ситуации. Таким образом, политическому развитию современной России свойственны указанные выше детерминанты.

Примечательно, что совокупность выявленных нами детерминант за счет способности России к мобилизации внутренних ресурсов обуславливает повышение роли и значения государства в глобальном мироустройстве. Состояние глобальной конфронтации обеспечило возникновение предпосылок для активизации стимула к дальнейшему развитию в условиях внешнего давления, не приведя при этом к фактической изоляции. Важнейшим итогом доминирования в развитии России выявленных детерминант является появление предпосылок к возрождению идеи державности в самосознании граждан. На наш взгляд, ее укоренение в виде национальной идеи способствует становлению государства на путь стабильного развития в обозримой перспективе.

В заключение отметим, что выявленные нами детерминанты политического развития России, проявившие себя в условиях глобальной конфронтации, демонстрируют способность государства к адаптации в любых обстоятельствах. Понимая, что Россия с учетом своего потенциала интегрирована в мировой политический процесс, следует признать ее большое значение в процессе формирования новой модели мирового порядка, утверждение которой в будущем, возможно, приведет к смене глобального лидера или, что более вероятно, к негласному установлению паритета между претендующими на соответствующую роль мировыми державами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ежов Д.А., Коняев С.В. Тенденции и перспективы трансформации мирового порядка // Геополитический журнал, №3(15), 2016, С. 61.
2. Ежов Д.А. К проблеме определения тенденций современного избирательного процесса в России // Власть, №5, 2016, С. 36.

РОССИЯ В МИРОУСТРОЙСТВЕ XXI ВЕКА, НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кряжев В.С.

*Действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса,
вице-адмирал в отставке
e-mail: vsk1945@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрываются вопросы стратегических потерь в результате развала СССР, новые вызовы военной безопасности России. Автор приходит к выводу, что на перспективу Россию больше всего устроила бы роль эффективного связующего звена между Востоком и Западом, на что имеются определенные предпосылки, делает акцент на совершенствовании и усилении роли ООН и ее структур. Важным представляется мнение автора о попытках США и их союзников сломать существующую систему ядерного сдерживания, о разработке ими новых подходов к проблеме войны и мира, негативно влияющих на вопросы безопасности и увеличивающих вероятность ядерного столкновения. Автор также делает вывод о жизнеспособности при определенных условиях системы ядерного сдерживания, эффективность которой, тем не менее, будет снижаться.

Ключевые слова: мироустройство, ядерное сдерживание, Россия — Китай, возможность ядерной войны, возможность обычной войны между ядерными державами.

Kryazhev V.S.

*A valid state counselor of the Russian Federation 3 classes, Vice-admiral in retirement
e-mail: vsk1945@mail.ru*

RUSSIA IN THE WORLD ORDER OF THE 21ST CENTURY, NEW CHALLENGES TO MILITARY SECURITY

Abstract. The article reveals the issues of strategic losses as a result of the collapse of the USSR, new challenges to Russia's military security. The author comes to the conclusion that for the future Russia would most of all find the role of an effective link between East and West, for which there are certain prerequisites, focuses on improving and strengthening the role of the UN and its structures. The author's opinion on attempts by the US and its allies to break down the existing system of nuclear deterrence, about developing new approaches to the problem of war and peace, negatively affecting security issues and increasing the likelihood of a nuclear collision, is important. The author also concludes that the nuclear deterrence system is viable under certain conditions, the effectiveness of which, nevertheless, will decrease.

Key words: world order, nuclear deterrence, Russia — China, the possibility of nuclear war, the possibility of ordinary war between nuclear powers.

В завершающем периоде Второй мировой войны американцам удалось овладеть технологией производства ядерных вооружений, заявив об этом ядерной бомбардировкой уже сложившейся Японии. В дальнейшем, пока они занимались подготовкой к уничтожению СССР, наша страна провела испытание своей ядерной бомбы, что изменило намерения США. В результате установился, как показало время, достаточно прочный биполярный мир с диаметрально противоположными общественно-политическими системами. Различного

рода многочисленные «пробы» США на проверку устойчивости сложившегося мироустройства и установления однополярного мира к положительным для них результатам не приводили. Сложившаяся к тому времени система ядерного сдерживания работала достаточно эффективно.

Однако с середины XX века ситуация в отношении СССР и России стала существенно меняться. По общему признанию, в 70-х годах в СССР существовал период относительной стабильности. Научно-техническая революция обе-

спечила в 70-80-е годы коренную перестройку мировой экономики, но обошла стороной СССР, возможно, отчасти из-за того самого «железного занавеса». Экстенсивные факторы экономического развития СССР оказались исчерпанными, рост экономики прекратился. Страна жила в условиях постоянного дефицита во всем, и потому ожидала новых решений, новых действий, направленных на оживление экономики, улучшение жизни и расширение гражданских свобод граждан. Поэтому упомянутая стабильность в СССР и ассоциируется с застоём.

В 1985 г. Генеральным Секретарем ЦК КПСС стал М.С.Горбачев, в прошлом — секретарь Ставропольского крайкома партии, выдвинувший идеи «перестройки» и ставший в результате трагической фигурой в истории своих громко и безнадежно провалившихся реформ. Пытаясь понять, насколько далеко готов пойти М.С.Горбачев в «перестройке», Запад всячески изображал свое расположение к нему. В то же время наши западные «друзья», воспользовавшись благоприятной ситуацией, удвоили и утроили обработку элит и населения в Восточной Европе и Прибалтике, а затем и на территориях советских союзных республик.

Развитие событий в СССР вследствие близорукости руководства, отсутствия единства в политической элите и небывалой подрывной «активности» Запада привело действительно к большим изменениям.

В 1987 году начались в СССР демонстрации и протесты под лозунгами демократии, свободы слова, печати. Начал разгораться карабахский кризис на Кавказе, усилились и умножились планируемые извне беспорядки в прибалтийских республиках.

В 1988 году Эстония заявляет о своем суверенитете. В 1989 г. начался вывод советских войск из Чехословакии, ГДР и Афганистана; первой среди социалистических стран начала демонтаж социа-

листической системы Польша. В этом же году случилось «кровавое воскресенье» в Тбилиси.

В 1989 году М.С.Горбачев предложил Западу ликвидировать одновременно ОВД (Организация Варшавского Договора) и НАТО (Североатлантический альянс), закрыть тем самым последнюю страницу «холодной» войны. Вроде бы и сильный ход для того времени, но США и НАТО отреагировали отрицательно, поскольку уже итак ожидали официального роспуска ОВД. Дальнейший ход событий (вывод войск из ГДР) наши политики не сумели поставить в зависимость от решения этих вопросов, включая вывод из Европы ядерного оружия США, что было бы весьма логичным и уместным, и могло бы быть осуществлено с высокой степенью вероятности.

В 1990 году были спровоцированы беспорядки в Баку и Душанбе; заявила о своей независимости Литва; ГДР прекратила существование; появились декларации о суверенитете Туркмении, Армении, Таджикистана.

В 1991 году произошли волнения в Вильнюсе и Риге, состоялся референдум о независимости Грузии. Как знаковое событие — Ельцин Б.Н. получил личный инструктаж Дж. Буша (старшего) — прямо в московском Кремле. Тогда же осуществляется вывод войск из Польши, де-юре распускаются де-факто уже не функционирующие Варшавский Договор и СЭВ. В этом же году СССР получил отказ «семерки» и МВФ в оказании финансовой помощи Советскому Союзу со ссылкой на нестабильность ситуации в стране — это одна из картин отношения Европы к проблемам Советского Союза и к намерениям развалить его.

Казалось бы, надо принимать уже экстренные меры по спасению Союза, на что и решилась ГКЧП, но ее действия оказались стихийными, неподготовленными и потому бездарными. После провала ГКЧП последовало, как логическое

завершение развала СССР, «Беловежское соглашение» о роспуске СССР и создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Именно таким образом Б.Н.Ельцин достиг целей своей личной борьбы с М.С.Горбачевым, то есть, личных целей. Один из западных лидеров (Гельмут Коль) от неожиданности так легко пришедшего успеха даже честное слово дал, что НАТО не будет продвигаться на Восток. Однако, ни это, ни другие обещания Запада (а их было много) реализованы не были, их просто забыли после смены лидеров. Вот здесь уже можно говорить о той стратегической точке в «холодной» войне, когда Запад «перевел» Россию в разряд государств, с которыми не обязательно считаться.

В дальнейшем, стремясь к максимальному ограничению суверенитета России и усилению ее зависимости от Запада, последний предпринял активные действия по вовлечению России в общеевропейские структуры и соглашения, в том числе — в области безопасности.

В контексте предпринимаемых Западом мер МИД СССР (Министр иностранных дел с 1985 г. Шеварднадзе Э.А.) подписывал международные соглашения, серьезно влияющие на наши интересы. Мы часто шли на односторонние, крупные уступки Западу; не являясь полноправными членами европейского сообщества (Евросоюза), присоединились ко многим европейским соглашениям касающимся прав человека, судов и др., а также были приняты в ряд европейских организаций. Дело Э.А.Шеварднадзе с еще большим «успехом» и рвением продолжил один из «лучших» министров Б.Н.Ельцина — Козырев А.В. Благодаря этим «деятелям», в частности, евростуды сегодня имеют возможность судить Россию, арестовывать ее имущество и финансовые средства за рубежом, что они и делают.

Что касается договоров в области безопасности, то речь идет, прежде всего, о Договоре об обычных вооруженных

силах в Европе (ДОВСЕ — 1990 год), Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Договор о РСМД — 1987 год), Договоре по открытому небу (ДОН — 1992 год), и другим соглашениям.

Достаточно сказать, что в соответствии с ДОВСЕ мы вывели за Урал более 50 тысяч единиц техники (танки, бронетехника, артсистемы), где она и пропала. Главное: ДОВСЕ соответствовал времени, когда существовали два противоборствующих блока — ОВД и НАТО. Но блок ОВД еще до подписания Договора фактически существовать перестал, более того, многие его бывшие члены были приняты в НАТО. Россия, правда, робко предложила перейти с блоковых на национальные уровни ограничений, но в НАТО эту идею тотчас отвергли, а Договор все его участники подписали и ратифицировали. И только в 2007 году в одностороннем порядке Россия вышла из ДОВСЕ.

Договор о РСМД лишил нас многих возможных преимуществ. Правда, по этому Договору США и НАТО тоже не стали разворачивать вокруг СССР свои Першинги и Томагавки, но выгода от этого для нас представляется весьма сомнительной, скорее — иллюзорной. Те же самые Томагавки американцы могут внезапно и массированно применять с кораблей и самолетов (на них не распространяются ограничения), что у них и планируется делать в особый период, при нанесении первого обезоруживающего удара, в частности. Применение нами аналогичного оружия пока весьма проблематично (например, из-за необходимости преодолевать многослойную ПВО), хотя оно у нас уже имеется. Першинги же им не были нужны с самого начала.

По Договору по Открытому небу следует заметить, что проверяющий самолет, раз или два облетевший инспектируемую территорию, вряд ли способен выдать информации больше, чем космос

и средства радиоэлектронной, агентурной и других видов разведки. И, тем не менее, Договор применяется и поныне.

Стоит сказать и о том, что уже при Горбачеве М.С. отношение к проблемам обороны стало существенно меняться. Повлиял и вывод наших войск из Восточной Европы в чистое поле, семьи военных оказались в тяжелом положении. Завершен этот процесс был уже Б.Н.Ельциным, который не «замечал» состояния дел в Вооруженных Силах и особо не препятствовал их развалу.

Может быть, Бог с ними, с этими тысячами потерянных танков — это оружие прошедшей войны. Но есть и другое. В ВМФ СССР на вооружении были 62 атомных подводных стратегических ракетносца (правда, порядка 20 единиц из них — устаревшие), а за период руководства страной Б.Н.Ельциным осталось их всего десяток. В СССР на боевой службе и в боевом дежурстве находились одновременно 22 — 24 подводных ракетносца, а в 90-е — один, в лучшем случае — два корабля. Весь состав ВМФ на 1985 год насчитывал более 1560 боевых кораблей и 1160 боевых самолетов (второе место в мире после США), а к началу 2000-х годов чуть более 340 боевых кораблей и катеров! Это на весь морской периметр России, на все более чем 9000 км от Калининграда до наших восточных рубежей.

В других видах ВС ситуация была в те годы ничуть не лучше. Кто-то подумал: зачем греть небо над Арктикой? Сняли станции на Крайнем Севере и Востоке, бросили «на разграбление» дорогостоящие за Полярным кругом городки, уволили подготовленных специалистов. В эти годы летчики перестали летать, поскольку не было средств на керосин, а Минобороны могло кое-как обеспечить только денежное довольствие военнослужащих (как минимум 55% бюджета уходило на это, а в ВМФ — около 80%). Система обеспечения и ремонт

та быстро пришла в упадок, поэтому и пошли на металлолом и мелкооптовый сбыт боевые корабли, летательные аппараты, подводные лодки, бронемшины всех видов и т.п. Триллионные убытки потерпела страна, когда-то это будет, наверное, точно подсчитано. Главное: армия стала малопривлекательной для службы, в том числе из-за крайне низкой оплаты воинского труда, а также стала терять уважение своего народа, что гораздо серьезнее.

В Правительстве России в 90-е годы «работали» американские советники (как на Украине сейчас). Промышленность и сельское хозяйство страны фактически разваливались. Но самый тяжелый удар был нанесен по тогда еще считавшейся одной из передовых в мире российской науке. Тысячи наших перспективных ученых выехали работать за рубеж, прежде всего, в США, будучи отобранными американскими эмиссарами, свободно «работавшими» в России. Из России выехали по данным российского НИИ экономики, политики и права примерно 100 тыс. ученых разного уровня подготовленности и квалификации, ядро же российской научной диаспоры в зарубежье составляют примерно 35 тыс. лучших российских ученых. Российская наука оказалась очень надолго обескровленной, и сейчас мы это в полной мере ощущаем.

Таким образом, геополитическое положение России к 2000 году резко изменилось. Надо сказать прямо, что Россия (СССР):

- ▶ понесла (неважно — по своей вине, в результате действий Запада или то и другое) поражение в «холодной» войне с потерей всех своих союзников;
- ▶ получила существенное сокращение территории, а также численности населения до уровня, обуславливающего проблемы (или даже невозможность) самостоятельного развития страны;

- снизила «в разы» свой оборонный потенциал;
- увеличила отставание (на несколько десятилетий) от наиболее развитых стран в сферах машиностроения и развития технологий, что и обусловило, наряду с другими причинами, очевидную невозможность ликвидации такого отставания за счет собственных ресурсов.

Ситуация изменилась настолько радикально, что позволила Западу прийти к пониманию безусловной и полной победы в «холодном» противоборстве с СССР. Теперь уже не только политическая элита США, но даже американские и натовские генералы позволяли себе «окрики» в адрес России (в период нападения на Югославию, например, или во время стычек за Косово). США даже получили возможность обеспечивать охрану российских ядерных зарядов своими техническими средствами, покупать за бесценок российский оружейный плутоний и прочее. Фактически мир стал действительно и безусловно однополярным при ведущей роли США. Именно это обстоятельство и развязало США руки на Ближнем Востоке, в Европе и странах Большого Магриба. В отношении России, оказавшейся в труднейшем положении после распада СССР, политика США и Запада в целом изменилась кардинально.

В новых условиях американцы искренне поверили в свою исключительность, в непогрешимость американской демократии, совершенство экономики и несокрушимость военной мощи. Надо признать, экономика и военная мощь США действительно являются самыми передовыми. Западная Европа, если не способствовала, то, во всяком случае, не мешала закреплению за США ведущей роли, надеясь, взамен на свою лояльность, оставить за американцами решение (включая финансирование) задачи обеспечения безопасности в Европе, что

европейцам в целом, надо признать, до сих пор удавалось. Именно в этом состоит основная цель Западной Европы (а теперь и Восточной тоже) в отношениях с США и сегодня, поэтому Европа и не стремится на первые роли в мировой политике и международных отношениях, по крайней мере, в глобальном масштабе. Не стоит рассчитывать на то, что с приходом в США к власти Д.Трампа и его команды политика в отношении безопасности Запада (и блока НАТО) коренным образом изменится, скорее всего, этого не произойдет, за исключением, может быть, взносов на содержание и развитие НАТО.

Россия же поддерживает тезис о предпочтительности построения многополярного мира, рассчитывая, возможно, стать одним из его полюсов. Однако, мировая история показывает, что сосуществовать полярные структуры могут лишь при условии, если они, или их ведущие страны, находятся примерно на одном уровне развития — и экономического, и военного, иначе — разного рода столкновения, в том числе — военные, неизбежны. Да и мир уже проходил этап своего развития в многополярной системе. Именно в тот период произошли самые большие и кровопролитные войны.

В силу различного рода причин как внутреннего, так и внешнего порядка, долгосрочные геополитические цели России в XXI веке строго не обозначены. Не подлежит сомнению лишь то, что нас не устраивает нынешнее состояние международных отношений, когда единственная сверхдержава — США, далеко не всегда опираясь на ООН и международное право (если не сказать: чаще игнорируя ООН и право), действует силовыми, экономическими, политическими и иными методами против неудобных им государств, наций и народов. Причем действуют США как самостоятельно, так и в створе со своими постоянными или временными партнерами. Имеются в виду последние

события, связанные с судьбами Ирака, Ливии, Югославии, Сирии, Украины и других стран, включая и Россию. Такие действия США и Запада идут вразрез с нормами международного права, основываются на «праве силы», создавая тем самым серьезную угрозу человечеству, порождая терроризм и провоцируя войну цивилизаций.

Все больше вопросов возникает к Организации Объединенных Наций. Современная ООН, похоже, становится одним из инструментов США, взнос которых на ее содержание является самым большим и, в совокупности с финансовыми вливаниями в другие страны, а также банальным подкупом, влияние внутри организации — практически определяющим. Из последних примеров: не только США и страны Запада, но даже ООН почему-то «видит» большую разницу между правом на самоопределение Косово и таким же правом Крыма (одному — можно, другому — нельзя), Организация никак не реагировала на нападение НАТО на Югославию, Боснию и Герцеговину, а США с Англией и Францией — на Ирак и Ливию, на действия американцев на иностранных территориях без разрешения суверенных государств, на насильственное свержение неугодных режимов и другое. Следовало бы, по-видимому, задуматься о том, какими силами представлена Россия в ООН, как многократно усилить работу наших представителей в этой Организации. Во всяком случае, здесь за последние несколько лет Россия терпит поражения одно за другим. В конце концов, обыватель может задуматься, почему большинство в мире против нас, а это способно оказать серьезное влияние на ситуацию внутриполитическую. Главное: могущественные страны теперь позволяют себе действовать в обход ООН, и это стало новым правилом, особых возражений против которого со стороны ООН не выдвигается.

Не только Россия, но и многие государства, считают: ни одна страна, включая и США, не должна:

- ▶ предпринимать самостоятельно или в коалиции действия, наносящие ущерб другим государствам, не имея на то соответствующих полномочий от ООН и его институтов, или соответствующего волеизъявления нации (народа), если это не требуется необходимостью самообороны, или не обусловлено правом на самоопределение;
- ▶ навязывать силовыми методами народам свои представления о демократии, правах человека; проводить подрывную работу, инициируя и финансируя хаос, так называемые, «цветные» революции, применяя экономические «санкции» и ухудшая тем самым внутриполитическую ситуацию в странах, и др.;
- ▶ направлять, пользуясь своим влиянием, деятельность общемировых институтов для достижения собственных эгоистических целей, осуществлять подкуп в них «большинства».

Возникает вопрос: целесообразно ли сосредоточивать усилия на продвижении идей многополярного мира? От СССР из бывшей совокупности его колоссальных возможностей у России остались только ядерные силы и средства. Это весьма существенный и серьезный, но, как представляется, не достаточный фактор, чтобы претендовать на роль некоего полюса международных отношений.

К России обращаются за содействием те страны, которые оказались под угрозой изоляции, как, например, Сирия (практически с момента образования в 1944 г.), Иран (с переменным успехом с момента образования СССР), Египет (с 2013 г.) или Турция (с 2016 г.). Но вряд ли можно рассчитывать на долгосроч-

ность и многоплановость таких отношений. Тем более — на возможность стать неким полюсом. Как показывает История, такие «друзья» быстро меняют свои предпочтения, поэтому с ними приходится быть крайне осторожными.

Более серьезными и долгосрочными могут быть отношения с Китаем (особенно) и Индией, которым на обозримую перспективу выгодно использовать возможности России, ее пока еще солидные военную мощь и военные технологии. Однако, в такой связке нам не стоит рассчитывать на равные партнерские отношения с Китаем — это противоречило бы всей логике китайского развития, целям китайского руководства, учитывая огромную разницу в людских ресурсах и экономическом потенциале. Китай уже обошел США по объемам промышленного производства, но ему явно не хватает потенциала военного. Поэтому Китай и отдает должное тому, что Россия есть единственная страна с практически равными с США возможностями по ядерному уничтожению друг друга. Представляется, что на этом и стоит прочно наша нынешняя «дружба».

А что касается «близких» нам по духу, как считается, славян, то они с легкостью и многократно меняли свои геополитические предпочтения (Польша, Болгария, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Сербия, Черногория и другие). Многие из них даже воевали с Россией самостоятельно и в различных коалициях. Нет никаких оснований считать, что эта ситуация изменится, по крайней мере до тех пор, пока Россия не станет одной из ведущих экономик мира. А это на обозримую перспективу не просматривается.

В связи с изложенным можно сделать вывод, что мир скорее снова станет биполярным с учетом достаточно быстрого развития Китая. Поэтому, наверное, все же есть смысл «делать ставку» не столько на многополярность мироустройства, сколько на преодоление негативных черт

и тенденций, накопившихся в существующем мироустройстве за последние несколько десятилетий, и вот почему.

Во-первых, США никогда не откажутся от сохранения существующего сегодня в мире статус-кво, то есть от роли единственной в мире сверхдержавы, призванной управлять миром по собственному усмотрению. Личностный фактор всегда будет присутствовать, и вносить какие-то коррективы в американскую политику, но их многовековая система не позволит изменять ее сколько-нибудь существенным образом. В целях сохранения сегодняшней ситуации американцы могут пойти на развязывание любых войн. Изменить это в обозримой перспективе вряд ли возможно. Но сдерживать США, как показывает опыт (в том числе самой России) последних лет, все-таки можно и, видимо, следует. Конечно, здесь существуют и «красные линии», переходить которые небезопасно.

Во-вторых, Евросоюз уже давно, хотя и под присмотром США, выполняет роль некоего полюса мирового развития. Английский «брэкзит» не способен нанести этому неотразимый удар, хотя определенный ущерб все-таки будет иметь место. Только вряд ли Евросоюзу нужно менять нынешнюю ситуацию, поскольку военный зонтик США, а также жандармские функции этой страны, ЕС вполне устраивают. Тем не менее, работа персонально с каждой страной Евросоюза и НАТО может привести к определенным положительным результатам в плане ослабления там влияния США и зависимости от НАТО. Необходимые для этого возможности у нас имеются, их важно активизировать.

В-третьих, никуда не делись самые «отмороженные» радикальные религиозные течения, порождающие международный терроризм, негласно поощряемый и финансируемый Саудовской Аравией и ее сателлитами. Это огромная сила с большими возможностями,

представляющая равную угрозу всем государствам, независимо от уровня их развития, наличия самых современных технологий, включая и военные. Сегодня, наверное, можно взять на себя смелость и вести речь о международном терроризме, как о реальной силе, способной бороться с любыми странами и полюсами. Пример — так называемое, Исламское государство. Против этого явления, как показывает опыт последних лет, нет более эффективного способа кроме их физического уничтожения при объединении усилий заинтересованных стран, а именно здесь и возникают главные трудности. США, судя по всему, очень трудно принять решение на уничтожение своего же «детища», не говоря уже о Саудовской Аравии, ОАЭ, Катаре и других странах, тем или иным способом финансирующих радикальные течения. Изменить позицию указанных стран, конечно, могут США, если будет на то политическая воля. Однако, представляется, что уничтожение исламского государства в Сирии и Ираке отнюдь не будет означать победу над международным терроризмом — исламское государство (или что-то подобное) возродится, возможно, на другой территории, под другим названием. Афганистан, например, к этому уже «готов».

Наконец, БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) может иметь неплохую перспективу в будущем и рассчитывать на роль некоего полюса международных отношений. В ее составе 3 ядерные державы, 40% населения Земли, занимающего 25% территории, и достаточно большой экономический потенциал. Но надо иметь в виду и существующие территориальные проблемы между Китаем и Индией, неустойчивость геополитических целей Бразилии из-за внутривнутриполитических проблем и смены политических элит вместе с их приоритетами. Следует также учитывать определенное соперничество между Россией и Китаем. Вряд ли России можно

рассчитывать на ведущую роль в этой группе стран.

В связи с изложенным, рассчитывать России на один из полюсов мирового развития в многополярном мире на обозримую перспективу не приходится. Развал СССР, а также лихие 90-е отбросили нашу страну слишком далеко от этой цели. Развитие отношений с Китаем, равно как и в составе БРИКС, может нам гарантировать в лучшем случае лишь вторые роли. И этот вариант, правда, тоже не надо сбрасывать со счетов, он может оказаться не таким уж и плохим. Никто не знает, как могут развернуться мировые события. Но в любом случае Россия стала и в состоянии в дальнейшем поддерживать статус одного из весьма серьезных центров силы, как показывает опыт нашей работы на Ближнем Востоке.

На этом основании можно сделать вывод о том, что противодействие однополярному мироустройству целесообразно в целях сдерживания Соединенных Штатов Америки. Но Россия в любом мироустройстве должна, наконец, стать, неким действительно связующим звеном между Востоком и Западом, востребованной большинством ведущих стран и полюсов мировых отношений. Некий «задел» в виде наших ядерных возможностей, развития отношений с Китаем и Индией, некоторых достижений оборонной промышленности, а также проектов нового «шелкового пути», трубопроводов транспортировки углеводородов и пр. уже имеется. Было бы целесообразно поработать нашей науке в этой области, поскольку высказанная мысль, хотя отнюдь и не нова, но на самом деле не проработана. Было уже немало попыток решить данную проблему, пыталась и наука поработать, но прорывов не получилось, наверное, потому, что высшим руководством страны «ребром» вопрос не поставлен и поныне. Положительное решение проблемы «связующего звена» исключило бы необходимость в раз-

ных ситуациях метаться между Западом и Востоком, несравненно увеличило бы значимость особенного геополитического положения России, а также в определенной мере уменьшило бы влияние негативных для нас сторон любого мироустройства. И, главное — в роли такого связующего звена, являющегося в то же время одним из центров силы, Россия определенно может получить политических и экономических выгод больше, чем в роли некоей полярности, где поддержание стабильных отношений всегда проблематично и дорого стоит, о чем свидетельствуют опыт и богатая история Советского Союза.

Некоторые политологи считают, что сегодня можно было бы речь вести не о многополярном мире, а о мире, в котором страны объединяются «по интересам». Во-первых, это может и будет происходить как в однополярном, так и в двухполярном и многополярном мире. Во-вторых, развитие мира вряд ли можно вообще как-то спланировать, поскольку оно зависит от множества факторов, учесть которые практически невозможно. В-третьих, учитывая природу человечества и его историю, отношения «на равных» всегда были возможны только при равных же возможностях, в том числе в военном плане. Поэтому в мире всегда были и останутся различные «полярности», влияние которых не будет постоянной величиной, а роль России, как центра силы и связующего звена между Востоком и Западом, если таковая возможна и осуществима, напротив, при любом развитии ситуации останется величиной постоянной. Россия в таком мироустройстве в определенной ситуации может и влиять на нужные нам перемены.

Кроме того, используя положительные стороны глобализации отношений и поднимая экономику страны, развивая ее военную мощь, на что потребуются работа не одного поколения России, в настоящее время было бы целесообразно

сосредоточить усилия на совершенствовании системы и структур ООН, международного права, в которых были бы оговорены возможности государств и их объединений, образующих мироустройство. Целесообразно было бы провести такую работу совместно с США, учитывая в кои веки появившегося вменяемого Президента страны, возможности которого, правда, весьма туманны из-за явного пока отсутствия поддержки в Конгрессе. Было бы, как представляется, важно организовать соответствующим образом работу наших ученых, юристов, тщательно исследовать указанную проблему и наши реальные возможности.

Большую озабоченность вызывают и военные приготовления США и НАТО, совершенно конкретно направленные против России, что Запад сейчас вовсе и не скрывает. В стратегическом плане, например, в развертывании ПРО в Европе уже нет акцента на необходимость защиты от иранских и северокорейских ракет, а совершенствование и наращивание ядерного потенциала прямо связывается с угрозой от России и Китая. Этот, а также другие факторы (планирование США «обезоруживающего» превентивного удара по системам управления, обеспечения и по собственно ядерным силам России и/или Китая) свидетельствуют о возникновении в недрах Пентагона концепции о возможности победы в ядерной войне с приемлемым для себя ущербом. Собственно, все научные усилия и военная практика США (прежде всего: система ПРО, призывы к дальнейшему сокращению СНВ, выполнение американцами расчетов по устойчивости систем управления России и Китая в ядерной войне и др.) направлены на техническое обеспечение данной возможности. Это новая и очень тревожная концепция, она способна разрушить основополагающую и успешно действовавшую многие годы систему ядерного сдерживания и привести мир к очередной весьма неприятной неопределенности.

Данный вывод подтверждается и ситуацией в области обычных вооружений и вооруженных сил, которые оснащаются современным оружием и вооружением, и демонстративно развертываются вблизи российских границ. Причем, военное столкновение с ядерными державами (с Китаем и даже с Россией) с применением обычных вооружений с недавних пор считается возможным. Об этом свидетельствуют, прежде всего, события вокруг России, помогающей Сирии в освобождении страны от террористов ИГ. И это второе тревожное обстоятельство. Данная американская концепция также требует внесения соответствующих серьезных корректур в наши планы. Замыслы Д.Трампа объединить с Россией усилия по разгрому террористов в Сирии и Ираке реализовать, как представляется, возможно, но это всего лишь тактический ход, направленный на удовлетворение сугубо своих национальных интересов, и не означает изменения основополагающих геополитических взглядов американцев.

Именно эти обстоятельства и являются серьезной угрозой не только России, но и всему современному миру. Кстати, намерения американцев относительно Китая с победой Д.Трампа на выборах в США стали достаточно четко вырисовываться. Американцы способны спровоцировать малую обычную войну с ядерным Китаем. Россия в это время может быть связана, например, совместными с США действиями против террористов на Ближнем Востоке. Россия не заключала с Китаем военный союз, но может, как представляется, сыграть серьезную роль в предотвращении ядерного столкновения сторон. Вот и еще одна из задач России как связующего звена между Востоком и Западом.

Американцы весьма успешно применяют новые способы воздействия там, где это им нужно и выгодно. Речь идет о нелинейном, смешанном, гибридном вмешательстве (приписывают нам на

Украине), о неконтактных военных действиях (воздушно-космические операции), а также о психологических, пропагандистских, киберпространственных операциях в сочетании с экономическими и политическими действиями и санкциями. Заявления Д.Трампа об отказе от такой политики совершенно точно ничего не изменят и реализованы не будут. А Россия, как представляется, некоторым из перечисленных способов уделяет сегодня крайне недостаточное внимание, хотя в Военной доктрине России они обозначены. Иначе никак не объяснить, почему большое количество стран мира воспринимает извращенные выводы и утверждения США и Запада как истину в последней инстанции, например, в отношении наших действий по принуждению Грузии к миру в 2008 году, или в настоящее время — на Украине и в Сирии. Получается, что 2008 год нас мало чему научил. Между тем, совершенно ясно, что психологические и пропагандистские мероприятия «сработают» лишь тогда, когда они осуществляются массированно и, главное, упреждающим порядком, что позволит заранее зафиксировать в умах мирового сообщества необходимую информацию. Это очень серьезный вопрос и над ним следовало бы поработать. Здесь, кстати, видны и прорехи в работе внешнеполитических ведомств и организаций России. Вместе с нашими СМИ именно эти ведомства должны в разы усиливать свою работу по доведению до всех стран позиции и намерений России, реальной ситуации в районе конфликта, чтобы не допускать принятия невыгодных для нас решений в международных организациях.

За 2015-2016 годы США со своими союзниками в Европе, желая того, или нет, полностью легализовали свое истинное отношение к России, как, если не к единственной, то к одной из самых серьезных угроз их безопасности со всеми вытекающими из этого последствиями. И раньше мы не очень верили в дружелюбие За-

пада, за исключением, разве что, лихих 90-х годов. Однако, современная ситуация и исторический анализ показывают, что в обозримой перспективе ничего не изменится, какую бы политику мы ни проводили, и уж тем более тогда, когда Россия в XXI веке стала жестко отстаивать свои национальные интересы. Положение осложняется еще и тем обстоятельством, что наши партнеры с Востока, как правило, молчаливо наблюдают за развитием ситуации, стараются не вмешиваться в ход событий, опасаясь негативных для себя последствий. Примерно так же ведут себя и страны СНГ. Это подтверждает гениальный вывод одного из русских монархов о том, что у России могут быть лишь два союзника: армия и флот. Свидетельствует это и о серьезных проблемах России, как возможного регионального центра, если бывшие союзные республики СССР считать своего рода регионом. И это еще одна из задач «связующего звена».

На этом, прямо скажем, крайне неблагоприятном фоне нам по-прежнему остается рассчитывать на эффективность ядерного сдерживания. Однако, ядерное сдерживание, прекрасно показавшее себя в XX веке и удержавшее мир от катастрофы, совершенно точно не всегда будет столь успешным, поскольку мир обязательно придет к новым, более мощным видам оружия и вооружений, или найдет эффективный способ противодействия ядерным системам, или то и другое вместе: это неизбежно.

США, разрабатывая новые виды оружия и совершенствуя свою стратегию, сделали многое, чтобы снизить роль ядерного. Им удалось создать мощную противоракетную оборону и продвигнуться в разработках обычных вооружений, воздействие которых возможно по нашим ядерным средствам практически на всю глубину их построения. Вместе с тем, оптимальная эффективность средств и систем противодействия ядерному оружию (по критерию цена —

качество), как известно, составляет 80%. Любое увеличение эффективности хотя бы на одну десятую часть приводит к удорожанию системы в разы. Это позволяет предположить, что уничтожить все имеющиеся сегодня российские ядерные заряды и средства их доставки в одном ударе пока не в состоянии никакие системы оружия (если, конечно, количество наших боеголовок и средств их доставки не будет снижено до критической величины). Поэтому наши СЯС бесспорно могут нанести противнику ответный ядерный удар, если обеспечить возможность его реализации в любых условиях обстановки.

Однако, возникает вопрос неприемлемого ущерба, величина которого понимается в разных странах неодинаково. По соображениям прошлой войны под неприемлемым ущербом понимались определенные уровни уничтожения боевого, военно-промышленного и людского потенциала. В принципе это верно и сегодня для войны с применением обычного оружия. Но ядерное оружие имеет целый ряд несвойственных обычному оружию факторов воздействия. Поэтому представляется, что понятие неприемлемого ущерба при оценке ядерного столкновения может оказаться исключительно в психологической области. Например, во время кризиса 1962 года США располагали в 17 раз большим, чем СССР, количеством ядерных боеголовок, подавляющим превосходством в современных средствах их доставки, но все-таки не решились нанести ядерный удар по Советскому Союзу, не исключая возможности ответного удара по своей территории. В настоящее время доктрины взаимного гарантированного уничтожения и ядерного паритета также постепенно теряют свое значение в связи с небезуспешными попытками США обеспечить себе превосходство в области стратегических наступательных вооружений в целом. Поэтому, возможно, в ответном ударе и не стоило бы рассчитывать на

поражение хорошо защищенных объектов военно-промышленного потенциала и инфраструктуры. Достаточно обеспечить возможность поражения, например, 10-15 крупных населенных пунктов, что существенно задачу облегчает. Примерно это и может оказаться неприемлемым ущербом при оценке ситуации в период принятия решения на применение ядерного оружия, как это и случилось в 1962 году. Некоторые скажут, что это в чистом виде цинизм и мизантропия. Но речь ведь идет о ядерном ударе в ответ. Поэтому цинизм — это скорее к тому, кто первым наносит, так называемый, обезоруживающий удар.

Вместе с тем, известно, что проблема ответного удара требует обеспечения возможности выживания не только нужной части ядерных сил, но и системы управления (доведения сигнала), а также сил и средств радиоэлектронной борьбы. Это сверхтяжелая задача из-за последствий упреждающего или обезоруживающих ударов. Над ней сейчас, кстати, работают американские военные с целью просчитать и оценить наши возможности (такую же работу они проводят в отношении Китая).

С учетом изложенного в настоящее время сущность нашего подхода к проблеме ядерного сдерживания может заключаться в том, чтобы противник точно знал, что мы действительно можем в любой ситуации выполнить ответный ядерный удар, что и способно заменить собой понятие неприемлемого ущерба. В противном случае неизбежно начнут появляться теории и планы, о которых уже говорилось выше. И здесь широкое поле деятельности для науки.

В связи с изложенными выше обстоятельствами представляется, что дальнейшее сокращение стратегических ядерных вооружений становится для России неактуальным. Ситуация может потребовать даже увеличения таких вооружений, если, к примеру, США не останутся в качественном развитии своих СНВ и ядерных сил, в частности. Кроме того, если будет признано возможным дальнейшее сокращение наших ядерных вооружений, на чем определено будут настаивать США, то оно не должно касаться наших рпкСН и БЖРК, а также в нем должны принять участие и союзники США (Франция и Великобритания).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Исход науки из России: есть ли свет в конце туннеля. М.Г. Гольдфельд, «Химия и жизнь» №9, 2007 г.;
2. Прекратился ли исход кадров науки? А.Г.Аллахвердян, Вестник РАН, 2003 г., т.73.;
3. Куда плывет ВМФ России? В.Заборский, 16.7.2004 г., Независимое Военное обозрение.;
4. BRICS — совместный сайт МИД государств БРИКС.

ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕДИАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Цветкова О. В.

Доцент, кандидат политических наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

e-mail: tsvetkovaov@mail.ru

Аннотация. В статье автор предлагает использовать технологию политической медиации в урегулировании территориальных споров и конфликтов субнационального уровня в виде комбинирования отдельных элементов технологий переговорного процесса, посредничества и медиации.

Ключевые слова: политическая медиация, медиатор, посредник, процедура медиации, территориальный спор, территориальный конфликт, субнациональная граница, урегулирование конфликта, разрешение конфликта.

Tsvetkova O.V.

Associate Professor, Candidate of Political Science

Lomonosov Moscow State University

e-mail: tsvetkovaov@mail.ru

TECHNOLOGY OF POLITICAL MEDIATION IN THE SETTLEMENT OF TERRITORIAL CONFLICTS IN THE POST-SOVIET SPACE

Abstract. In the article the author offers to use the technology of political mediation in the settlement of territorial disputes and conflicts at the subnational level in the form of combining the individual elements of technologies of the negotiation process, mediation and mediation.

Key words: political mediation, mediator, mediator, mediation, territorial dispute, territorial conflict, subnational border, conflict settlement, conflict resolution.

Технологии, применяемые в политической практике, играют чрезвычайно важную роль в урегулировании потенциальных территориальных конфликтов в политическом пространстве современной Российской Федерации. Как показывает современная практика, механизм передела территории и изменения субнациональных границ субъектов РФ запущен. Волна территориальных споров и конфликтов на внутристрановом уровне актуализирует проблему нахождения оптимальной технологии. Оптимальная технология должна содержать основные способы разрешения территориальных конфликтов. Автор, опираясь на международную практику урегулирования конфликтов, предпринимает попытку переноса данного опыта в виде

технологий и процессов урегулирования конфликтов на внутристрановой уровне для дальнейшего использования методов и приемов в урегулировании территориальных конфликтов субнационального уровня.

Медиация имеет достаточно длительную историю существования, корни медиации заложены еще в древности. Медиация является особой формой посредничества и представляет конкретный вид в урегулировании конфликтов. Технология медиации представляет собой разрешение территориальных споров между противоборствующими сторонами конфликта при помощи ввода третьей стороны — медиатора. Когда речь идет о вмешательстве в конфликт кого-либо (кроме самих его участников)

с целью урегулирования, использует общее понятие «третья сторона» [1]. В качестве наиболее общей формы «третье-стороннего» воздействия на конфликт в настоящее время нередко рассматривается посредничество в виде ввода третьей стороны — медиатора, которое понимается шире, как одна из процедур, осуществляемая дипломатией наряду с такими процедурами, как согласование или челночная дипломатия [2].

На международном уровне медиация применялась для обеспечения бесконфликтных решений проблемных ситуаций (например, улаживание конфликта между Ираном и Ираком в 1975 году, где третьей стороной выступал Алжир).

Российские эксперты по урегулированию конфликтов выступают за вмешательство третьей стороны в конфликт с целью его мирного урегулирования, а не для оказания помощи одному из участников, поскольку последнее, в зависимости от характера вмешательства, ведет к тому, что третья сторона становится прямым или косвенным участником конфликта [3].

Существует множество определений технологии медиации, которые опираются на ее особенности, прикладной характер, отраслевую специфику. Все они определяют медиацию как особую технологию переговоров с участием третьей стороны — посредника с целью урегулирования конфликта или спора.

В конфликтологическом словаре под редакцией А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова термин «медиация» рассматривается как синоним посредничества, которое, в свою очередь, определяется в данном издании как «участие третьей нейтральной стороны в конфликте с целью Оптимизации процесса нахождения оппонентами такого решения проблемы, которое позволило бы прекратить конфликт» [4].

По мнению Д. Кроули и К. Грэма, «медиация — это процесс, где беспристрастная третья сторона помогает

спорным сторонам разобраться в существующих между ними разногласиях, понять их и, по возможности, разрешить их спор» [5].

В правовом смысле медиация относится к одному из видов альтернативного разрешения споров (АРС). Она является технологией достижения взаимного понимания и согласия между сторонами при участии и под руководством третьего нейтрального лица — посредника, не наделенного правом вынесения обязательного для сторон решения [6].

Помимо этого, медиация понимается как метод, позволяющий сторонам, вовлеченным в спор, при содействии третьего, нейтрального, беспристрастного лица — медиатора — на добровольной основе выработать взаимовыгодное, жизнеспособное соглашение, отвечающее их интересам [7].

Медиация также является процессом, в ходе которого участники конфликта с помощью нейтрального посредника (медиатора) планомерно выявляют проблемы и пути их решения, ищут альтернативы и пытаются достичь консенсуса, который бы соответствовал их интересам.

На основе рассмотренных мнений можно выделить несколько критериев, характерных для большинства определений медиации:

- особая форма посредничества в прямых переговорах между конфликтующими сторонами;
- участие нейтральной стороны;
- совместные равноправные переговоры участников медиации;
- конфиденциальность;
- совместная договоренность, направленная на удовлетворение интересов всех участников [8].

В качестве медиатора выступает третье лицо, как правило, это один человек, реже в роли медиаторов выступает группа лиц (ко-медиация). Медиаторы могут быть официальные лица или фор-

мальные. В роли официальных лиц могут быть представители международных политических организаций (ООН), официальные лица государств, представители общественных организаций, специально обученные профессиональные медиаторы-переговорщики. Формальные медиаторы представлены политиками и общественными деятелями, представителями религиозных организаций, лидерами социальных или этнических групп. На внутристрановом уровне медиаторами могут выступать представители политических движений, а также участники негосударственных движений и организаций.

Отметим, что неформальные контакты между конфликтующими сторонами способствуют установке доверия, выступают основным источником информации о позициях сторон и мнений. Неформальные встречи повышают вероятность нахождения нестандартного компромиссного решения. Неформальные встречи могут оказывать влияние через средства массовой информации на население и политических лидеров конфликтующих сторон. В урегулировании осетино-ингушского конфликта 1992-2012 гг. по инициативе федеральной власти проводились массовые встречи политических деятелей, журналистов и представителей из религиозных объединений двух конфликтующих республик, что способствовало снятию противостояния и деэскалации конфликта.

Следует отметить, что автор разделяет понятия посредник и медиатор, так у данных субъектов разные функции при урегулировании конфликтной ситуации. Посредник в урегулировании споров оказывает услугу двум или более конфликтующим сторонам для совместного принятия мирного решения в отношении спорного вопроса. Медиатор ставит более конкретные задачи, он способствует осознанию силы собственного влияния конфликтующих сторон, собственных интересов и создает оптимальные условия выявления причин конфликта.

Медиатор привлекается для налаживания процесса коммуникации между конфликтующими сторонами и способствует выработке определенного варианта решения, который удовлетворяет интересы в отношении спорного вопроса всех участников конфликта. Медиатор способствует, чтобы конфликтующие стороны пришли к компромиссному решению, но не принимает решения за них.

Отметим, в Федеральном законе процедура медиации представлена как «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Медиатор независимое физическое лицо или группа лиц, привлекаемая сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора» [9].

Медиатор должен обладать техникой переговорного процесса, четко представлять постановку вопроса и владеть аргументацией. Его основная задача контролировать ход переговорного процесса и ввести его в русло партнерских отношений между конфликтующими сторонами.

Технология политической медиации применяется, когда конфликтующие стороны обращаются за помощью к третьей стороне или же третья сторона сама вмешивается в конфликт [10]. Оперативное вмешательство [11] необходимо, когда наблюдается высокая эскалация конфликта и существует реальная угроза населению или применяется вооруженное насилие в отношении мирных граждан.

К технологии политической медиации обращаются при определенных обстоятельствах.

1. Технология медиации наиболее эффективна при затянувшихся и «замороженных» территориальных конфликтах.

2. Технология медиации применяется, когда конфликтующие стороны нашли совместное решение, но требуется внешний контроль за временным соглашением.
3. Технология медиации применяется, когда конфликтующие стороны по-разному трактуют политико-правовые нормы и требуют введения санкций по отношению к оппоненту.
4. Технология медиации оказывает положительный эффект при латентных территориальных конфликтах, при неинтенсивном течении, когда конфликтующие не могут найти взаимоприемлемое решение.

Технология политической медиации состоит из трех основных этапов.

На первом этапе медиатор изучает проблему с разных сторон, возможно, консультируется с экспертами, изучает предмет территориального спора и составляет картографию конфликта для дальнейшей выработки карты вопрос для переговорного процесса.

На втором этапе начинается работа с конфликтующими сторонами с целью выяснения претензий и уточнения требований для проведения переговоров.

Третий этап представляет сам процесс переговоров, где медиатор способствует развитию процесса поиска конфликтующими сторонами решения в отношении территориального конфликта, которое позволило бы остановить столкновения.

Технология политической медиации в отношении территориальных конфликтов содержит ряд приемов при ведении переговорного процесса:

- для эффективной коммуникации между конфликтующими сторонами необходимо проработать карту вопросов, которые медиатор задает переговорщикам в ходе переговоров и тем самым склоняет стороны к анализу конфликтной ситуации и оценке возможностей каждой из сторон;

- использование приема «кокуса», т.е. возможности индивидуальных собеседований с каждой из сторон в отдельности друг от друга для уточнения позиции сторон по спорному вопросу;
- использование правового давления для выработки совместного соглашения между сторонами, где медиатор разъясняет санкции и тем самым уменьшает степень претензий конфликтующих сторон;
- использование приема психологической поддержки приемом акцентирования внимания на позитивных моментах переговорного процесса; — использование метода сближения сторон путем обобщения выработанных формулировок и перефразирование достигнутых соглашений;
- использование метода нахождения компромиссного решения благодаря взаимным уступкам участников конфликта. Компромисс в урегулировании достижим посредством взаимных уступок (например, компромиссное урегулирование территориального конфликта в 1978 г. между Израилем и Египтом по поводу спорной территории Синайского полуострова)

Политическая медиация в урегулировании территориальных конфликтов и споров, по мнению автора, базируется на следующих постулатах, характеризующих медиацию как политическую технологию.

Политическая медиация — есть технология, приводящая к ослаблению внутривнутриполитических иерархий и расширению горизонтальных (межрегиональных) и вертикальных (между Центром и субъектами Федерации) связей внутри государства. Политическая медиация становится продуктом и инструментом современного политического регулирования, опирающимся на посреднические

структуры в урегулировании территориальных конфликтов.

Политическая медиация — технология урегулирования территориального конфликта, которая может реализоваться на всех уровнях субнационального пограничья, в зависимости от сложившейся территориальной проблемы.

Политическая медиация — комплексная технология, состоящая из комбинированных отдельных элементов технологий переговорного процесса, посредничества и технологии медиации в урегулировании и разрешении территориальных конфликтов субнационального уровня.

Политическая медиация в рамках субнационального политического пространства Российской Федерации является технологией достижения соглашения по вопросам территориального размежевания.

На данном этапе для урегулирования внутривосточных территориальных конфликтов необходимо использовать процедуру политической медиации. Возможно, необходимо внести поправки в федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», который на данный момент не позволяет использовать государственные структуры и государственных чиновников в качестве медиатора.

На современном этапе медиатором в урегулировании территориального конфликта может выступить профессиональный и непрофессиональный медиатор. В законе четко прописано, что медиаторами не могут быть лица, занимающие государственные должности РФ, государственные должности субъектов РФ, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы.

Автор считает, что наиболее эффективным медиатором может быть лицо, которое мотивировано и заинтересовано в осуществлении именно медиатор-

ской деятельности, а не какой-либо еще. При этом исключать возможность участия вышеперечисленных лиц в процедуре медиации не стоит. В определенных случаях будет разумным предоставить и им право участвовать в этом процессе наряду с медиаторами, особенно, если территориальный спор или конфликт затрагивает межконфессиональные, межнациональные, государственные интересы (разумеется, если стороны против этого не возражают).

Таким образом, учитывая законодательство в отношении процедуры медиации, медиаторами могут выступать незаинтересованные, независимое, вызывающее доверие лицо, с помощью которого спор или конфликт может быть успешно разрешен посредством процедуры медиации. На современном этапе в роли медиатора в урегулировании территориальных конфликтов и споров могут выступить сторонники, советники, представители общественности и религиозные деятели.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы в отношении урегулирования территориальных конфликтов на постсоветском пространстве:

1. В настоящее время технология политической медиации может быть применима при урегулировании территориального конфликта между двумя субъектами РФ — Республикой Северная Осетия — Алания и Республикой Ингушетия в отношении Пригородного района. Данный территориальный конфликт может быть разрешен, т.е. трансформирован только при комплексном использовании отдельных приемов и методов политической медиации (ко-медиации).
2. Использование процедуры политической медиации улучшит ситуацию в урегулировании этнотерриториального осетино-ингушского конфликта в постконфликтной фазе. Осетино-ингушское конфликт занимает особое место, так как применяемые стратегии по-

литического урегулирования за весь период поствооруженной фазы конфликта оказывали и продолжают оказывать серьезное влияние на общий вектор развития всего Кавказского региона. Автор подчеркивает, территориальные конфликты подобного типа окончательно разрешить нельзя, но их можно сдерживать и регулировать определенными методами политического управления. Технология политической медиации должна быть направлена на реализацию трансформации территориального конфликта в мирное русло.

3. Территориальный конфликт в отношении прохождения субнациональных границ между Чеченской Республикой и республикой Ингушетия имеет непредсказуемый характер. Следовательно, автор предлагает использовать, технологию политической медиации, где инициатором переговоров должен выступить независимый эксперт, незаинтересованный политический субъект, и при этом использовать элементы технологии политической медиации в виде посредничества, примирения и арбитража.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Лебедева М. М.* Политическое урегулирование конфликтов. — М.: «Аспект-Пресс», 1999. — С. 181.
2. *Димитров Н. Н.* Международно-правовая природа и сущность современного миротворчества // Государство и право. — 2008. — № 8. — С. 49.
3. *Лебедева М. М.* Политическое урегулирование конфликтов. — М.: «Аспект-Пресс», 1999. — С. 181.
4. *Анциупова А. Я., Шипилов А. И.* Словарь конфликтолога. СПб., 2006. С. 325.
5. *Кроули Д., Грэм К.* Медиация для менеджеров: разрешение конфликтов и восстановление рабочих отношений. М., 2010. С. 11.
6. *Давыденко Д. Л.* Медиация как примирительная процедура в коммерческих спорах: сущность, принципы, применимость // Хозяйство и право. 2005. № 5. С. 105-106.
7. *Шамликашвили Ц. А.* Эффективность медиации во внешнеторговых спорах // Внешнеторговое право. 2011. № 1. С. 7-13.
8. Медиация : учебник / [Аллахвердова О. В. и др.] ; под ред. А. Д. Карпенко, А. Д. Осинковского СПб. М. : Ред. журн. «Третейс. суд» : Статут, 2016. С. 130.
9. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12177508/>
10. Манойло А.В. Роль цветных революций в демонтаже современных политических режимов // Национальная безопасность / nota bene. — 2014. — № 3. — С. 104-107. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.3.12058
11. Манойло А.В. Ценностные основы управления межцивилизационными конфликтами: российская модель. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. — 2012. — №3. — С. 89-92.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

НОВЫЕ КОНТУРЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА «ПЕКИН-ВАШИНГТОН-МОСКВА» В СВЕТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Карякин В. В.

Кандидат военных наук

Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС).

Тел.: 8 (916) 944-06-33.

e-mail: Vladimirkaryakin41@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена трансформации политики ведущих мировых держав в Восточной Азии в свете антикитайской риторики президента США Д. Трампа и заявления председателя КНР Си Цзиньпина о роли Китая в процессах глобализации.

Ключевые слова: Восточная Азия, антикитайские заявления Д. Трампа, заявление Си Цзиньпина в Давосе.

Vladimir Karyakin (Moscow)

Vladimir Karyakin, Ph.D. (military).

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),

Moscow, Russia,

e-mail: vladimirkaryakin41@gmail.com

NEW CONTOURS OF GEOPOLITICAL TRIANGLE "BEIJING-WASHINGTON-MOSCOW" FROM THE POINT OF VIEW OF AMERICAN-CHINESE RELATIONS TRANSFORMATION

Abstract. An article devoted to transformation of leading powers relations in East Asia from the point of view US President D. Trump anti-Chinese politics and CPR President Xi-Jinping declaration in Davos about leading role of China in global processes.

Keywords: East Asia, D. Trump anti-Chinese politics, Xi-Jinping declaration in Davos.

Одной из стран, своевременно поймавших в свои паруса ветер глобализации, является Китай, который в исторически короткий срок стал второй экономикой мира. Это позволило Си Цзиньпину сделать заявку на ведущую роль Китая в современных процессах глобализации в форме стратегической инициативы «Один пояс, один путь», являющейся беспрецедентным по масштабу и пространственно-временному охвату проектом[1]. Впервые со времен Чингисхана предпринята попытка выстроить систему экономических взаимосвязей в направлении Восток-Запад,

путём формирования «нового шелкового пути» на основе создания разветвлённой логистической системы экономических связей между крупнейшими рынками Евразии и странами Запада.

Китай не упустил возможности воспользоваться представляющимися перспективами и сейчас пытается заменить надорвавшиеся в борьбе за глобальное лидерство Соединённые Штаты. Об этом четко заявил дебютировавший в Давосе в январе 2017 года Си Цзиньпин, который подчеркнул, что «некоторые люди винят глобализацию за хаос в современном мире. Действительно, она создала

Рис. 1. Китайский проект Нового шелкового пути

проблемы, но нельзя из-за этого полностью отказываться от глобализации. Нужно направлять ее, минимизировать негативные последствия, давая вкусить её плоды всем странам. Мировая экономика — это океан, от которого не отгородиться. Но Китай научился в нем хорошо плавать».

Пока США зализывают раны после боёв за продвижение западной модели мироустройства, Пекин выдвинул собственный евразийский геополитический проект, основой которого должны стать равенство, баланс интересов, взаимовыгодность и всеобщее развитие. И Шелковый путь призван обозначить основные черты нового миропорядка.

Как и следовало ожидать, это привело к ещё большему обострению соперничества на международной арене, усилившемуся после антикитайских заявлений президента США Д. Трампа и презентации концепции глобализации председателем КНР Си Цзиньпином в Давосе.

Обозначилось жесткое противодействие Пекина американской концепции

«удушающей анаконды», предполагающей охват евразийского континента по периметру «римленда» (т.е. внешнего геополитического периметра Евразии), его сердцевины (или «хартленда»), в качестве которой рассматриваются Китай и Россия.

Осуществляя охват Евразии путём продвижения НАТО на Восток к российским рубежам и укрепления оборонных альянсов с Японией, Южной Кореей и Тайванем Вашингтон создаёт угрозу российским и китайским национальным интересам, что объективно способствует их сближению. Следствием этого является стремление Москвы и Пекина к расширению военного, экономического и политического сотрудничества.

Рассуждения о совокупности изменений, являющихся следствием трансформации политики Вашингтона, Пекина и Москвы на восточном направлении, приводят к необходимости рассмотрения места Европы в новой геополитической реальности. Ведь если Большую Евразию рассматривать в контексте гео-

стратегии китайского лидера, то формирование множества связующих нитей между Востоком и Западом на евразийском континенте неизбежно приведёт к реализации китайского проекта «Один пояс — один путь».

Вполне вероятно, что реализация Brexit'a обеспечит Лондону большую свободу маневра и формированию британской политики многовекторности. Покидающая единую Европу Великобритания постарается использовать все возможности для того, чтобы обеспечить себе выгодную позицию в формате будущих мировых экономических отношений, связанном с созданием и функционированием логистических коридоров «Большого шелкового пути».

После Brexit'a перевес Германии в ЕС станет неоспоримым. Но это не значит, что Берлин сумеет навязать остальным 26 странам собственную модель формирования экономических связей. Представляется вероятным событием переосмысление интеграционных процессов и форм экономического взаимодействия, что создаст новое пространство возможностей для взаимовыгодного сотрудничества европейских стран с государственными и негосударственными субъектами в Восточной Азии.

Здесь следует вспомнить, что еще совсем недавно ведущие страны ЕС с пренебрежением отмахивались от идеи создания Большой Европы «от Лиссабона до Владивостока». Теперь же Москве и Пекину предстоит реализация проекта создания кратчайшего сухопутного пути через евразийский континент к порогу Европы для «дальневосточных тигров».

На текущем историческом этапе у России и Китая нет острых противоречий в отношении видения желаемого мироустройства — обе страны отстаивают многополярную модель в мире глобализации. Общим противником для них являются претендующие на глобальное доминирование Соединённые Штаты, которые открыто объявили Россию

угрозой своим интересам, а Китай — своим экономическим конкурентом, что делает их естественными союзниками на данном историческом этапе.

Китай и Россия обладают мощным военно-экономическим потенциалом, значительным политическим весом на международной арене и способны оказать друг другу реальную и эффективную помощь при решении важных международных проблем. Несимметричность экономического и научно-технологического развития России и Китая компенсируется взаимными дополнениями. Так, недостаток сырьевых ресурсов у Китая в значительной степени компенсируется российскими поставками. С другой стороны, отсутствие или недостаточные объёмы производства необходимой промышленной номенклатуры в России возмещается поставками из Китая. Отставание Пекина от мирового уровня в военных технологиях восполняется российскими разработками. Выгодно для возникновения союзных отношений и геостратегическое положение двух стран. Обе страны охватывают Евразию от Балтийского моря до Тихого океана. Образно выражаясь, Россия и Китай являются бойцами, стоящими спиной друг к другу и повернутыми в противоположные стороны: Китай — на Восток, а Россия — преимущественно на Запад.

Несмотря на то, что по объёму промышленного производства Россия не конкурент США, этот недостаток компенсируется экономической мощью Китая, который сегодня официально занимает в мире второе, а по некоторым оценкам даже первое место. В ближайшей перспективе по суммарному ВВП Китай может превзойти все страны Запада. При этом российские ресурсы выступают в качестве тыловой базы Китая. Недостаток российских вооружённых сил общего назначения нивелируется многочисленной народно-освободительной армией Китая. А ограниченность китайских стратегических ядерных сил (на

данном этапе развёрнуто около 60 носителей, способных достичь территории США) компенсируется российскими стратегическими ядерными силами, которые даже в ответном ударе способны нанести Соединённым Штатам неприемлемый ущерб. События в Сирии показали всему миру, что у российского оружия есть только один конкурент — Америка. Все остальные страны существенно отстают в этой области[2].

Соединённые Штаты по заявлению Д. Трампа будут и в дальнейшем стремиться удержать свои лидирующие позиции в мире, трансформировав существующий глобальный миропорядок на основе «обеспечения контроля над властью и ресурсами по всему миру». Но реализация новой американской политики, как предполагает Д. Трамп, будет осуществляться на других принципах.

В своей инаугурационной речи Д. Трамп сказал следующее: *«На протяжении десятилетий мы обогащали иностранную промышленность в ущерб американской, субсидировали армии других стран, допуская прискорбное ослабление наших собственных вооружённых сил. Мы защищали границы других стран, и при этом отказывались защищать собственные границы. Мы тратили триллионы долларов за рубежом, в то время как американская инфраструктура ветшала и приходила в негодность. Мы обогатили другие страны, в то время как богатство, сила и уверенность нашей собственной страны исчезали за горизонтом. Один за другим закрывались и покидали нашу страну заводы и фабрики, и никто даже не думал о том, что миллионы и миллионы американских рабочих остаются без работы. Богатство нашего среднего класса утекало из их домов, а потом перераспределялось по всему миру. Но все это в прошлом. А мы теперь будем смотреть только в будущее»*[3].

Какими же будут её последствия изложенной программы действий нового американского президента?

Во-первых, он собирается положить конец безраздельной власти транснациональных компаний, которые должны утратить своё влияние на национальные государства.

Во-вторых, он намерен в ближайшие годы перевести на самообеспечение функционирование международных организаций, фондов и неправительственных организаций, существующих на американские деньги.

В-третьих, он чётко обозначил тренд на изменение существующей системы мироустройства: однополярность должна уступить место многополярности, в которой центральные позиции займут ведущие мировые и региональные державы и сформированные ими союзы.

В-четвёртых, изменится роль и значение зависимых от США государств-спутников, которые окажутся разменной монетой во время торгов между США, Китаем и Россией. В результате чего произойдёт перераспределение зон геополитического влияния, которые будут поделены между наиболее сильными региональными и мировыми державами.

Всё это приведёт к тому, что существенным образом изменятся смысловые, ценностные и идеологические базы современной эпохи — эпохи постмодерна[4], кризис которых обозначился в последние годы вследствие решительного отпора западной «вестернизации» со стороны обществ с традиционным укладом жизни.

В практическом плане внимание Москвы сосредоточено на высказывании Д. Трампа о намерении улучшить отношения с РФ[5]. И это вызывает беспокойство в Пекине. Там не хотят остаться одинокими перед дуумвиратом могущественных сверхдержав. Об этом свидетельствует заявление председателя КНР Си Цзиньпина в швейцарском Давосе о «всеобъемлющем стратегическом партнерстве и координации» Китая с Россией[6].

Между тем следует отметить, что в российско-китайском договоре 2001 года говорилось только о «стратегическом взаимодействии» двух стран [7]. Означает ли смена формулировки председателя Си о желании Пекина значительно расширить сотрудничество с РФ? Эксперты склоняются к мнению, что речь идет лишь о попытке Пекина объединить усилия при решении отдельных международных проблем, касающихся китайских национальных интересов.

В связи с этим следует отметить, что Китай и Россия могут сблизиться только до определенной степени. Единый фронт против США создать будет невозможно. Китай не намерен подвергать риску свои мощные экономические связи с США, слишком активно поддерживая Россию. Как известно, Китай не присоединился к попыткам США изолировать Россию, но в то же время он не оказал активного противодействия Соединённым Штатам на антироссийском фронте. Политическая дистанция между Пекином и Москвой продолжает соблюдаться. Это говорит о том, что, хотя Китай и Россия близки друг к другу и сотрудничают в экономической области, но сотрудничество по политической линии находится на весьма низком уровне. Из этого можно сделать вывод о том, что Москва и Пекин не соперники на международной арене, но в то же время они и не политические союзники. Они — партнёры, взаимодействующие в поле своих национальных интересов, сближение которых обозначилось после прихода к власти новой американской администрации.

В данной ситуации уместно вспомнить содержание древнего китайского литературного произведения под названием — «Троецарствие». В нем удача сопутствовала тем полководцам и государственным мужам, которые объединяли усилия двух царств против третьего, оставшегося в одиночестве. Это наложило отпечаток и на современную китайскую политическую культуру, в которой

сохранилась тенденция оценивать состояние отношений между государствами в терминах геополитических треугольников. В данном случае в такой треугольник входят США, Китай и Россия.

Поэтому неудивительно, что в отличие от Америки в китайских социальных сетях и СМИ обсуждают не вмешательство российских хакеров в американские выборы, а попытку Трампа подорвать российско-китайское партнерство.

В Пекине полагают, что если Трамп сможет найти путь к отмене части антироссийских санкций и расширить связи с Москвой, то Пекин окажется на слабой стороне треугольника. Это плохо, учитывая, что администрация Трампа может бросить вызов Китаю в сфере торговли, в вопросах статуса Тайваня и искусственных островов, которые Китай активно создаёт в Южно-Китайском море, размещая там свои воинские подразделения и вооружения.

Что касается американо-китайских отношений, то в предвыборной риторике Трампа Пекин занимает особое место. Поднебесной отвели роль главного источника американских проблем. Под стать обвинениям были и угрозы. Кандидат-республиканец обещал ввести 45-процентную пошлину на весь китайский импорт, увеличить группировку военно-морских сил США в азиатско-тихоокеанском регионе и бороться с «авантюризмом КНР» по всему миру.

С завершением предвыборной кампании в США угрозы не прекратились. За день до выборов влиятельный американский журнал «Форин полиси» опубликовал статью под характерным названием «Мир с помощью силы в Азии и на Тихом океане». Её авторы — советники Трампа Александр Грей и Питер Наварро, которым поручена разработка нового курса в китайско-американских отношениях. Содержание его изложено в статье предельно ясно. Прежние администрации, как указывают советники, шли на уступки, позволив Китаю достичь нынешнего

Map 5: Comparison of Dashed Line in 2009 and 1947 Maps

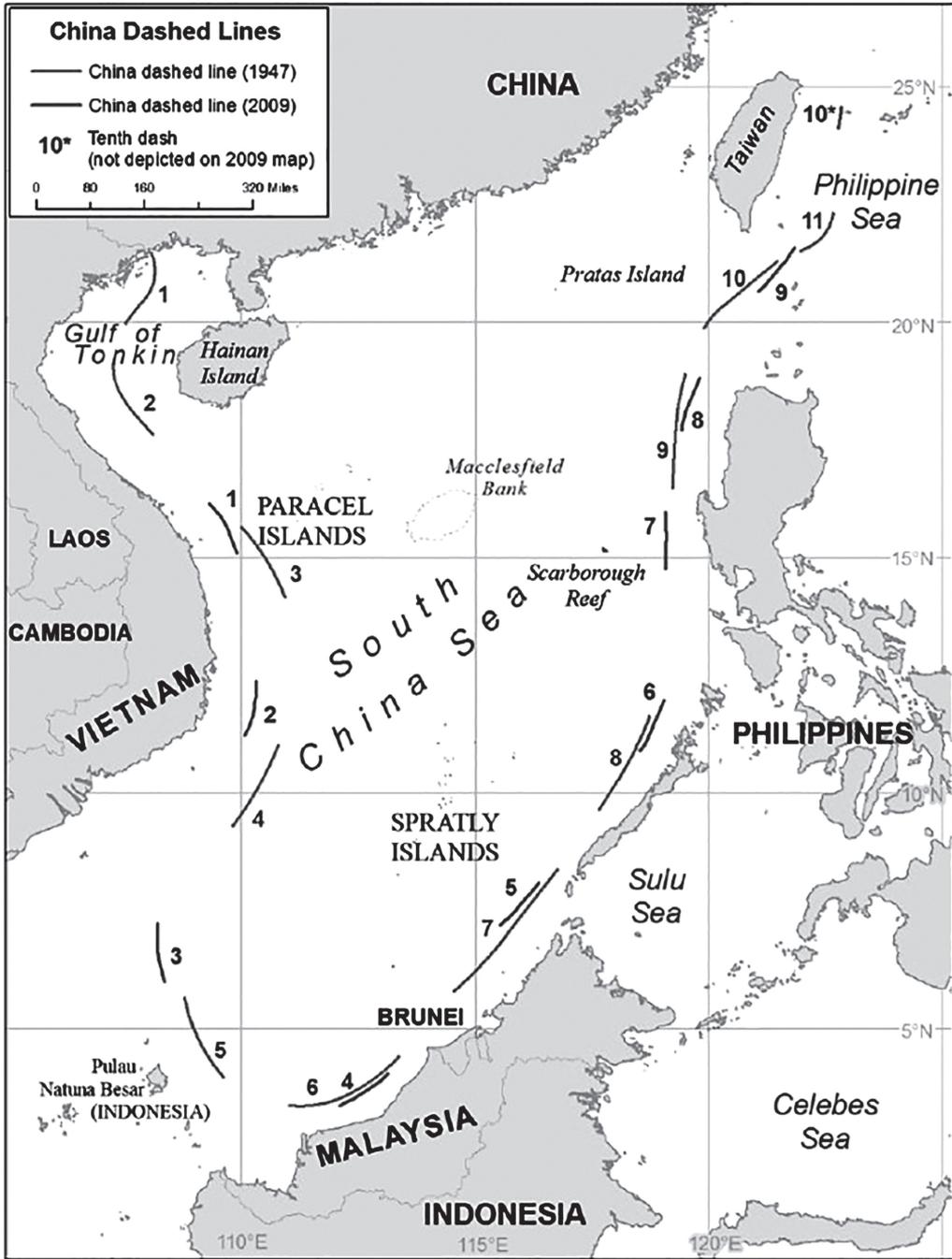

Рис. 2. Китайские притязания в бассейне Южно-Китайского моря.

могущества. Теперь эту политику предлагается пересмотреть. В частности, путём наращивания и без того мощной

группировки ВМС США на Тихом океане. Другой пункт — усиление поддержки Тайваня, в том числе путём заключения

«всеобъемлющей сделки» о поставках оружия на остров.

Объясняя причины антикитайского разворота, большинство комментаторов используют версию, изложенную Трампом и его командой. Новая администрация якобы до глубины души озабочена возрождением американской промышленности, а потому стремится перенести промышленное производство обратно в США и протекционистскими мерами защитить страну от дешёвого китайского импорта.

Преувеличивать значение этого пропагандистского клише не следует. Массово возвращать производственные мощности на родину не захотят сами американские корпорации из опасений разорения: американские рабочие попросту не согласятся на низкооплачиваемую работу. Китайское издание «Глобал таймс» рассчитало, сколько будет стоить самый дешёвый айфон фирмы «Эппл», если все его составляющие будут производиться на территории Соединённых Штатов, — 2 тысячи долларов. В этом случае корпорация не выдержит конкуренции с азиатскими производителями.

Но даже если Трампу удастся убедить американские компании вернуть заводы в США положение это особо не спасет — отчасти потому, что потеря рабочих мест в наше время связана с замещением их роботами и автоматизацией производства.

Не пойдёт Трамп и на ограничение влияния финансово-спекулятивного капитала в пользу промышленного. В первую очередь потому, что разделять эти понятия в условиях США абсурдно. Ещё в начале прошлого века промышленный капитал сросся с финансовым. Это подтверждают новые назначения. Так на ведущие экономические должности он назначил не производственников, а матёрых «волков» с Уолл-стрита: министром финансов назначен экс-вице-президент инвестиционного банка «Голдман Сакс»

Стивен Мнучин, а на пост министра торговли выдвинут известный финансист Уилбур Росс.

Как представляется, истинный мотив американской атаки на Китай — это огромные экономические успехи Пекина, угрожающие американской гегемонии. Став второй экономической державой мира, Китай перешагнул собственные границы и стал фактором мирового влияния. На наших глазах Поднебесная превращается в центр нового глобального союза, основанного на ценностях, принципиально отличающихся от *Rax Americana*. «Все страны являются равноправными членами международного сообщества. Большие, сильные и богатые не должны запугивать маленьких, слабых и бедных» — так недавно выразил основную идею этого альтернативного миропорядка Председатель КНР Си Цзиньпин[8].

Вашингтону есть отчего бить тревогу. Состоявшийся в ноябре 2016 года в Лиме (Перу) саммит АТЭС сопровождался полуофициальными переговорами между Мексикой, Перу, Чили, Новой Зеландией и рядом других стран. На них решался вопрос о судьбе транс-тихоокеанского партнёрства. Как известно, Трамп вышел из данного соглашения. Однако хоронить экономический союз представители названных стран отказались, решив пригласить в него Китай. Против этого, как известно, решительно выступил Вашингтон, видевший в альянсе свой инструмент давления на Пекин.

Теперь же транс-тихоокеанское партнёрство может слиться с другой зоной свободной торговли — Всесторонним региональным экономическим партнёрством (ВРЭП), которое в перспективе объединит страны АСЕАН, Китай и ряд других государств. Главным сторонником заключения соглашения по ВРЭП является Пекин. Начавшиеся в 2012 году переговоры шли с переменным успехом, но теперь процессу дан серьёзный импульс.

Это вполне объяснимо. Китай готов способствовать экономическому развитию других стран, при этом не связывая помощь с кабальными условиями, как привыкли поступать США. Только за январь—октябрь 2015 года инвестиции КНР за рубеж составили 146 миллиардов долларов — на 53 процента больше, чем за аналогичный период 2014 года. В ближайшие пять лет Пекин собирается инвестировать за рубеж почти триллион долларов.

Но самым главным раздражителем для США остаётся китайская стратегия «Один пояс — один путь» и достигнутые при её реализации успехи. В 2016 году открылся порт Гвадар — ключевой пункт китайско-пакистанского экономического коридора. Всесторонней модернизации подвергся железнодорожный узел Урумчи на западе Китая. С ноября 2016 года отсюда ежедневно отправляются международные грузовые рейсы в Центральную Азию и Европу. Началось строительство лаосско-китайской железной дороги протяжённостью свыше 400 километров. В следующем году в Китае пройдёт саммит государств — участников вышеуказанной стратегии. Своё прибытие на него уже подтвердили лидеры трёх десятков государств. Отношение США к планам Китая хорошо отражает статья в журнале «Национальный интерес». В ней утверждается, что «Один пояс — один путь» представляет собой главную угрозу мировому порядку и западному стилю управления в XXI веке».

Для Москвы в политике новой американской администрации важны три вопроса: о чём конкретно Вашингтон предложит договариваться, на какой платформе и готов ли Трамп к компромиссам?

Как явствует из предвыборной риторики Трампа, он выйдет на переговоры с Москвой и Пекином хорошо подготовленным. И в первую очередь — на случай несговорчивости своих «партнёров»

в качестве весомого аргумента убеждения у него будет «чёрный Джокер» в рукаве.

Он заключается в новом пакете санкций в отношении России, который однопартийцы Трампа — республиканцы (а их в Сенате большинство), анонсировали на заседании американского законодательного органа власти. Документ в частности, предлагает налагать санкции на компании, банки, инвестфонды и любые другие структуры за инвестиции в российские активы, за участие в приватизации, за покупку российского госдолга и другие транзакции. Такого американцы не делали даже по отношению к Ирану.

В этом пакете важно то, что США планируют распространить санкции не только на своих резидентов, но и на третьи страны. Но это ещё не всё. Это лишь одна сторона «чёрного Джокера Трампа».

Вторая сторона, о которой почему-то никто не пишет, — это нефть. И теперь уже не саудовская, а американская. На исходе 2015 года геологи нашли крупнейшее в истории США месторождение углеводородов! Запасы бассейна углеводородов в Техасе, по последним оценкам, составляют 200 миллиардов баррелей нефти, 16 триллионов кубометров газа и 1,6 миллиарда баррелей конденсата. Общую стоимость всего этого богатства оценили в 900 миллиардов долларов. При желании, выбросив на рынок даже малую долю этих залежей, американцы смогут диктовать рынку любые нужные им цены, вплоть до 30 и даже 25 долларов за баррель, что критично для российских экспортёров нефти и газа.

Политика Вашингтона и Москвы взаимозависима. По стратегически важным вопросам они ещё только вырабатывают подходы к решению стоящих перед ними проблем. Поэтому, скорее всего, до достижения соглашений с Россией на выгодных для себя условиях Трамп не станет открыто выступать против

Китая, Россия же не будет делать резких движений в отношении Украины. В данной ситуации, выражаясь шахматным языком, кто будет играть белыми фигурами на предстоящей встрече руководителей двух государств, покажет время. И Путин, как мастер постановки политических спектаклей с исполнением в них главной роли, ещё покажет себя. Трамп, как бизнесмен, не может этого не понимать.

В Пекине опасаются, что В. Путин может пожертвовать частью отношений с Пекином ради сближения с Вашингтоном. Но здесь следует учитывать тот факт, что американцы — ненадёжные партнёры, политика которых меняется с приходом каждой новой администрации при неизменных стратегических императивах.

И это происходит на фоне стремления Кремля и Белого дома наладить отношения в результате торга и компромиссов, что объективно невыгодно Китаю, так как в Пекине понимают, что Трамп будет пытаться разыграть при этом антикитайскую карту.

Для противодействия антикитайской политике США Пекину необходимо раз-

вивать отношения с Евросоюзом, тем более, что у нового президента Соединённых Штатов обозначились трудности в отношениях с руководством ключевых стран ЕС — Германией и Францией. Можно с уверенностью сказать, что проект создания «Нового шелкового пути» заинтересует Брюссель.

Если китайская дипломатия использует свой арсенал стратегии не прямых действий, изложенных в стратагемах Сунь Цзы, то у Пекина будет возможность нейтрализовать Вашингтон в его попытках разрушить российско-китайское стратегическое партнёрство и сформировать антикитайскую позицию ЕС. Это затруднит, если не заблокирует откровенно враждебные шаги в адрес Китая, одним из которых может быть возникновение критической ситуации вокруг островов архипелага Наньша в Южно-Китайском море, который Китай считает своими и готов защищать их так же, как и остальную территорию страны. Тон официальных заявления показывает, что Китай настроен решительно. Он готов к войне, если Пентагон попытается посягнуть на принадлежность данного архипелага.

Рис. 3. Один из китайских искусственных островов в Южно-Китайском море

Если обратиться к истории, то до открытого противостояния эти страны доходили после Второй мировой войны уже несколько раз, например, в Корее и во Вьетнаме. Сегодня глобальная конкуренция двух держав снова подталкивает их к противостоянию. Поэтому нельзя исключать возникновение войны в Южно-Китайском море. И здесь возникает вопрос: удастся ли Вашингтону достигнуть военно-политических целей в ходе данного военного конфликта? Сомнительно. Ведь это же не Афганистан или Ирак. А вот Китай точно выйдет более сильным и уверенным в своей правоте.

Дело в том, что несмотря на определённое американское военно-техническое преимущество в мировом океане, в своих территориальных водах Китай располагает таким военным потенциалом, который чреват для Пентагона большими потерями. Это приведёт к ослаблению позиций Америки на международной арене, чем не замедлят воспользоваться Россия и Евросоюз.

В целом следует отметить, что политика новой американской администрации создала благоприятную возможность для Пекина — занять лидирующие позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Возможности, предоставленные Китаю после декларации Д. Трампа об реформировании американской глобальной ответственности, безусловно, будут использованы Пекином. Однако это может оказаться очередной уловкой Вашингтона, так как в американской политике по-прежнему остаётся неизменным императив сохранения глобального лидерства.

Вместе с тем следует понимать, что, оспорив американоцентричную систему международного порядка, основанного на «ценностях свободы личности, прав человека, демократии и верховенства закона», Пекин вынужден будет предложить миру свой цивилизационный про-

ект. Пока что у Пекина есть только один волшебный рычаг — богатая сверхдержава протягивает руку помощи другим странам и народам в интересах всеобщего процветания.

Если же обозначенные тенденции американской политики станут реальностью и восторжествуют идеи обозначенные в выступлениях Д. Трампа и он наложит высокие тарифы на китайские товары, то в конечном счёте пострадают американские потребители. И это не обязательно приведет к массовому созданию рабочих мест для граждан США. Подписав указ о выходе США из ТТП, Трамп сказал: «Мы сделали большое дело для американского рабочего». Но если когда-либо производство действительно вернется в США, как надеется Трамп, оно вернется с высокой степенью автоматизации. В результате именно американский потребитель пострадает больше всего. С одной стороны, он будет облагаться налогом за счёт высоких импортных пошлин на китайские товары, а с другой — американцы не получают обещанных рабочих мест так как их места займут роботы и системы автоматизированного управления производством.

В качестве нового президента США Трамп собирается играть не просто в новую, а в принципиально другую игру, оставаясь в рамках атлантической модели глобализации. При этом можно надеяться на то, что это будет не «игра с нулевой суммой», когда все выгоды получает победитель, а игра, в которой соблюдается баланс национальных интересов и геополитических ресурсов участвующих сторон. Хотя баланс будет достигаться через жесткий торг, но, как ожидается, произойдёт отход от существовавшего до сих пор принципа — «победитель забирает все». В результате может произойти возврат к новой версии Вестфальской системы и окончательный уход от однополярного построения мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кулинцев Ю. «Один пояс-один путь»: инициатива с китайской спецификой. http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=1868
2. <http://pravoslav-voin.info/pravvoiny/1186-kitaj-protiv-rossii-pobeda-budet-ne-za-nami.html>
3. <https://russian.rt.com/world/article/351916-tramp-inauguracia-live>
4. Постмодерн — социологическая, историко-философская концепция построения мира в эпоху постиндустриализма, опирающаяся на недоверие реалистическим концепциям и истинности отражения реальности человеческими органами чувств в условиях виртуальности информационных пространств.
5. https://www.znak.com/2016-11-09/podborka_vyskazyvaniy_donalda_trampa_o_rossii_putine_i_kryme
6. http://www.ng.ru/economics/2017-01-18/1_6905_china.html
7. http://www.mid.ru/ru/maps/cn//asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870
8. http://www.ng.ru/economics/2017-01-18/1_6905_china.html
9. Манойло А.В. Психологические операции США в Ираке. // Космополис. — 2008. — №1. — С.124-128.
10. Манойло А.В. Управление конфликтами. Модель психологической операции. // Акмеология. -2009. — №1. — С. 64-74.
11. Манойло А.В. Ценностные основы управления межцивилизационными конфликтами: российская модель. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. — 2012. — №3. — С. 89-92.
12. Манойло А.В. Иран и США: сложная игра с многовариантным результатом. // Национальная безопасность / nota bene. 2012. № 2. С. 88-95.
13. Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане. // Национальная безопасность / nota bene. 2012. № 3. С. 76-81.
14. Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Горный Алтай. Межнациональные отношения сегодня и завтра // Мир России: социология, этнология. 1993. Т. 2. № 1. С. 63-76.
15. Филиппов В.Р. Сердце черной Африки. Запланированный инфаркт // Международные отношения. 2014. № 2. С. 164-179.
16. Добровольческое движение в России: история и современность. / И.В. Бочарников, А.И. Гущер, М.Ю. Зеленков, А.В. Манойло, О.А. Овсянникова; под общ. ред. Д.В. Саблина. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. — 318 с.
17. Будаев А.В. Сравнительный анализ «мягкой силы» во внешней политике России и Бразилии. // Латинская Америка. 2014. № 4. С. 24-31.

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ В МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Барсенков А. С.

Доктор исторических наук.

*Профессор кафедры международных организаций и мировых политических процессов
факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.*

Тел.: 8 (926) 168 33 43.

e-mail: barsenkov@yandex.ru

Аннотация. После окончания холодной войны стратегия внутренней и внешней политики России определялась стремлением к интеграции в мировое сообщество. В статье раскрывается, какой смысл вкладывался в это понятие на различных этапах новейшей российской истории. Показаны факторы, определявшие динамику отношений России с западным миром в условиях современного мирового порядка.

Ключевые слова: внешняя политика России, концепции внешней политики России, отношение Запада к России, международная интеграция после холодной войны.

Barsenkov A.S.

Doctor of Historical Sciences.

*Professor of the Department of International Organizations and World Political Processes, Faculty of World Politics,
Lomonosov Moscow State University*

Tel: 8 926 168 33 43.

e-mail: barsenkov@yandex.ru

INTEGRATION OF RUSSIA INTO THE WORLD COMMUNITY: THE MAIN STAGES

Abstract. After the end of the Cold War, the strategy of Russia's domestic and foreign policy was determined by the desire to integrate into the world community. The article reveals the meaning of this concept at various stages of modern Russian history. The factors determining the dynamics of Russia's relations with the Western world in the conditions of the modern world order are shown.

Key words: Russia's foreign policy, the concept of Russia's foreign policy, the attitude of the West to Russia, international integration after the Cold War.

Финансовый кризис 2008-2009 гг., острое международно-политическое противостояние на Украине и в Сирии в 2014-2016 гг. свидетельствуют о вступлении мира в фазу глубокой турбулентности, связанной с эрозией сложившегося мирового порядка. Суть перемен — формирование полицентричной системы, сокращение возможностей исторического Запада доминировать в экономике и политике. При этом нарастающая конкуренция все более приобретает цивилизационный характер, форму соперничества ценностных ориентиров[1]. Стремление евроатлантического ядра сохранить позиции и сдержи-

вать альтернативные центры силы в наиболее резкой форме коснулось России. Некоторые исследователи считают нынешнюю ситуацию «хуже, чем в холодную войну» [2]. Формирующаяся новая реальность диктует необходимость критического анализа того, насколько было неизбежным возобновление, как казалось в начале 1990-х гг., навсегда ушедшего противостояния.

В США и ведущих европейских странах современные отношения с Россией анализируются преимущественно сквозь призму конфронтационных подходов, сложившихся в годы холодной войны, в рамках которых стороны под-

ходили друг к другу не столько как к партнерам, сколько как к потенциальным военным противникам. На этом основании современные исследователи не без оснований замечают, что в противостоянии тех лет было больше геополитики, чем идеологии, и именно это предопределяет постоянство западных позиций.

1985-1991 гг. — ключевой этап для понимания ныне существующих противоречий между Российской Федерацией и странами Запада. В этот период происходило сжатие исторического времени — события и процессы происходили и развивались намного быстрее и стремительнее, чем политические элиты и у нас, и за рубежом успевали их осмысливать и тем более — предвидеть ближайшие и отдаленные последствия. И хотя правящие группы с обеих сторон охотно отдвигали угрозу возможного военного столкновения, модель будущих отношений оставалась абсолютно неясной.

Трансформация биполярного мирового порядка зависела от состояния государственной субъектности лидеров двух полюсов послевоенного мира — СССР и США. В начале 1980-х гг. США демонстрировали внутренний динамизм и лидерство в несоциалистическом мире. СССР же стоял перед необходимостью глубоких внутренних системных перемен. Его устойчивость и восстановление способности к саморазвитию становились не только факторами внутреннего прогресса, но и влияли на формы перехода мирового порядка, прежде всего в Европе, в новое качество. В 1985 г. даже самым дерзким противникам мирового коммунизма не могло прийти в голову, что очевидный кризис развития советской модели социализма приведет не к обновлению, а к полному обвалу системы и разрушению государства.

В этой связи научное содержание проблемы «интеграция России в мировое сообщество» предстает как анализ естественно-исторического и во многом сти-

хийного процесса взаимной адаптации сторон к международным реалиям, возникшим в конце 1991 г. Отталкиваясь от методологии неоклассического реализма, можно констатировать, что в основе последующих колебаний в отношениях и обострения противоречий лежали: изменение ресурсных возможностей сторон и представления о характере взаимоотношений между Россией и «победителями» в холодной войне.

Следует специально коснуться вопроса о качестве научной экспертизы рассматриваемого вопроса. В конце 1980-х — 1990-е гг. советское и российское обществоведение находились в стадии глубокой внутренней перестройки. Ее содержанием были отказ от коммунистического догматизма, освоение методологического многообразия сложившихся в научном мире подходов и начало их адаптации применительно к российским реалиям. К переосмыслению марксизма добавились теория модернизации, геополитические и цивилизационные подходы. Этот процесс не мог быть ни простым, ни быстрым: требовалось время на осмысление; меняло направленность, но не исчезло давление политической конъюнктуры, к которой добавились внешние влияния. Все это затронуло и российскую науку о международных отношениях. Огромный объем проделанной здесь работы дал к началу 2010-х гг. заметные позитивные результаты [3].

Не менее сложной остается ситуация и в западном руссиеведении. Здесь в отношении внешней политики современной России в полной мере продолжают довлеть традиционные исторические стереотипы [4], к которым добавились новые политико-идеологические факторы, связанные с окончанием холодной войны [5]. В целом же можно согласиться с мнением известного российского исследователя В. Кремененюка о низком уровне американской экспертизы в отношении происходящего в России [6].

Первоначально понятие «международная интеграция» возникло применительно к экономической сфере. Ее определяют, как «процесс взаимного приспособления и объединения в единое целое — организаций, отраслей, регионов или стран, объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними» [7]. В качестве ее наиболее успешного примера обычно приводят Европейский Союз (далее — ЕС), в котором расширяющееся экономическое сотрудничество привело к формированию наднациональных институтов, деятельность которых постепенно распространилась на внешнюю политику, безопасность и гуманитарные отношения. Что же касается интеграции современных государств, то она может осуществляться на основе принуждения, взаимной выгоды или схождения социально-экономического строя, интересов, целей и ценностей.

Современный российский дискурс международной интеграции берет начало во второй половине 1980-х гг., когда наметилось преодоление идейно-политического раскола мира, и была предпринята попытка консолидировать ранее разобщенные государства в единую мировую систему. На практике это означало установление нового характера отношений между СССР и западным блоком во главе с США в сфере безопасности, политики, экономики и гуманитарной. В понятие «интеграция СССР в мировое сообщество» включалось сближение с общественными системами, государствами и их союзами евроатлантического ареала. В то же время, за последние 30 лет представления о содержании, формах и темпах интеграции России и стран Запада претерпели качественные изменения. На наш взгляд, в этом процессе можно выделить четыре этапа.

Первый, еще в рамках СССР, охватывает период 1986-1990 гг. Концепция «нового политического мышления» М.С.

Горбачева на формировании единого мира при сохранении за всеми государствами права свободы выбора внутреннего развития и внешнего курса. Второй этап, связанный уже с неосуверенной Россией, проходил под знаком «Интеграции России **В** мировое сообщество» и включает период с середины 1991 до конца 1999 г. Движение к четко поставленной цели предполагало решение двуединой задачи: вхождение в «клуб» (формальные и неформальные союзы) наиболее развитых демократических государств и радикальное преобразование России на либеральной основе: форсированное внедрение западных государственных, политических, экономических и социально-культурных институтов. Третий этап — «Интеграция России **С** мировым сообществом» — охватывает время с 2000 до начала 2012 г. Его содержание: стремление к коалиции с Западом для совместных действий в области международной безопасности (преимущественно с США) и экономической стабильности (преимущественно с Европой) при суверенизации модели внутреннего государственного и политического развития и внешней политики. Четвертый этап, — некоторые называют его «разрывом с Западом» (Д.Н. Тренин [8]) — начинается в 2012, получает мощный импульс в 2014 г. Его содержание: обретение Россией статуса государства-лидера в области утверждения справедливого международного порядка при расширении политической и экономической кооперации со странами незападного мира («Поворот на Восток»). Новый курс включает «национализацию» внутренней и внешней политики на основе ценностей уже собственного культурно-цивилизационного наследия и исторического опыта. Кратко остановимся на особенностях каждого из этапов.

Избрание президента РСФСР 12 июня 1991 г. его активные сторонники рассматривали не только как укрепление

суверенитета республики и появление «высшего должностного лица, главы исполнительной власти», но и как политика с программой будущего развития страны. Вскоре после избрания Б.Н. Ельцин заявил: «Наша цель — интеграция России в мировое сообщество» [9]. Ее достижение включало два аспекта: внешний и внутренний. Первый предполагал вхождение в международные политические и экономические структуры, созданные «цивилизованными странами». Второй предусматривал внутреннее преобразование России по образцу развитых стран — США и Западной Европы. Последовавшие вскоре события августа 1991 г. стали трактовать как «демократическую революцию», которая была призвана решать задачи коренного преобразования страны. В сфере государственно-политической: отказ от советской системы и создание режима либеральной демократии, основанного на разделении властей; в экономике: смена форм и перераспределение собственности, отказ государства от планирования и ускоренный переход к рынку; в социальной: демонтаж прежней системы социальных гарантий; в идеологической: изменение социокультурных стереотипов народов России через активное внедрение либеральных ценностей.

В 2010 г., выступая в Государственной думе, министр иностранных дел России С.В. Лавров отмечал, что после завершения холодной войны сформировался конфликт ожиданий, «который стал характерным для состояния наших отношений с Западом и который мы только недавно начали преодолевать» [10]. На наш взгляд, концепт «конфликт ожиданий» является ключевым для понимания российского-западных связей с конца 1991 г. Следует отметить, что ликвидация, а не преобразование СССР была для многих неожиданной. Взаимные стратегии носили самый общий характер.

На что рассчитывали в Америке? Первое: после войны США рассматри-

вали СССР как экспансионистскую «красную империю», ликвидация которой является абсолютным благом. Полагали, что новая Россия откажется от давления на ранее «порабощенные народы», обретшие свободу в границах новых государств. Второе: возникновение «нового мирового порядка» включало встраивание в него России на условиях Запада с отказом от ее «великодержавных амбиций». Россия рассматривалась не как привилегированный партнер, а как «одно из» переживающих глубокий кризис государств. Третье: ослабленная Россия оставалась мощной в военном плане страной. Дальнейшее сокращение ее потенциала, прежде всего ядерного, виделось в качестве важнейшей стратегической задачи. Из этого следовал приоритет разоруженческой проблематики в двусторонних отношениях. Четвертое: встраивание России с мировое хозяйство будет происходить при поддержке и под эгидой международных организаций (прежде всего МВФ и Всемирного банка), что предполагало внутреннюю трансформацию экономики России по правилам, прежде всего, этих структур, где доминировали США и их союзники. В то же время, уже в 1991 г. они считали, что предоставление масштабной экономической помощи России по многим причинам нецелесообразно.

Свой набор прагматически-идеалистических ожиданий был и у российского руководства. Провозгласившая радикальную смену общественного строя власть рассчитывала на «демократическую солидарность» западных стран. На первом месте стояли экономические проблемы: после обретения независимости политическое выживание «сторонников реформ» зависело от преодоления острейшего хозяйственного кризиса. Поэтому основные внешнеполитические усилия в конце 1991 — 1992 гг. были направлены на мобилизацию финансовой поддержки. В России надеялись и на «техническую» помощь при реализа-

ции форсированных рыночных преобразований. Для «стимулирования» партнеров широко использовали тезис об угрозе коммунистического и националистического «реванша». Применительно к международной сфере звучали идеи о совпадении интересов, подкреплявшиеся декларациями о готовности самой широкой интеграции вплоть до вступления в НАТО. В то же время, учитывая масштабы страны, ее экономический потенциал, военную мощь, признание России государством-продолжателем СССР, новая элита рассчитывала на особое отношение в ряду посткоммунистических стран (как бывшего СССР, так и государств, ранее входивших в «социалистическое содружество»), в том числе и при обустройстве постбиполярного миропорядка. Сохранению статуса «великой державы» придавалось большое значение. Демонстрацию «дружественных» отношений с западными странами и их лидерами рассматривали как важный источник внутренней политической легитимации властного режима в условиях неустойчивости его социальной базы. Что касается постсоветского пространства, то здесь у российского руководства не было позитивной определенности. Первоначально сохранение инструментов влияния в регионе связывали с вопросом о границах и возможностью регулирования цен на энергоносители. В общем же плане полагали, что успешное проведение реформ вновь сделает Россию привлекательной для соседей, которые сами к ней «потянутся» [11].

Курс на стратегическое партнерство с США в г. 1992 нашел яркое отражение в совместной кэмп-дэвидской декларации (январь) и Хартии российско-американского партнерства и дружбы (июнь). Особенностью второго документа было то, что предметом двусторонних обсуждений на международном уровне стала внутренняя политика России. Хартия представляла собой «кодекс поведения», которому российское руководство обя-

залось следовать. Фактически Москва признала за Вашингтоном право быть арбитром в оценке российских реформ. Появился термин «домашнее задание» России, под которым понимали принятые страной морально-политические обязательства относительно внутренних преобразований, которые бы подготовили ее к полноценному партнерству с Западом [12].

На характер отношений России с обществом западных государств влияли качественно различные оценки окончания холодной войны. И М.С. Горбачев, и Б.Н. Ельцин рассматривали ее как общую победу над состоянием сорокалетней конфронтации, из которой победителями вышли все ее участники. В России точку низвержения коммунизма видели в «августовской победе» 1991 г., ставя это в заслугу своему народу, который сознательно и без внешней помощи освободился от навязанной ему в 1917 г. системы. На Западе же, и особенно в США, окончание холодной войны без оговорок и, не сея иллюзий, толковали как поражение государства СССР, а победителями видели Америку и Западную Европу, отправивших Советский Союз на «свалку истории» (Р. Рейган). Возникший тогда в США культ победителей в холодной войне до сих пор пронизывает сознание политического класса страны. Отсюда — отношение к России как к побежденной державе, которая может быть не субъектом, а лишь объектом в отношениях с государствами, чьи ценности продемонстрировали неоспоримое превосходство: их «без боя» приняла Советский Союз, а затем — и Россия. На этом основании западные лидеры не стесняются открыто повторять, что премьера СССР не имеет права отстаивать свои интересы в тех случаях, когда это не подтверждено согласием США или коллективной Европы.

Элементы взаимного разочарования появились и все больше накапливались уже в 1992-1993 гг. Во-первых, станови-

лось очевидным, в какую ловушку попало российское руководство, пойдя на создание СНГ. Согласившись на независимость бывших союзных республик без всяких предварительных условий, Россия не могла уклониться от урегулирования конфликтов на их территории. Непредвиденные проблемы возникли в связи с обеспечением безопасности и разделом вооружений бывшего СССР. Повсеместная дискриминация русскоязычного населения в обретающих этнократическую окраску режимах также не могла игнорироваться российскими властями. Стала очевидной пагубность разрыва экономических связей, что диктовало малопривлекательную для новых элит интеграционную риторику России. Ее граждане ментально не приняли распад исторического российского государства, что нашло отражение в отказе VI-го Съезда народных депутатов ратифицировать беловежские соглашения. Все этого выглядело неприемлемым в глазах американской и европейских элит, которые в возникавших трениях последовательно поддерживали оппонентов России, громко протестовавших против ее «имперских амбиций».

Во-вторых. И российские лидеры, и население были разочарованы формами и масштабами поддержки Запада, в расчете на которую изначально строилась гайдаровская модель реформ: из разрекламированных 24 млрд долларов в 1992 г. Россия получила лишь один, что вызвало шок, но не сопровождалось «терапией». Такую стратегическую близорукость руководителей Запада осудила даже М. Тэтчер. В-третьих, в ходе разгорающегося на территории Югославии конфликта Россия столкнулась с откровенным игнорированием своей позиции в традиционно важном для нее регионе. Столь же неприятной становилась перспектива расширения НАТО без России: ее старались приблизить бывшие союзники СССР по ОВД, американские диспоры которых широко использовали

лоббистские ресурсы для давления на правительство в Вашингтоне.

Занявшая Белый дом администрация Б. Клинтона взяла курс на поддержку реформ в России, но на этом пути ее ожидали серьезные испытания, связанные с формой и результатами разрешения конституционного кризиса в Москве в сентябре — декабре 1993 г. В конфликте между президентом и Съездом народных депутатов лидеры западных стран не без американского давления поддержали официальную кремлевскую позицию, но расстрел здания парламента, другие политические маневры поставили под сомнение тождественность западных и российских представлений о демократических ценностях. Российского президента и его сторонников стали рассматривать скорее, как «наименьшее зло», способное противостоять «коммунистам и националистам». В США поддержали президентский вариант Конституции, в котором реализация принципа разделения властей существенно отличалась от классических вариантов. Шоковую реакцию вызвали и результаты декабрьских выборов в Государственную думу. Три из четырех партий-фаворитов резко критиковали внешнюю политику А.В. Козырева и выступали за воссоздание государственности в границах до 1992 г. На Западе появились сравнения России с Веймарской Германией. Американский вице-президент объявил лидера победившей ЛДПР главным символом того, чему поклялись противостоять США [13].

С 1994 г. признаки отчуждения Запада от России становились отчетливее и получали доктринальное обоснование. В получившей популярность концепции С. Хантингтона [14] цивилизационное единство Европы распространялось, прежде всего, на страны западного христианства. С ними же граничили территории, народы которых исповедовали ислам и православное христианство и принадлежали к неевропейской цивили-

лизационной общности. К ней относили и Россию, развитие которой, согласно Хантингтону, базировалось на противоположной Европе культурной основе. В 1994 г. широкий резонанс вызвала статья Зб. Бжезинского с характерным названием «Преждевременное партнерство». Борьбу с «иллюзиями о великодержавности России» предлагалось вести в рамках концепции сохранения «геополитического плюрализма» на постсоветском пространстве путем поддержки новых государств и их не включающих Россию объединений, и проектов. Красноречивым жестом встало сознательное неприглашение России на празднование 50-летия открытия второго фронта в Нормандии. Это произошло в тот год, когда Россия ускоренными темпами выводила свои войска из стран Балтии и ФРГ.

В обобщенном виде коллективное отношение Запада и его стратегия на российском направлении были сформулированы 1995 г. в докладе Трехсторонней Комиссии [15]. Она получила название «Взаимодействие с Россией» («Engaging with Russia»). Здесь констатировалась неустойчивость ситуации внутри государства, и выражалось ощущение тревоги в «вероятности фундаментального успеха российских реформ». В то же время, отмечалась важность для Европы и Америки обеспечить предсказуемость международной политики России. Это предлагалось осуществлять через «вовлечение» в сотрудничество с трансатлантическими и европейскими институтами, что явилось бы признанием важности страны, но без придания ей «диспропорционального влияния» в руководящих структурах. Страны Трехсторонней Комиссии оставляли за собой право «критически реагировать», если российское правительство будет действовать в духе, не соответствующем демократическим нормам. Возможное неприятие Россией предложенных подходов трактовалась

как «сворачивание на путь развития, враждебный Западу».

Интеграция России в международные структуры означала включение в систему уже сложившихся связей и отношений, где правила определяли более сильные игроки. В 1990-е гг. Россия была принята в МВФ и Всемирный Банк, Совет Европы, «Большую Семерку», Парижский клуб кредиторов, АТЭС, заключила Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (далее — СПС) с ЕС, вела переговоры о вступлении в ВТО и ОЭСР, получила партнерский статус в АСЕАН. В то же время подписываемые документы часто отражали завышенные ожидания сторон и имели противоречивые последствия. Так, в СПС с ЕС было зафиксировано намерение России в одностороннем порядке привести внутреннее законодательство в соответствие с европейским. Отсутствие же прогресса в реализации взятых обязательств стало причиной возмущения Брюсселя и его нарастающего «нормативного» давления на Москву. Подписание символического по существу «Основополагающего Акта Россия-НАТО» было призвано смягчить недовольство страны взятым руководством Альянса курсом на перманентное расширение блока в восточном направлении.

Для системной трансформации России ее лидеры активно привлекали внешнюю помощь. Как отмечал, известный американский исследователь и дипломат М. Макфол, «сразу после падения коммунизма в декабре 1991 г. российские власти предоставили западным правительствам уникальные возможности по вмешательству в суверенные дела России. Западные советники были приглашены практически в каждую из ветвей власти российского государства» [16]. Фактически речь шла о самоограничении национального суверенитета. В первой половине — середине 1990-х гг. главным партнером были США. В соответствии с американской внешнеполитиче-

ской практикой ее взаимодействие с Москвой шло по двум каналам: «формальному» — межгосударственному и по линии финансируемых американской администрацией неправительственных организаций и консультационных программ. Многие из них были, безусловно, полезны, однако далеко не все. В их числе — так называемый «Гарвардский проект», ставший наиболее крупной программой содействия США России в экономической сфере. Его участники сыграли ключевую роль в разработке макроэкономической политики на старте российских реформ, а также в проведении приватизации. Провал проекта был признан в 1997 г. в США на судебном уровне. «Гарвардцев» обвиняли в том, что их деятельность привела к подрыву усилий американского правительства по содействию России, предопределила «разрушительные последствия» российских политических, экономических и правовых реформ в 1990-х годах [17]. После же финансового кризиса 1998 г. интерес к нашей стране со стороны администрации существенно охладел, также, как и доверие российского правительства к западным советам.

В середине — второй половине 1990-х гг. в России постепенно складывается более реалистическое восприятие международных реалий и места в нем России. Это нашло отражение в «доктрине Е.М. Примакова», возглавившего МИД в январе 1996 г. Доктрина включала: подход к миру не как к «однополюсному» во главе с США, а как формирующемуся многополярному; перенос акцента во внешней политике с «демократической солидарности» на отстаивание национальных интересов России, которые определяются ее географией и историей (конкретизация внешнеполитических интересов была осуществлена в Концепции национальной безопасности России 1997 г.); вытекающая из этого многовекторность международного курса страны; сохранение активного сотрудничества

с США и Европейским Союзом там, где это возможно, в других случаях — отстаивание своих позиций, не доводя отношения до конфронтации [18].

В 1998-1999 г. в России интенсивно шло осмысление осуществленного броска в «демократию и рынок». В концентрированном виде оно нашло отражение в отношении к начавшей реформы власти: в 1999 г. уровень доверия действующему президенту составил 3,5% (против 57,3 полученных на выборах 1991 г.) Социологи констатировали формирование общественного консенсуса по следующим основаниям: сложившийся в России в 90-е годы экономический и политический режим надо менять, причем радикально; необходимо усилить роль государства как в экономике, так и во всех сферах жизни; надо наводить порядок во всем, даже если потребуются «твердая рука»; следует стремиться к преодолению гипертрофированного раскола общества на нищих и сверхбогатых; следует жить «своим умом», а не полагаться на «цивилизованный Запад». Мифологические представления о нем как образце для подражания, источнике добра и миролюбия подверглись существенному пересмотру. Рос интерес к «русскому» фактору как совокупности идей и ощущений, определяющих собственную общность. И в массовом сознании, и в элите утверждалось представление о том, что «у России свой путь, отличный от стран Запада» [19].

Итоги 1990-х годов оказались противоречивыми. С одной стороны, Россия решительно порвала с прошлым, но новые общественные отношения не выглядели гармоничными. Как отмечал известный британский исследователь Р. Саква, в стране утвердился не рыночный, а олигархический капитализм, не демократия, а «бессильный авторитаризм», вместо устойчивой федерации — «фрагментированный регионализм» [20]. Далекими от ожидаемых оказались и внешнеполитические итоги десятиле-

тия. Стратегического союза с Западом не получилось, масштабы финансовой помощи были незначительными, а предложенная международными институтами модель экономических реформ оказалась неадекватной российским условиям. США и ЕС не признавали за Россией право на особые интересы на постсоветском пространстве. Изменяющаяся роль России в мировой политике стала особенно заметной в ходе урегулирования югославского кризиса. И хотя руководство страны постоянно подчеркивало ее статус «великой державы», в зарубежной экспертной среде с этим были согласны не все. Отталкиваясь от критериев мощи государства в глобальном мире, Россию аттестовали как «несовременную», «бывшую» и даже «мнимую» великую державу. После натовских бомбардировок Югославии отношения с Западом оказались в низшей точке после холодной войны. Стали говорить об угрозе международной изоляции.

Избрание нового российского президента сопровождалось «инвентаризацией» пройденного Россией в 1990-е годы пути. В одном из первых выступлений В.В. Путин отмечал, что в стране созданы основы демократии и рыночных отношений, в которых предстоит навести порядок. В этих условиях в июне 2000 г. появилась вторая концепция внешней политики России. Место идеологизированной «демократической солидарности» вытеснял геополитический подход. В отличие от первого (1993 г.), новый документ был основан на опыте предшествующего десятилетия и знаменовал переход к более реалистичной и прагматичной политике. Не случайно уже вначале текста ставилась задача переосмысления ее приоритетов в контексте возможностей ресурсного обеспечения. Была важной констатация того, что «не оправдались некоторые расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим ми-

ром». В качестве направлений главных усилий внешней политики были названы: создание внешних условий для поступательного развития России и ее экономики; формирование пояса добрососедства по периметру российских границ; поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами и межгосударственными объединениями. В соответствии с этим «прописывалась» иерархия региональных направлений: США, отношения с которыми были приоритетными в 1990-е годы, заняли третью позицию. На первую ставились связи с государствами — участниками Содружества Независимых Государств, на вторую — отношения с европейскими государствами, на четвертую — взаимодействие со странами Азии. Замыкали список приоритетов государства Африки и Латинской Америки.

Развивавшие новый подход к интеграции эксперты обращали внимание на то, что к числу важнейших общенациональных задач относится повышение конкурентоспособности экономики, кардинальное увеличение ВВП, интеграция России в мировую хозяйственную систему. В связи с этим геополитическое видение мировой политики, исходящее из соотношения военных сил, воспринимающее международные отношения как главным образом силовую борьбу за сферы влияния, заменяется системой геοэкономических представлений. В рамках этой парадигмы угрозы международной безопасности России порождаются, в конечном счете, ее экономической слабостью и отставанием в освоении новых технологий. В этой связи ключевым элементом новой внешнеполитической философии должно стать положение о многовекторном характере российской политики. Она подразумевает выстраивание конструктивных отношений со всеми государствами, которые представляют интерес, решая в каждом случае конкретные проблемы. При этом отмечалась важность не абсолютизировать

расхождения, а стремиться к созданию «коалиций победы», одна из которых могла быть направлена против международного терроризма и угрозы распространения оружия массового уничтожения [21].

На рубеже 1990-х — 2000-х гг. на одно из ведущих мест в мировой политике вышла проблема границ национального суверенитета. С 1999 г. разрабатывается концепция «реального суверенитета» России [22]. В 2003 г. на заседании Госсовета в присутствии президента, было предложено считать «реальный суверенитет» «доктриной Путина». К раскрытию содержания этой категории сам глава государства возвращался не раз. В российской литературе реализацию доктрины связывают с устранением внешнего влияния на внутривнутриполитические процессы и консолидацией российского народа вокруг возрожденной национальной идеи. Во внешней сфере — с достижением такой свободы действий на международной арене, которая бы позволила обеспечить интересы России в мировом и региональном масштабах. За рубежом «доктрину Путина» трактуют шире: как стремление восстановить экономические, политические и геостратегические активы, утраченные советским государством в 1991 году [23].

После терактов 11 сентября 2001 г. казалось возможным новое сближение с Западом, когда даже поднимался вопрос о членстве России в НАТО. В 2003 г. США под сомнительным предлогом и в обход Совета Безопасности ООН осуществляют «превентивную интервенцию» в Ирак, приведшую не только к свержению легитимного режима и исчислявшимся сотнями тысяч жертвам мирных жителей, но и к общей масштабной дестабилизации в регионе. В 2003-2004 гг. происходит расширение НАТО и ЕС в восточноевропейском направлении, что качественно меняет ситуацию в граничащих с Россией странах. Провозглашенная Брюсселем «политика

соседства» была ориентирована на вовлечение бывших союзных республик в орбиту влияния евроатлантических структур. Стимулированные в них «оранжевые революции» несли для России целый спектр политических и экономических угроз. Это повлекло усиление внимания страны к жизненно важному для нее региону, который, однако, превращался в зону прямой геополитической конкуренции, а затем и конфронтации с американцами и европейцами [24].

Критика Россией американских действий в Ираке, активизация на постсоветском пространстве, решительные шаги по преодолению экономического и политического наследия 1990-х внутри страны (борьба против терроризма и преодоление угрозы сепаратизма, укрепление властной «вертикали», обуздание экономических кланов, повышение внимания к информационной сфере, стремление консолидировать общество на идее неразрывности его истории) привели к тому, что с 2003 г. в отношениях с ней американские администрации начинают руководствоваться главным образом вопросами состояния демократии и соблюдения прав человека внутри нашего государства. Следует заметить, что в 1990- начале 2000-х гг. в международных отношениях и праве внедряются концепции «человеческой безопасности», «ограниченного суверенитета», «ответственности по защите», интерпретация которых при определенных условиях открывает возможности для давления и даже прямого вмешательства в дела любого государства. Это укладывается и в американские представления об инструментах собственной международной деятельности, к числу которых относится и поддержка НКО в самых разных странах. Их деятельность рассматривают и как помощь в укреплении гражданского общества, защиты прав человека, и как канал влияния на внутреннюю, и внешнюю политику государств. Проблема «разрыва ценностей»

начинает все громче звучать применительно к России и со стороны ЕС, превращаясь в один из главных пунктов в их переговорной повестке. При этом в Брюсселе открыто говорили о «продвижении демократии» как инструменте внешней политики Евросоюза.

«Российским ответом» на зарубежную критику стало выдвижение в 2005 г. концепта «суверенной демократии» [25], в соответствии с которым государства идут к демократическому устройству разными темпами и на основе собственного опыта. Утверждалось понимание того, что Россия и Европа находятся на разных стадиях развития: Россия переживает этап консолидации новых общественных отношений, восстанавливая государственность и суверенитет, а входящие в ЕС страны форсируют укрепление общеевропейского единства, передавая значительную часть суверенитета наднациональным органам. Отсюда следовал вывод о неприемлемости, как форсирования изменений внутри страны, так и некритического копирования чужих форм, которые неприменимы в неорганичных для них условиях и могут привести к деструктивным последствиям. Тогда же государством была продекларирована задача создания структур гражданского общества, НПО, с опорой на использование внутренних ресурсов поддержки. Одновременно появляется понятие «оффшорная аристократия» для обозначения экономически значимой части элиты, чьи перспективные жизненные траектории уже не связаны с Россией, но которая является носителем и проводником компрадорских настроений в стране.

Укрепление российского государства и рост его экономических возможностей в первом десятилетии XXI века стимулировали постановку вопроса о новой роли России в мировой политике. Была выдвинута доктрина «Россия — великая энергетическая держава» и даже «Россия — энергетическая сверхдержава»

[26]. Эту линию руководство попыталось закрепить в ходе саммита «Большой Восьмерки», проходившем в июне 2006 г. в Санкт-Петербурге и посвященном проблемам энергетической безопасности. Однако идея «энергетического лидерства» России была воспринята более, чем настороженно. Экономический по содержанию газовый конфликт с Украиной был интерпретирован как попытка использовать поставки в качестве инструмента политического давления. Заговорили об «энергетическом оружии» и «газовом империализме» России, для противодействия которому предлагалось создать «энергетическую НАТО». Остро негативно было воспринято обсуждение возможности объединения стран-экспортеров газа в рамках «газовой ОПЕК».

Все это привело к возникновению сразу ставшей популярной на Западе концепции «Новой Холодной Войны» (НХВ). В наиболее полно раскрывающей ее содержание книге (2007) перечислялся весь набор западных «претензий» к России, которые в почти неизменном виде воспроизводятся и поныне [27]. Концепция НХВ публично закрепляла негативный имидж В.В. Путина как олицетворения всего неприемлемого для Запада во внутренней и внешней политике. И если в начале 2000-х годов публикации о втором президенте носили преимущественно «сочувственный» характер и начинались с констатации тяжести «наследства», доставшегося от предшественника, то к концу второго срока ситуация радикально изменилась. С этого времени российский лидер на Западе представляется преимущественно в негативном свете независимо от предпринимаемых действий.

Этапным событием в реализации доктрины «реального суверенитета» стало выступление президента в феврале 2007 г. на мюнхенской конференции по безопасности в Европе. Российский лидер резко осудил «однополярный мир»,

который «означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решений», мир «единого хозяина, одного суверена». Не нося конфронтационного характера, выступление президента обозначало круг важнейших международных проблем, решения которых страна намерена добиваться с учетом ее интересов. Речь получилась резонансной, после нее в публичный обиход вошло выражение «Россия поднимается с колен» [28].

Одна из попыток смягчить «ценностные» противоречия с западными «партнерами» была связана с избранием третьего президента России. Выдвижение конкретной фигуры на конституционно главную властную позицию России имело и внешнеполитический подтекст. Как отмечали эксперты, с молодым, не связанным не только со спецслужбами, но и вообще с советским прошлым, имевшим репутацию либерала президентом, могли открыться новые возможности [29]. Программным слоганом нового лидера стали слова «Свобода лучше, чем несвобода». В основу внутреннего курса была положена идея «модернизации», трактовка которой далеко выходила за привычные технократическо-экономические рамки. Новый лидер подчеркнуто много внимания уделял совершенствованию государственно-правовых институтов — суду, прокуратуре, милиции (реформированной при нем в полицию), гуманизации законодательства и пенитенциарной системы; поддерживал либеральные подходы в экономической политике. В пользу молодых управленцев «задвигались» многие влиятельные представители старой элиты, имевшие «партийно-хозяйственное» прошлое. В СМИ усилилась критика советского периода истории. Все это порождало определенный оптимизм даже среди американских неоконсерваторов.

В июле 2008 г. новый президент подписывает третью в российской истории концепцию внешней политики. Доку-

мент появился после саммита НАТО в Бухаресте (апрель 2008 г.), где было принято политическое решение о вхождении в Альянс Грузии и Украины. В новой концепции уже прямо фиксировалось, что у России «есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы». Декларировалось, что «безусловным приоритетом является для нас защита жизни и достоинства наших граждан, где бы они не находились». Последовавший в августе конфликт с Грузией привел к кратковременному охлаждению, но не к свертыванию отношений с США и Европейским Союзом. Избрание на антибушевской волне нового американского президента сопровождалось провозглашением политики «перезагрузки», позитивные последствия которой носили ограниченный характер. Озвученное же в сентябре 2011 г. намерение В.В. Путина вернуться в Кремль вновь усилило отчуждение США от России. Кампании по выборам депутатов Госдумы осенью 2011 г. и президента зимой 2012 г. проходили под огнем жесткой критики.

Все это привело в 2012 г. к существенным изменениям общей стратегии государственного развития России. Наметился сдвиг от неолиберально-глобалистского курса в сторону национально-ориентированной модели развития. В этом контексте указом президента была введена в действие новая концепция внешней политики. В ней зафиксирована эволюция представлений о статусе страны. Если в концепции 2000 г. о России говорится как о «великой державе», то в 2008 г. она определяется как «один из влиятельных центров современного мира, крупнейшая евразийская держава». В концепции же 2013 г. отмечено, что внешняя политика России «отражает уникальную, сформировавшуюся за века роль нашей страны как уравнивающего фактора в международных делах и в развитии мировой цивилизации». В новой редакции 2016 г.

эта позиция подтверждается. Здесь же вновь подчеркивается, что Россия «осознает свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне и нацелена на совместные действия со всеми заинтересованными государствами в целях решения общих задач». В тоже время в обществе и элитах укрепляется понимание, что заявленный международный статус должен быть подкреплён прорывами на внутриэкономическом направлении, что невозможно без отказа от институтов, вошедших в жизнь на начальном этапе интеграции России в мировое сообщество.

События на Украине зимой-весной 2014 г. привели к фактическому разрыву тех неустойчивых институциональных связей, которые складывались между Россией и глобалистским Западом на протяжении всех постсоветских лет. «Поворот на Восток», перенос акцента на сотрудничество с государствами незападного мира стали серьёзной ревизией проводившегося с 1991 г. Россией стратегического курса. В выступлении на XX Всемирном русском

соборе в ноябре 2016 г., Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выразил убеждение, что самым острым конфликтом современности является не столкновение цивилизаций, а столкновение транснационального, радикального, секулярного глобалистского проекта со всеми традиционными культурами и локальными цивилизациями. И эта борьба проходит не только по межгосударственным границам, но и внутри стран, включая Россию. Альтернатива — новый диалог народов, осуществляемый на принципиально новых основаниях, направленный на восстановление ценностного единства, в рамках которого каждая цивилизация могла бы существовать, сохраняя свою идентичность.

Происходившие в 2016 г. на всех континентах бурные международные события, а также внутренние конфликты и кризисы, не обошедшие даже считавшиеся благополучными страны, являются важными аргументами в пользу уже начавшейся трансформации мирового порядка. Россия также вступает в этап наработки нового опыта и репутации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Концепция внешней политики России. Утверждена 30 ноября 2016 г.
2. *Фененко А.В.* Хуже, чем в холодную войну // Россия в глобальной политике. 2016. № 2.
3. Россия в многообразии цивилизаций. Отв. ред. Н.П. Шмелев; Россия в полицентричном мире. Под ред. А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой. М., 2011; *Иваиов Л.Г.* Геополитика русской цивилизации. М., 2015.
4. Внешняя политика России: от Ельцина до Путина. Сост. Ст. Кройцберггер, С. Грабовски, Ю. Унзер. Киев, 2002; *Меттан Ги.* Запад-Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016. Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past. Ed. By R. Legvold. Columbia University Press. 2007.
5. *Цыганков А.П.* Русофобия: антироссийское лобби в США. М., 2015.
6. *Кременюк В.А.* Уроки холодной войны. М., 2015. С. 265-267.
7. *Гордеев В.В.* Мировая экономика и проблемы глобализации. М., 2008. С. 103.
8. *Тренин Д.В.* Россия и мир в XXI веке. М., 2015.
9. Внешняя политика России: от Ельцина до Путина. С. 170.
10. *Лавров С.В.* Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М., 2011. С. 154.

11. См. об этом: *Барсенков А.С.* Внешняя политика России на начальном этапе становления новой государственности // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 84-87.
12. *Багатуров А.Д.* Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. Т. 5. № 13. С. 58.
13. См. подробнее: *Барсенков А.С.* Указ. соч. С. 95-98.
14. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России. Речь при церемонии вручения диплома Почетного Доктора в Дипломатической академии МИД России // Дипломатический ежегодник 1996. М., 1996. С. 240.
15. Аналогичный доклад был представлен и в 2005 г., в нем анализировались произошедшие после 1995 изменения и формулировались новые коллективные подходы Запада к России. См.: *Ватанабэ К., Лайн Р., Тэлбот С.* Взаимодействие с Россией. Следующая фаза. Пер. с англ. М., 2005.
16. *Goldgeier J., McFaul M.* Power and Purpose. The Brookings Institution Press. Wash. 2003. P. 87.
17. Подробнее: *Небываев И.В.* Из истории российско-американских отношений в политико-экономической и общественной сферах в 1990-ые — начале 2000-х гг. М., 2008.
18. *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М., 1999.
19. *Бызов Л.Е.* От государства «смуты» к государству «термидора» // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 44-46.
20. *Sakwa R.* Putin: Russia's Choice. London and New-York, Routledge, 2004.
21. *Торкунов А.В.* От «холодной войны» к «коалиции победы». Новая философия внешней политики России // Космополис. 2004. № 4.
22. *Кокошин А.А.* Реальный суверенитет. М., 2006.
23. *Aron L.* The 'Putin Doctrine' And The Real Reason For Russian-American Conflict Источник: <http://inosmi.ru/politic/20130315/206980681.html>
24. *Шишкина О.В.* Внешнеполитические ресурсы. Россия и ЕС на пространстве «общего соседства». М., 2013.
25. PRO суверенную демократию. Сборник / сост. Л.В. Поляков. М., 2007.
26. *Симонов К.* Энергетическая сверхдержава. М., 2006.
27. *Lucas E.* The New Cold War. How the Kremlin Menaces both Russia and the West. London, Bloomsbury, 2007.
28. *Уткин А.И.* «Россия встает с колен» // Политический класс. 2007. Март.
29. *Пушков А.К.* Внешняя политика и национальные интересы России в XXI веке. М., 2011. С. 15.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ И ИДЕОЛОГИЯ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Смирнов Г.Н.

Профессор Дипломатической академии МИД России.

Тел. 8 916 645 76 36.

e-mail: genasmirnov-1940@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемом материале автор проводит исторические параллели в сопоставлении внешней политики и идеологии в российско-американских отношениях на протяжении последних сорока лет. В статье на основе фактов и документов дан анализ чрезвычайно сложной современной международной обстановки, чреватой нарастанием угрозы новой мировой войны.

Ключевые слова: идеология, дипломатия, внешняя политика, национальные интересы, мировая политика, Советский Союз, Россия, США.

Smirnov G.N.

Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Tel. 8 916 645 76 36.

e-mail: genasmirnov-1940@yandex.ru

COMPARISON OF POLITICS AND IDEOLOGY IN RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS: HISTORICAL PARALLELS

Politics — carefully stage play

Abstract. In the proposed material, the author draws historical parallels in comparing foreign policy and ideology in Russian-American relations over the past forty years. In the article, based on facts and documents, an analysis is given of an extremely complex contemporary international situation, fraught with the growing threat of a new world war.

Key words: ideology, diplomacy, foreign policy, national interests, world politics, the Soviet Union, Russia, the United States.

*Политика — тщательно
отрежиссированный спектакль*

XIX—XX вв. часто называют «веками идеологии» в политической теории и практике. В этот период складываются наиболее популярные политические идеологии, то есть рационализированные мировоззрения, ценностные установки социальных групп, оказывающие довольно значительное влияние на внешнюю политику государств и на весь мировой политический процесс.

Термин «идеология» в начале XIX в. ввел французский философ и экономист Антуан Луи Клод Дестют де Траси (1754-1836) в своей работе «Элементы идеологии» для обозначения учения об идеях, позволяющего установить твердые основы для политики, этики и т.д.

Идеологию принято определять как систему взглядов и идей, «в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к дру-

гу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [1].

Такое определение идеологии лишь описательно освещает содержание этого понятия и нуждается в некоторых пояснениях и дополнениях. Прежде всего, под идеологией понимается не только совокупность взглядов, но и определенный тип мыслительного процесса, основанного на идеологических, теоретических предпосылках. Человек и общество живут в идеологическом пространстве точно также, как и в мире политики, культуры, экономики и т.д., поэтому идеология — не только одна из организационных, регулятивных и контрольных систем, направляющих жизнь общества и человека, но и самым тесным образом связана функционально с политической системой, и режимом государства, с политической этикой.

Основоположники марксизма по этому вопросу замечали: «Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представление о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то и он выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников» [2].

В западной литературе принято употреблять термин «идеология» почти исключительно как общую характеристику мировоззрения для обмана (или самообмана) ради материальных, а также политических интересов [3]. Такое понимание идеологии было всесторонне раз-

работано представителями Франкфуртской школы, (М.Хокхаймер, Т.Адорно, Э.Фромм, Г. Маркузе, Ю.Хабермас), которые оказали значительное влияние на развитие немарксистской социальной и философской мысли в ФРГ и США и на теоретическое оформление идеологии «новых левых».

Выражая интересы противоположных классов, различные идеологии вступают между собой в борьбу. Если интересы классов противоположны, то идеологии непримиримы. Отсюда и вытекает партийная непримиримость в принципиальной идеологической борьбе.

Идеология универсальна, как и политика, то есть способна охватывать самые различные области мысли, деятельности, поведения и определять их направление («образ мысли», «особые интересы»), цели и средства. Идеология связана с процессом сопоставления идеалов и конкретных задач, целей и возможностей, который занимает в политике центральное место. Именно идеология указывает политике систему идеалов и ценностей к которой та должна стремиться (процесс идеализации, т.е. выбора целей, ориентация этого выбора). Отсюда и возникает консервативная либо либеральная, прогрессивная либо реакционная политика.

Политика и идеология — наиболее экспансивные системы общественного сознания и организации общества, они не только способны проникать в другие сферы его жизни, но и сочетаться друг с другом. При этом всякий дефицит политики, любая ее слабость, политический вакуум, недостаток политических идей и решений немедленно и неизбежно замещается идеологией. Она способна и вытеснять политику, и подчинять ее себе, особенно, когда идеологизация политики стимулируется какими-либо внешними событиями (угрозой извне, искушением начать те или иные акции против враждебного или слабого окружения и т.п.) или внутренними

обстоятельствами — экономическими, например, спад в экономике, трудовые конфликты, в социальной сфере и т.д. Идеология слита с политикой непосредственно.

Политика идеологична по самой своей сути как стремление управлять, направлять, контролировать во имя определенной идеи, замысла, тех или иных интересов и целей. Тем не менее существуют допустимые пределы взаимного проникновения идеологии и политики, за которыми гиперидеологизация разрушает политику, делает ее нефункциональной, неспособной определять и решать общественно важные задачи, порождает извращенные тоталитарные и тиранические режимы, репрессии, кризисы, войны. Тогда и возникает проблема политических, а не идеологических решений. Избыток идеологии порождает потребность деидеологизации политики, освобождения ее от идеологических приоритетов

Идеология шире, чем политика, но любое ее положение или любая проблема может приобрести политический характер, если решение, прямо или косвенно, связано с такими интересами, которые затрагивают деятельность государства, касаются проблемы власти. Поэтому политику и идеологию нельзя противопоставлять, но разграничить их можно, и даже нужно.

Попытки же утвердить во всех областях жизни так называемую деидеологизацию, не говоря уже о том, что ориентация на деидеологизацию, как показала историческая практика постсоветской России за время либеральных реформ в лихие 90-е была лишь ширмой приоритета государственной идеологии, ориентированной на США и страны Евросоюза.

Да и в настоящее время у российской власти нет четкой картины будущего, власть утратила навык предвидения, что и подтверждено в Конституции Российской Федерации 1993 г., в которой про-

писано: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [4]. Однако политическая практика последних двух десятилетий подтвердила, что как Россия, не может развиваться без своей государственной идеологии.

Внутренняя политика генетически предшествует внешней политике и, в конечном счете, определяет ее, хотя каждая из политик имеет свою специфику. Даже при сильной оппозиции государство, как правило, обладает монополией на власть, а стало быть, монополией на фактическое проведение внутренней политики. Политический климат в стране определяет государство, т.е. в первую очередь государственный строй и практические действия исполнительной власти. Таковы особенности внутренней политики.

Совсем другое дело, политика внешняя.

Как известно, внешняя политика любого государства является неотъемлемой составной частью того, что принято называть государственной идеологией. Внешнеполитический курс государства определяется основными принципами государственной идеологии и отражает, в частности, его геополитические интересы и приоритеты.

На международной арене выступают равноправные суверенные государства, и имеется система сложившихся международных отношений, закрепленная в договорах, союзах и международных институтах, при этом никакого сюзерена над ними нет. Международные организации не являются наднациональными и суверенитета государства укреплять не могут. Правда, согласно англосаксонским установкам некоторыми государствами Запада, прежде всего в ФРГ, а также Японии, Южной Кореи, странах Восточной Европы и Балтии, вступивших в Евросоюз и НАТО, пропагандируется как во внутренней политике, так на международных форумах теория огра-

ниченного суверенитета (очень удобная идеология, например, для объяснения размещения на их территориях американских войск с ядерным оружием).

Важно отметить субъективную сторону в политике государства, несмотря на ее объективные основы в виде материальных интересов господствующего класса, проводится в жизнь людьми. Поэтому в политической жизни государства всегда серьезную роль играют субъективные, человеческие факторы. Диапазон отклонения в политических действиях, вызванный субъективными факторами, объективно ограничен, но он вполне достаточен, чтобы привести к неоднозначности крупных политических решений и практических действий. Поэтому и называют политику искусством и наукой.

Таким образом, накопив достаточно исходных предпосылок, можно специально рассмотреть и сопоставить идеологию и внешнюю политику государств в формирующемся новом мировом порядке.

Для большей предметности положения проблемы попробуем сопоставить и противопоставить два варианта ее решения: российское и американское, проведя исторические параллели за последние 30–40 лет.

Рассмотрим решение американское от периода пика «холодной войны» в двухполярной Ялтинско-Потсдамской мировой политической системе до нынешнего формирования мирового порядка XXI в.

В 1980 г. в ходе предвыборной кампании кандидат от Республиканской партии Рональд Рейган говорил, что «СССР находится в основе всех нестабильных ситуаций в мире и поэтому с ним надо покончить, что и обеспечит миру спокойствие» [5].

9 января 1981 г. Александр Хейг, в то время Госсекретарь США на заседании комиссии Сената по иностранным делам говорил: «Есть вещи поважнее, чем мир». и он же в беседе с корреспондентом

германского журнала заявил: «Весь мир есть поле действия НАТО» [6].

22 марта 1981 г. Ричард Пайпс, профессор Гарвардского университета, в то время штатный сотрудник Совета национальной безопасности США сказал следующее: «Советские лидеры должны выбирать между мирным превращением коммунистической модели в западную модель или быть вовлеченными в войну» [7].

Президент США Р. Рейган 17 мая 1981 г. в своей речи в университете «Нотр-Дам» заявил, что «...западный мир во имя сохранения цивилизации отбросит коммунизм, разделается с ним», а 27 мая 1981 г. в речи перед выпускниками военной академии в Вест-Пойнте сказал: «Америка берет на себя ответственность за весь свободный мир». 16 июня 1981 г. на пресс-конференции: «Коммунизм есть уклонение от нормального образа жизни человеческого существа».

8 июня 1982 г., выступая в Британском парламенте, Рейган говорил о «мировых силах тоталитаризма, которые ведут подрывную деятельность в разных регионах планеты, чтобы продолжать свое варварское нашествие против человеческого духа. В этой связи западному миру необходимо объединиться в крестовый поход против этих сил зла».

8 марта 1983 г. в выступлении перед ассоциацией евангелистов, и, отойдя от письменного текста, от себя Президент Рейган добавил: «Коммунизм — это центр зла в современном мире и с ним необходимо покончить» [8].

1 апреля 1983 г. Рейган заявил на пресс-конференции: «СССР является противником всех моральных принципов человеческого быта и только крестовый поход против него может спасти эти моральные принципы».

12 декабря 1983 г.: «США поддерживают проходящую в мире революцию за свободу и демократические идеалы при помощи своего отказа от лозунга «Перекуем мечи на орала».

Суммируя эти откровения, что же в них можно обнаружить?

Во-первых, все они дышат патологической, нерассуждающей ненавистью к коммунистической идее и России. Однако коммунистическая идеология не выдумана в России, да и с момента опубликования К.Марксом и Ф.Энгельсом «Манифеста Коммунистической партии» прошло более сотни лет, и марксизм давно и прочно вошел в культурную и политическую историю народов [9]. Авторы выше приведенных высказываний замахиваются на саму историю, на мировой исторический процесс. Им не нравится развитие этого исторического процесса. Это позиция идеологическая!

Во-вторых, и через сорок лет в предвыборной кампании в 2016 г кандидатов в президенты США от демократов и республиканцев Х.Клинтон и Д.Трампа мировая общественность услышала все ту же патологическую ненависть к России, всему русскому, российскому. В этих тезисах — раздражение: как посмело государство, которое, по мнению американцев, не больше не меньше, как географическое пятно, позиционировать себя великой державой, добившейся военного паритета? За этим раздражением скрыта мечта вернуть утраченные США господствующие военные, экономические, социальные, культурные позиции в мире. Это позиция — политическая!

В-третьих, вся внешняя политика США подчинена указанным идеологическим и политическим целям, т.е. антироссийской направленности. Это позволяет американским элитам убедить себя и своих союзников на Западе в иллюзорной возможности имперского диктата США в глобальном масштабе. Вся информационная, пропагандистская мощь брошена на то, чтобы сломить главного противника, а остальные сами станут вассалами. Об этом не было сказано прямо тридцать-сорок лет назад, но умные понимали. В 2016 г. это уже ясно и глупцам!

В-четвертых, каким же способом сломить Россию?

25 октября 1995 г. Президент Билл Клинтон сформулировал следующую идею: «Мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна — США» и далее уже на рубеже столетий его же устами была провозглашена идеологическая концепция глобализации по-американски: «Глобализация — это не только экономика. Нашей целью должно стать объединение мира вокруг идеи свободы, демократии и мира **для противопоставления тем, кто не разделяет эти понятия.** (Выделено Г.С.). В этом состоит фундаментальный вызов, с которым Америка...должна справиться в XXI в.» [10].

Четыре сформулированных постулата американского видения развития мирового политического процесса вскрывают эту циничную логику военно-политического мышления вашингтонских стратегов. Это логика безумия и самоубийства. В каждом безумии, как заметил В.Шекспир, есть своя внутренняя логика.

Согласно такому развитию событий Западная Европа, впрочем, как и весь Евросоюз превращается в жертву, которую можно принести во имя уничтожения России. Только мышление, ослепленное зоологической ненавистью и не имеющее глубоких корней в национальной истории, лишенное органических связей с культурной историей человечества может так «размышлять». «Гамбургом, Марселем, Римом заплатить за безопасность Чикаго, Вашингтона, Нью-Йорка — пожалуйста». Это логика не религиозного человека и не атеиста, а бандита с пустой душой: ему ничего не жаль, у него нет ничего святого [11].

Строгий критик может спросить: а причем здесь тема обсуждения, надо вернуться на ее стезю: идеология и внешняя политика. Известно, что заповеди пишутся не для того, чтобы повторять их вслух. Они должны быть действительны-

ми. В наше время все более действенной становится заповедь Исаяи: «И будет Он судить народы, и обличит многие племена: и перекуют мечи свои на орала, а копья свои — на серпы: не поднимет народ на народ меч, и не будет более учиться воевать» [12].

Заповедь, конечно же, идеологическая!

Но отвернувшийся от нее, совершает деяние политическое: враждебное миру, культуре и человечности. Поэтому было бы справедливо спросить: Не пора ли строго судить «вашингтонское племя» за подготовку уничтожения человечества на планете? Кажется, что это «племя» уже вступило на тропу, ведущую к Нюрнбергу. Но есть еще время одуматься, вернуться к Исаяе и миру.

Верующие и неверующие в данном случае согласны с Библией. Их цель — мир без войн, в котором уже не будет более учиться воевать; серпы и орала заменят мечи и копья, а общим властелином будет труд.

США воюют с инакомыслящими, и эта война привела якобы религиозных людей — президентов США — к разрыву с Библией в пункте, пожалуй, самом существенном для глобального мира. Это ли не переплетение идеологии с мировой политикой, отступничество от Священного писания, с преступным милитаризмом, американским бандитским диктатом всему мировому сообществу. Впрочем, крестоносцы лишь начинали с того, что шли с Библией. Когда наступало время грабить и убивать — Библию бросали. И в этом смысле Р.Рейган, Дж.Буш старший и младший, Барак Обама, Х.Клинтон и иже с ними — истинные крестоносцы.

Перейдем теперь к решению проблемы: «Идеология и внешняя политика по российскому образцу».

Ялтинско-потсдамский мир создавался друзьями-врагами и неизбежно базировался на «сдержках и противовесах», на взаимном и гарантированном

их уничтожении. Это с одной стороны, нерушимость границ и территориальная целостность, а с другой — защита прав этнических меньшинств, что обеспечивалось противостоянием двух сверхдержав и группировавшихся вокруг них военно-политических блоков НАТО и ОВД. И такое противоборство безусловно было идеологическим.

После роспуска Организации Варшавского Договора, НАТО обрела новую роль, выйдя «за рамки территории» (События в Косово, война в Афганистане) и приняв в свои ряды Польшу, Венгрию, Чехию в марте 1999 г., затем бывшие советские прибалтийские государства, Болгарию, Румынию. Словакию и Словению в 2004, за ними в 2009 г. последовали Албания и Хорватия. «Новый атлантизм является идеологическим проявлением консолидации НАТО, став вооруженным крылом североатлантического сообщества... Атлантическая система во все большей степени неспособна критически оценить последствия своих действий с точки зрения геополитики. Именно такой геополитический нигилизм и спровоцировал украинский кризис» [13].

Так много пролито чернил про идеологический тоталитарный режим в Советском Союзе, однако именно западные политики не сразу научились выговаривать словосочетание «мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем», так и не усвоив их глубокого смысла. Они еще устами президента Генри Форда поспешили от него отказаться и даже запретили употреблять в официальных документах слово «detant», хотя уже в Договоре между СССР и ФРГ 1970 г. это словосочетание было юридически зафиксировано и тем самым стало нормой международного права и принцип «мирное сосуществование» стал международно-правовой нормой, свершилось совмещение идеологического требования и политического принципа в норме международного права.

В советский период страна никогда не скрывала того факта, что ее миролюбивый внешнеполитический курс имеет солидное идеологическое обоснование. Этим обоснованием являются два принципа: мирное сосуществование и социалистический интернационализм. На первом принципе государство выстраивало свои отношения со всеми другими государствами, вне зависимости от идеологии, на втором — с братскими социалистическими странами.

На протяжении всего 70-летнего советского периода Россия не меняла этих идеологических принципов своей внешней политики. Поэтому и ее внешнеполитический курс отличался принципиальностью и стабильностью, всегда сохранял свою миролюбивую направленность, при этом никогда СССР не делал коммунистические убеждения знаменем политики своего государства на мировой арене, не скрывал своего отрицательного отношения к идеям и практике экспорта революции в другие страны, равно как и всегда осуждали экспорт контрреволюции и боролся с ним.

Вернемся снова в 80-е годы XX столетия. Ю.В. Андропов 28 сентября 1983 г. сказал следующее: «Перенос идеологических противоречий в сферу межгосударственных отношений никогда не приносил ничего хорошего тому, кто во внешних делах прибегал к этому. Сейчас же, в ядерный век это просто абсурдно и недопустимо. Превращение противоборства идей в военное обошлось бы слишком дорого для всего человечества.

Но те, кто ослеплен антикоммунизмом, по-видимому, не в состоянии задуматься над этим. Начав с пугала «советской военной угрозы», дошли сейчас до объявления «крестового похода» против социализма, как общественной системы» [14].

Опыт истории нас учит, что при всей тесной взаимной связи идеология и внешняя политика любого государства развиваются по своим специфиче-

ским путям. У них разные законы развития: идеология развивается по пути преемственности и в ходе непримиримой борьбы с враждебными ей принципами, а внешняя политика сохраняет преемственность, но развивается методом переговоров, компромиссов, соглашений, договоров, взаимных уступок и проч.

Эта противоположность методов развития идеологии и внешней политики ныне легко просматривается на примере противоположности внешнеполитических курсов и установок России и США.

Внешнеполитический курс США настолько идеологизирован, что нередко происходит прямое отождествление идеологии современного американизма с внешнеполитическим курсом вашингтонской администрации. Границы между идеологией и внешним курсом государства в глобальном мире практически разрушен. Обильная миролюбивая риторика в делах этой администрации, не может ни заглушить, ни замаскировать ее «ястребиный клекот»:

- ▶ вместо разоружения — воинствующий милитаризм;
- ▶ вместо честных переговоров на условиях равноправия партнеров и равной их безопасности — опора на силу, шантаж, попытки ультиматума и диктата, многочисленные санкции;
- ▶ вместо военного паритета — его подрыв и попытка создания жульническим путем условия для нанесения первого, обезоруживающего удара по своему противнику;
- ▶ вместо укрепления международного правопорядка — подрыв уже подписанных соглашений и договоров, шантаж по отношению к ООН и ее институтам;
- ▶ вместо законной заботы о защите суверенитета границ — пределами американского государства объявляется весь мир, да к тому же еще и космическое пространство.

Идеологическая доктрина американизма в делах современной администрации развилась во внешнеполитические притязания глобального, планетарного масштаба, которые угрожают существованию всего человечества на земле. Поистине, извечный гамлетовский вопрос — «быть или не быть» встает ныне не перед личностью, не перед отдельными народами и континентами, а перед всем человечеством, перед жизнью на планете. Все это прямой вызов здравому рассудку, совести и самой жизни на земле. Это преступление перед человечеством.

Положение России в мировой системе отличается глубоким своеобразием. С петровских времен Россия утвердилась в качестве великой державы, занимая при этом не центральное, а полупериферийное положение в мировой экономической системе. Парадокс в том, что для сохранения государства от внешних посягательств русским приходилось консолидироваться вокруг него, и при этом ценой державности становилась деградация внутренних компонентов русской свободы. Военная сила, имперское могущество и способность противостоять внешним вторжениям постепенно превращались из средств народной свободы в самоцель государственной политики. По выражению историка Г.Вернадского, «самодержавие и крепостное право стали ценой, которую русские заплатили за национальное выживание». И.А. Ильин рассуждая о «русской идее», писал: «Каждый народ творит то, что он может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираваться под чужими окнами. Россия имеет свои духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру — культуру сердца, созерцания, свободы и предметности... Запад нам не указ и не тюрьма... И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У Запада свои заблуждения, недуги, сла-

бости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и задачи. И в этом — смысл русской идеи».

В итоговом документе XVIII всемирного русского народного собора (ноябрь 2014 г.) говорится: «Основой национального самосознания является единство исторической памяти. Перед лицом попыток противопоставить друг другу различные периоды нашего прошлого мы констатируем единство и непрерывность русской истории. Призываем соединить все самое лучшее и ценное из различных эпох нашей истории в великом синтезе религиозных идеалов Древней Руси, государственных и культурных достижений Российской Империи, социальных императивов солидарности и равенства, провозглашенных в советском обществе, справедливое стремление к осуществлению прав и свобод граждан в постсоветской России. Подобную идеологическую модель можно описать формулой «вера — справедливость — достоинство — солидарность — державность» [15].

«Россия и раньше, и сейчас — она всегда остается на своем месте. В этом удивительное качество нашей страны. Ведь у нас за спиной Северный Ледовитый океан. Нам некуда уходить. У всех тех, кто ниже нас на карте, — у них есть варианты отступления. А у нас их нет. Поэтому нам надо только стоять и держаться, бороться за жизнь здесь — у себя, на своей территории. На своем пространстве» [16].

Полярно противоположен американскому внешнеполитический курс современной России. Это курс государства, не претендующего на роль *prins unter pares*. Он выступает глашатаем международно-правового равенства больших и малых государств, развитых и развивающихся стран; он не претендует на роль ментора в международных делах и никого не поучает, как кому жить; он строго и последовательно оберегает свой суверенитет и не позволяет себе покушаться на

суверенитет соседей или дальних стран (Сирия не равнозначна Ливии, Ираку, Египту).

Мирные инициативы России по Иранской ядерной проблеме, по химическому оружию в Сирии, по борьбе, в том числе и вооруженной, против оплота международного терроризма ИГИЛ не идеологичны в собственном смысле. Они не затрагивают никакого суверенитета стран и народов. Они не содержат никакой попытки диктата или вмешательства в суверенные права и дела других народов. Они нацелены не на конфронтацию с кем бы то ни было, и с США в том числе, но на деловой поиск политическими методами, путем мирных переговоров, взаимоприемлемых, общих политических решений всех горячих проблем современного человечества. Они отграничены от сферы идеологической борьбы и предполагают согласование политических позиций противостоящих стран в их общих интересах и в интересах всего мирового сообщества.

Почему же не принимает их американская сторона?

Вашингтонскую администрацию не устраивает сам дух равноправия сторон, учет равной безопасности для всех, дух деловой взаимоприемлемости. Она ищет и добивается превосходства, диктата, монополии, исключительного положения и глобального гегемонизма; намерена этого добиваться путем военных угроз, военного присутствия и прямой интервенции, политического шантажа, силовой дипломатии, дестабилизации системы международных отношений, подрыва международного порядка. Главным препятствием на ее пути была и остается Россия. Отсюда — Карфаген должен быть разрушен. Но, как это ни прискорбно, в Россию нельзя послать морских пехотинцев. С ней нельзя обойтись как с Гренадой, Ливией, Ираком, даже с Европой! Сегодня необходимо осознавать, что никакие глобальные

проблемы современного мира нельзя решить ни шантажом, ни военными угрозами, ни интервенцией, ни даже самой войной.

“Auf dem Spitz das Degens die Welt liegt jetzt” [17]. Так написал Шиллер в «Разбойниках».

Какие же разбойники поставили мир на острие меча? О них предупреждал еще Ф. Энгельс: «...англичане вылетят в трубу, а Соединенные Штаты сосланных убийц, взломщиков, насильников и карманных воров представят всему свету поразительный пример того, какие чудеса может совершить государство явных негодяев» [18].

Перенакопление капитала в США ведет к небывалому экспансионизму, к глобальным претензиям, к роли мирового жандарма, к переоценке своих возможностей, к доминированию над союзниками, к потере реальных ориентиров и, в конечном счете, к авантюризму в мировой политике. Идеология нового мирового порядка, выстроенного по американским лекалам в XXI в. не учитывает следующего:

- ▶ неспособность Запада средствами стагфляции и милитаризма сохранить свое превосходство в сфере производства;
- ▶ неспособность мирового сообщества справиться с социальными последствиями НТР;
- ▶ неспособность англосаксонского мира милитаризмом обеспечить себе цивилизованный выход из кризисов, не помогает ни монетаризм, ни неолиберализм и т.д.

Соединенные Штаты, теряя свои доминирующие позиции в мировом хозяйстве (в настоящее время вполне конкурентны с ними страны ЕС, Китай, другие страны), постоянно организуют плановое вскармливание и финансирование международного терроризма. Чего же добивается администрация США?

Программа минимум:

- Обеспечить милитаризму поддержку общественного мнения в самих США (решили) и странах-сателлитах ЕС, НАТО (пока успешно решают)
- Свалить на Россию (возможно и на Китай) свои внутренние экономические трудности, препятствуя росту политического сознания внутри страны (уже проблематично).
- Напугать Россию и мировое сообщество (утопия).

Среднесрочная программа:

- Организовать военные очаги напряженности на евразийском континенте — Украина, Молдова, Польша, Ирак, Сирия, Ливия, страны Персидского залива, Афганистан, Турция, Иран (успешно решают).

- Перевооружить и укрепить НАТО, как за счет ее расширения на Восток, так и за счет активного втягивания в гонку вооружений и военного финансирования европейских тяжеловесов, прежде всего Германии, Франции и Великобритании (решают).

Программа максимум:

- Экономически и политически удушить Россию — санкции, гонка вооружений, информационная война и т.д. (иллюзия).
- Диктовать свои условия своим союзникам и противопоставить их ослабленной России (частично решают).
- Доминировать в Новом мировом порядке XXI века (утопия).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.199.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 2. М., 1955. СМ. 477.
3. Философский словарь. М., 1961. С.293.
4. Конституция Российской Федерации. Ст. 13.
5. "Forin Affairs". 1983. № 5. Р. 1019.
6. Шпигель. 1981. № 6.
7. «Der plan Euroshma». Herausgegeben von G.Nenberger. Pahl-Rugenstein. 1982. Koln.
8. Washington Post. 1983. march.
9. См. Зиновьев А. На пути к сверхобществу. Мюнхен, 2000.
10. The State of the Union Address //Washington Post .27.01.2000.
11. Как у террористов ИГИЛ или ДАИШ, запрещенные в России
12. Исаяя. Гл.2.ст.4.
13. Мир на взводе: пружина разжимается (Валдайский клуб: дискуссия о новом мировом порядке). М., 2015. С.236-237.
14. Правда. 1983. 29 сент.
15. <http://www.patriarchia.ru/db/text/3837990.html>
16. Александр Сокуров режиссер и сценарист АИФ. №12. 2016.
17. Ныне разбой стал явлением мировой политики.
18. К.Маркс.,Ф.Энгельс. Соч. Т.27. С.307.

ДРАМА РУССКОЙ ИСТОРИИ И УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Лактионова Н.Я.

Кандидат исторических наук.

Старший научный сотрудник Центра политических исследований Института экономики РАН.

Тел.: 8 (916) 708 15 60.

e-mail: n-laktionova@yandex.ru.

Аннотация. Прологом к разрушению Российской империи стал Февраль 1917г. Белое движение оказалось закономерным продолжением Февраля. Восстанавливать государственность пришлось большевикам.

Ключевые слова: развитие капитализма в России, движущие силы Февраля, свержение самодержавия, разрушение Империи, Белые генералы и Антанга. Явление большевизма.

Laktionova N.Y.

Candidate of Historical Sciences.

Senior Researcher, Center for Policy Studies, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

Tel. : 8 (916) 708 15 60.

e-mail: n-laktionova@yandex.ru.

DRAMA OF RUSSIAN HISTORY AND LESSONS FOR THE PRESENT

Abstract. The prelude to the destruction of the Russian Empire was February of 1917. The White movement was a logical continuation of a February. To restore the statehood bolsheviks came.

Key words: the development of capitalism in Russia, the driving force of the February overthrow of the autocracy, the destruction of the Empire, the White generals and the allies. The phenomenon of Bolshevism.

ФЕВРАЛЬ И ЕГО ИСТОКИ

В постсоветской России, являющейся по сути, как и новые евразийские государства, обломком (правда, большим) единой державы, для поддержания инерции распада и разрыва с «проклятым коммунистическим прошлым» немалыми усилиями СМИ, экспертов и, к сожалению, немалой части научного сообщества, был сформирован, а во многом — позаимствован из арсенала советведческих институтов Запада, работавших против СССР, сконструированный миф о том, что большевистская революция уничтожила Российскую империю, разрушив все основы государственности, и привела Россию к цивилизационной катастрофе. Эта очень уязвимая позиция опровергается массой серьезной литературы [1], однако продолжает искусственно поддерживаться финансовыми

и даже бюджетными проектами — дорогостоящими, далекими от исторической правды фильмами с омерзительными коммунистами, заказной литературой и бесконечными выступлениями самоуверенных людей, плохо знающих историю, но искренне не ведающих об этом благодаря твердо усвоенным перестроечным мифам. Однако мы все меньше хотим быть Украиной и Прибалтикой с их программами десоветизации. И привычная демонизация советского периода все более отступает на периферию сознания наших соотечественников. Если употребить современный сленг — становится не модным (простите) трендом.

Одна из узловых тем истории XX века — Октябрьская революция, но без изучения февральского переворота ее понять невозможно. К сожалению, не

прекращаются попытки покрыть все деяния Февраля Октябрем. Единый культурно-исторический стандарт, по которому должна формироваться учебная литература по истории, объединяет Февраль и Октябрь вместе с гражданской войной в единую Российскую революцию, по аналогии с Великой Французской революцией (куда уж нам без европейских подобию). Именно такая всеохватная «революция» как раз и позволяет утратить деяния Февраля в Октябре, списав на последний все зло Февраля и сделав большевиков ответственными за слом империи. В то же время разрушительные для империи импульсы исходили как раз от Февраля.

Когда-то С.Г. Кара-Мурза, ссылаясь на Станислава Говорухина, описывающего «Россию, которую мы потеряли» и при этом проклинающего большевиков, а не истинных разрушителей страны, напомнил ему и миллионам тех, кого он ввел в заблуждение, важнейшие исторические факты. Цитирую: «...слом жизнеустройства России и ее государственности произошел в *феврале* 1917 г. Царя свергали либералы и стоящие за ними массоны-западники, а не большевики... Февральская революция — *революция западников*, и главный ее смысл был в расчистке поля для финансово-торгового капитала. Это была первая «революция чубайсов и гайдаров»... Большевики, как вскоре показала сама жизнь, выступили как реставраторы убитой Февралем Российской империи — хотя и под другой оболочкой ... Это в разные сроки было признано противниками большевиков, включая В.Шульгина и даже А. Деникина» [2].

Отметим, что методологической опорой многих современных исследований стали работы корифея нашей научной школы В.В. Кожина, великого явления в истории современной общественной мысли (пусть никого не смущает это определение). В данной работе мы во многом будем опираться на предложен-

ную им структуру исторического анализа сложных явлений указанного периода. В рамках небольшой статьи трудно обозначить множественные аспекты событий, ведущих к трагической развязке крушения Империи. Остановимся лишь на некоторых из них.

Несмотря на заинтересованность в ослаблении и колонизации России внешних сил, важнейшее значение имела организация сил внутренних. Самодержавие мешало свободному обогащению крупного капитала. И закономерно, что пришествие капитализма в Россию закончилось Февралем. И это было торжество либерального проекта. Но за Февралем был Октябрь, как не парадоксально, преодолевший иноземный капитализм — это порождение протестантской этики, чужеродной и неприемлемой для России.

Исследователь С. Рыбас подробно описывает «экономическое основание» для «великих потрясений», приводя свидетельства «о финансировании всеобщей забастовки крупным капиталом». В тот период «процесс смены управленческой модели перешел в экстремальный режим. Банкиры, нефтепромышленники, металлурги, текстильщики и все прочие обладатели реальных финансовых средств участвовали в политической жизни» [3].

У находящегося в тот период за пределами России В.И.Ленина — все без обиняков названо своими именами: «...связь англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис путем ...организации заговора против Николая Романова. Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчеркивает немецкая» [4].

Наиболее мощными экономико-политическими группировками были октябристы и кадеты. Несколько в стороне

от них находились «прогрессисты», за которыми стояли выдающиеся крупные московские промышленники. Такие как П.П. Рябушинский и А.И. Коновалов [5]. Свои резоны в заговоре против самодержца видели военные, генералитет. Большая роль в февральских событиях отводилась действующим втайне как вне, так и внутри страны масонским организациям, поставившим под свое влияние практически все заметные политические структуры кануна Февраля. Были и нити, которые тянулись к финансово-промышленным и политическим группам Запада, заинтересованного как в продолжении войны русскими руками, так и в бесконтрольном доступе к богатейшим ресурсам страны, и, разумеется, в ослаблении или даже политическом уничтожении геополитического соперника — России. Наличествовали и другие силы, критически взвешивающие на самодержавную власть в России. Все это — опоры Февраля. В целом можно говорить о либеральном проекте для Российской империи. На исходе XX века он вновь срабатывает, но уже в России-СССР. Итак, мы уже можем вывести одну из закономерностей прошлого столетия — пришествие носителей либерализма к власти всегда связано с глубокими разрушительными процессами для русской государственности. Все это проверено, что называется, эмпирически.

Итак, развитие капитализма в России, не в последнюю очередь, спровоцировало первую русскую революцию 1905 года, плодами которой стали Манифест 17 октября с его вожделенными свободами и созыв Государственной думы, резко активизировавших деятельность прозападных, либеральных сил в обществе. В России спешно стали создаваться инструменты влияния. В связи с чем остановимся на масонском колорите Февраля. Тайные пружины были. Самой влиятельной оказалась организованная в России масонская ложа (под названием «Великий Восток народов России», по

аналогии со стоящей над ней масонской организацией «Великий Восток Франции»). Она поставила изрядную долю руководителей в срочно создаваемые структуры как в центре, так и на местах.

Известный исследователь российского масонства Брачев В.С. в своем обобщающем труде по истории тайных организаций в России [6] подчеркивает, что тема российского масонства начала XX века нашла свое отражение еще в первой половине 1970-х гг. с выходом массовым тиражом в издательстве «Молодая гвардия» книги историка-американиста Н.Н.Яковлева «1 августа 1914 года», где наиболее интересными страницами стали те, которые были посвящены роли масонов в событиях «победоносного» Февраля 1917 г. Н.Н.Яковлев не только показал реальность самого факта существования думского масонства в России, но и впервые в советской историографии четко определил его роль и место в политической борьбе предреволюционных лет. Масонство, пришел к выводу ученый, играло роль «теневых штабов» либеральной буржуазии в борьбе за власть и, фактически, являлось руководящим центром в подготовке Февральской революции в России [7]. То есть трактовка означенных событий в России отнюдь не была в советский период крайне одномерной.

Рассмотрим поближе трагические перепетии Февраля. Итак, 25 февраля (10 марта) 1917 г. Высочайшим указом деятельность IV Государственной думы была приостановлена. И вскоре появились органы февраллистов, олицетворяющие собой власть. Отметим, что император так и не сумел вернуться в Петроград. Единственно легитимная власть фактически была блокирована в Пскове.

Сложилась устойчивые стереотипы, когда в массовом сознании любое упоминание Советов как органов власти автоматически увязывается с большевиками, и в этом отнюдь не повинна советская историография [8].

В то же время сегодня известно немало исследований, где подчеркивается, что, так называемое «двоевластие» Февраля, было весьма относительным. И здесь — внимание! И во Временном правительстве, и в эсеро-меньшевистском Петросовете у руководства стояли люди «одной команды» [9]. Чтобы привлечь простой народ — солдат, рабочих, крестьян, которые не поняли бы, что от Февраля выиграли верхи, в один день было создано два органа власти — Временное правительство и Петросовет. Из 11 членов Временного правительства первого состава 9 (участие П. Н Милюкова не доказано) были масонами [10]. В общей сложности на постах министров побывало за почти восемь месяцев существования Временного правительства 29 человек, и 23 из них принадлежали масонству. Схожая ситуация была и в Петросовете. Из трех руководителей Петросовета — все были масонами (председатель — Н.С.Чхеидзе, заместители — А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев). Они представляли разные партии — кадетов, меньшевиков, эсеров, а их принадлежность к масонству звено было надпартийной, объединяющей.

Много стенаний было по поводу разрушения армии пропагандой большевиков. Однако вернемся в реалии прошлого: главным и сокрушительным основанием для уничтожения армии — оплота любой государственности — стал «Приказ № 1» ЦИК Петроградского совета рабочих депутатов от 2 (15) марта 1917 г. Фактически в армии уничтожался основополагающий принцип единоначалия. Остальное было лишь делом времени. Существенная деталь: до осени 2017 г. влияние большевиков в Петросовете было ничтожно малым.

Характерно, что приказ №1 был напечатан, по свидетельству современников, огромным тиражом в 9 млн экземпляров — и все это накрыло уже и без того взбудораженную армию. Отметим негативную реакцию на этот приказ (с его

появлением в утренних газетах) председателя Военной комиссии Временного комитета А. И. Гучкова, который в тот же день, когда был обнародован этот документ, назвал его «немыслимым» и тогда же отправился в Псков, где разыгралась драма фактически принудительного отречения Николая II от престола. Таким образом, события разворачивались молниеносно, как по сценарию, практически в одно и то же время. Исполнители, казалось, были разные, но все эти события фактически явились звеньями одной цепи. В Пскове, армия лишалась своего главнокомандующего, а Приказ № 1 закономерно продолжал заданный вектор.

Первоначально предназначенный Петроградскому гарнизону, этот приказ быстро распространился и в армии. Уже существовавшее брожение в войсковых соединениях получило легитимное подкрепление, что привело к резкому падению дисциплины и боеспособности русской армии — дезертирство с фронта, уже дававшее о себе знать, вскоре стало массовым. И это в условиях тяжелейшей мировой войны, основную тяжесть которой практически несла на себе Россия. Все это означало крушение институтов власти и пролог к анархии. Напомним, что как только А.Ф. Керенский был утвержден военным министром, — буквально на четвертый день своего пребывания в этом качестве он фактически подтвердил приказ Петросовета, издав так называемую «декларацию прав солдата». Позднее А.И.Деникин заявил: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно...» [11].

В Первую мировую войну Россия оказалась в компании своего старого и коварного врага — Англии. Союз с Германией для Российской империи был бы куда более естественным. Но вожди Антанты и их известная колонна внутри страны делали все, чтобы Россия не пошла на сепаратный мир с Германией.

В прессе и позднее — со стороны новых властей постоянно муссировалась тема верности союзническому долгу, что было необходимо Западу, в то время как фронт практически разваливался.

Приведем высказывания В.И.Ленина по этому поводу. «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (и будем надеяться и добиваться этого ...) с Вильгельмом II, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона» [12].

Парадоксально, но многие из политических и общественных деятелей того времени прогрессистского либерального толка мнили себя спасителями Отечества. Тем более, что с Запада в прорубленную петровскую форточку давно и небезуспешно дули «ветры перемен», принося иноземные вирусы вековой традиционной России. Открывшиеся шлюзы либеральных реформ разрушали весь уклад русского жизнеустройства. И в начале XX века российская интеллигенция (термин «интеллигенции» появляется в 50-х гг XIX в), совсем недавно осознавшая себя как особый социальный субъект, получила, наконец, вожденный парламент, сильно ограниченный монаршей волей, но, в свою очередь, потеснивший и императорскую власть в России. Итак, страну наводнили либеральные и революционные прогрессисты — все ратовали за радикальную переделку через реформы или полное переустройство общества. Именно поэтому февральские события в большинстве своем в столице Российской империи были встречены с ликованием.

Симптоматично, что министр внутренних дел «пламенный реакционер»

Николай Маклаков после своей отставки еще в 1915-г. (на которую Николай II пошел под влиянием общественных настроений), в письме к И.Щегловитову прозорливо отреагировал на происходящее: «Вместо самодержавия воцаряется — олигархия» [13]. Добавим: под камуфляжем демократии.

Император еще был действующим главой государства, но въезд в Петроград для него уже был недоступен. Новой власти — Временному правительству стали массово присягать воинские чины. Вот характерная картинка того времени, свидетельствующая о степени вовлеченности персон самого высокого уровня в процесс всеохватной жажды перемен: «Удивление и восторг собравшихся вызвало появление кузена Николая II великого князя Кирилла Владимировича, который с красным бантом на груди привел находившийся под его командованием гвардейский экипаж и встал на сторону победителей» [14]. И далее: «Со всех концов города стали привозить арестованных царевых слуг и наиболее заметных [15] помещали в министерском павильоне Таврического дворца. К вечеру 1 марта здесь находился цвет сановной иерархии ...» [16].

Характерно, что люди, в том числе и правой ориентации, служившие опорой трона и не проявившие ярко выраженного стремления к переменам, предварительно подвергались арестам. Многие из них были названы «черносотенцы» [17] — это «Союз Михаила — Архангела» и прочие организации, которые уже давно и небезуспешно демонизировались либеральной прессой и так называемой публикой. Итак, идет поляризация в том числе, и высших сановников: все расколото. Одни примыкают к революции (видимо, вполне искренне, оставим пока за скобками нравственный аспект и родственные связи), другие склонные к поддержке императора, — срочно изолируются.

Как видим, к принуждению самодержца к отречению от власти большевики отношения не имели. Широко известно — «Кругом предательство, и трусость, и обман» — касалось других адресатов.

Важно отметить, что катастрофический распад страны, был следствием именно февральского переворота. Инерция, заданная Февралем в плане дезорганизации Империи, продолжалась, естественно, и после Октября.

Масонским представителям — февралистам удалось кардинально ослабить и раскатать базовые основы российской

государственности, и, как следствие социальная опора новой власти оказалась размытой и ненадежной. Удержать рычаги управления страной февралистские узурпаторы оказались не в состоянии. Широко известно, что большевики просто подхватили власть из роняющих ее незаконных и слабых рук.

Потом, позднее, некоторые из действующих лиц, вовлеченных в водоворот этих драматических событий русской истории, будет высказывать сожаления о прошедшем. Но жалкая роль временщиков ими была сыграна. Сожаления более чем уместны.

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ФЕВРАЛЯ

Когда прозвучало: «Которые тут временные? — «Слазь. Кончилось ваше время», то к членам Временного правительства, низложенного решением II Съезда Советов, была проявлена снисходительность со стороны большевиков, и вскоре под честное слово не вести антигосударственной деятельности они были распущены по домам. Но, воспользовавшись свободой, многие тут же бросились на юг в Екатеринодар и спешно начали формировать Белую гвардию [18].

Теперь присмотримся поближе к тем, кто олицетворяет собой «белое движение», неправоммерно романтизированное в новой России демократического толка. Последнее не удивительно, потому что «белые» и есть продукт либерального Февраля. Присмотримся поближе.

Главное дело их жизни — поход с интервентами на Россию — это как раз и есть продолжение Февраля, защита его либеральных западных ценностей и верность его союзникам. Никаких монархических лозунгов белые не выдвигали, хотя отдельные монархисты в их рядах были, но последние, если и действовали, то втайне. Главный лозунг — «За единую и неделимую!» — находился в прямом противоречии с деятельностью белых вождей.

В течение многих лет постсоветской России официальная пропаганда стремилась доказать, что Белая армия вела войну для восстановления «самодержавия, православия, народности» [19]. И потребители этого мифа были введены в глубокое заблуждение. Недовольство в армии и «хлебный бунт» в Петрограде во многом было явлением сценарным. Но главное — организатор Белой армии генерал М.В.Алексеев, будучи начальником Штаба Верховного главнокомандующего, которому, безусловно, доверял Император, «не только ничего не сделал для отправления 23-27 февраля войск в Петроград для установления порядка, но и, со своей стороны, использовал волнения в Петрограде для самого жесткого давления на царя, и более того — заставил его поверить, что вся армия — на стороне переворота» [20]. Генерал Алексеев был одним из главных действующих лиц в псковской драме. И именно он объявил Императору об аресте (8 марта).

В.В. Кожин обращает внимание на то, что известные руководители Белого движения сделали головокружительную карьеру именно как выдвиженцы Февраля, перешагнув от руководителей корпусов через ряд ступенек должностной

иерархии. Так, Лавр Георгиевич Корнилов становится сначала Главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, позднее — командующим армией, затем — фронтом и, наконец, — Верховным главнокомандующим. А.И. Деникин, в свою очередь, получает от Временного правительства должность начальника штаба Ставки Верховного главнокомандования, а затем обретает Западный фронт. Здесь же приводится важное суждение профессионала, знатока военной истории А. К. Кавтарадзе, который указывает на прошедшую «чистку» армии, при которой Временное правительство уволило сотни генералов, занимавших при самодержавии высшие посты, причем, многие из них уходили самостоятельно. Судьба Корнилова и Деникина была иной [21]. Нужны были свои, лояльные новой власти лица.

Вскоре пришлось продемонстрировать эту лояльность, обернувшуюся «впечатляющими «революционными заслугами» [22]. Одним из первых действий Л.Г.Корнилова, получившего от Временного правительства Петроградский военный округ, стал арест *в Царском селе императрицы и детей Николая II (7 марта 1917г.)*. На следующий день и генерал М.В.Алексеев лично объявил *об аресте уже непосредственно императору*. В это время в Крыму заместитель А.В.Колчака контр-адмирал В.К.Лукин (А.В. Колчак в этот момент был вызван в Петроград Временным правительством) *арестовывает находящихся там великих князей*.

Пойдем далее: вице-адмирал А. В. Колчак к Февралю уже успел сделать головокружительную карьеру: получил звание вице-адмирала и командование Черноморским флотом «в обход целого ряда лично известных царю адмиралов и несмотря на то, что его близость с думскими кругами была известна императору ... выдвижение Колчака было первой крупной победой этих кругов» [23]. В свою очередь, Временное прави-

тельство, обосновавшись у власти, тут же дарует А.В.Колчаку звание полного адмирала. Характерная деталь, совершенно подчеркивающая, якобы «тайный монархизм» А.В.Колчака — он первым на Черноморском флоте присягнул Временному правительству и, собственно, никогда не отрицал этого. «Я принял присягу первому нашему Временному Правительству. Присягу я принял по совести ... и первый эту присягу принял. Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии».

В разгар Первой мировой войны в июле 1917г. адмирал покинул Россию и появился на Западе, куда его, посылает, по настоянию американских представителей, Временное правительство «*в качестве начальника военной миссии в Америку для службы во время войны в U. S. Navy [ВМФ США]*»[24]. Здесь не представляется возможным сколько-нибудь подробное описание пребывания А.В.Колчака вне России. Отметим только, что по дороге в США адмирал задерживается в Англии. А в США ему организовываются встречи на высшем уровне — в том числе и с Президентом США Вудро Вильсоном. Что, естественно, вызывает вопросы. Затем — остров Йокогама (Япония). Во всех поездках А.В.Колчака исследователи констатируют много неясного. Известно, правда, что, из Петрограда он получил предложение выставить свою кандидатуру в Учредительное собрание от Кадетской партии адмирал дал на это согласие. Но планам помешал Октябрь. В ответ на события в России Колчак поступает на службу в британскую армию. Обстоятельства, при которых адмирал и британский полковник А.В.Колчак оказался «верховным правителем» России, понятны, с точки зрения логики, но имеют много «белых пятен». Верховным правителем России Колчак в конце кон-

цов был провозглашен в Омске в ноябре 1918 года. Напомним, что после свержения монархии Франция и Англия рассматривали территорию России как свою добычу.

Интересно, что адмирал Колчак, либерал по мировоззрению и политическим пристрастиям, объявляется в Сибири именно как «Верховный правитель». Далекое от демократических устоев понятие. В России, как известно, Верховным главнокомандующим и правителем был Царь, свергнутый интригами именно тех сил, которым служил адмирал Колчак. Однако русская история этой рокировки отнюдь не потеряла.

Напомним, что при А.В. Колчаке постоянно находились британский генерал Нокс и французский генерал Жанен. Все подобные факты (а их перечень можно значительно умножить) ясно говорят о том, что Колчак — хотя он, несомненно, стремился стать «спасителем России» — на самом деле был, по его же собственному слову, «кондотьером» Запада, и в силу этого остальные предводители Белой армии, должны были ему подчиняться. Деникин, ставший с ноября 1917г. после кончины М.В.Алексеева фактически главнокомандующим Белой армии, безропотно признал «верховенство» столь длительное время отсутствовавшего в России Колчака [25]. Последнее обстоятельство — еще одно наглядное подтверждение — это всего лишь пешки в чужой игре Запада против России.

К середине 17 г. роль США в российских делах невероятно возрастала. Учитывая американский интерес к богатствам Сибири и наличие договоренности с Временным правительством, планировалось передача значительной части Транссибирской магистрали под американский контроль. Все это, возможно, в большей мере проливает свет на иностранную миссию А.В.Колчака. Помешала Октябрьская революция. Удивительно — Февральская революция

открывала шлюзы для иностранного капитала — Октябрь — прикрывал. Разнонаправленное действие.

Из-за восстания белочехов, которое, похоже, направлялось, внешними силами (но оставим эту тему в стороне) в силу ряда обстоятельств золотой запас страны оказался в октябре 1918г. в Омске, где примерно через месяц (18 ноября) произошел военный переворот, во главе которого стоял адмирал Колчак. Последний получил возможность расплачиваться с западными державами за снабжение своей армии золотом России. Когда 12 октября 1920г. золотой запас был доставлен в Москву, оказалось, что за время пребывания у «Верховного правителя» только с мая 1919 по середину января 1920г. золотой запас сократился на 242 млн золотых рублей [26]. Отношение к адмиралу Колчаку в народе, умеющем словом метко и точно передать суть, вполне отражает известный стихок: «Мундир английский, погон французский, табак японский, правитель Омский».

«Режим Колчака не мог не потерпеть краха, и ложь его была духовно опасна «ибо она прикрывалась национальными знаменами, золотыми погонями, русской государственной символикой. Колчак узурпировал священные права и прерогативы русского Царя, и жалкая пропаганда «Учредительного Собрания», еще больше эту узурпацию подчеркивала» [27]. Для нового этапа разрушения России в 91г. «духовно опасная ложь» вновь была востребована очередными разрушителями, вставшими под псевдознамена Колчака все с теми же, хорошо нам знакомыми неприемлемыми для России либеральными ценностями.

Итак, конец «белого движения» в России был бесславным. И, конечно, можно говорить о человеческой драме. А как тот или иной из них стоял пред Богом нам знать не дано. Мы можем только попытаться разобраться в событиях, в которые была вовлечена страна и люди.

«Гражданская война — это отнюдь не классовое явление. Это борьба двух проектов развития России» [28]. Можно сочувствовать, можно предполагать терзания, вовлеченных в этот «белый стан» (известно, что они были), к тому же у нас есть и прекрасные литературные образцы — «Хождение по мукам» и «Тихий Дон»), но историческая миссия белого движения была крайне деструктивной для России. Она способствовала разрастанию гражданской войны, в разы умножала жертвы со стороны мирного населения, отнимала существенные силы от борьбы с интервентами. Россия как империя теряла целые регионы — например, не удалось удержать Прибалтику из-за наступления Юденича. А в дальнейшем — и это в значительной степени проявляет характер Белой армии — множество из их стана пошло на сотрудничество с Гитлером. Там, за границей, многих представителей «белой гвардии» подпитывала ненависть. И они были готовы идти против большевиков, жертвуя самой Россией. Такую цену не все были готовы платить. Одним из немногочисленных был А.И. Деникин, призывавших к содействию борющейся с немецким фашизмом Советской России.

Вот еще отголоски деяний ушедших из России белогвардейцев. В июне 23 г в Болгарии был установлен жесткий авторитарный режим в результате военного переворота, против которого вспыхнула массовое восстание, прежде всего в среде крестьянства, объединенного в Земледельческий союз. В среде историков-славистов идут споры, следует ли называть это восстание «первым антифашистским», а переворот — «фашистским». Так вот, в состав шпиц-команд были привлечены остатки Врангелевской армии, осевшей в Болгарии [29]. Видимо, здесь они также понимали свой долг? Или просто шли как наемники? И это тоже показатель, пусть опосредованный, отношения к народу. И вот объ-

яснение, почему Болгария оказалась на стороне Гитлера во Второй мировой войне. Избавление принесла Советская армия в 1944. И болгары помнят, а сейчас все больше вспоминают об этом.

И еще: для белых главковерхов не являлось секретом англо-французское соглашение от 23 декабря 1917 г. (подтверждено 13 ноября 1918 г.) о разделе зон влияния в России: Великобритании предоставлялся Северный Кавказ, Дон, Закавказье и Средняя Азия; Франции — Украина, Крым, Бессарабия; США и Японии — Сибирь и Дальний Восток. Японское правительство не скрывало своих замыслов по отторжению от России Дальнего Востока, что не стало препятствием сотрудничеству с ним А.В.Колчака и Г.М.Семенова. А.И.Деникин, будучи унитаристом, тем не менее, в феврале 1920 г. признал суверенитет закавказских национальных республик. Н.Н.Юденич не только признавал независимость прибалтийских государств, но и организовывал совместно с эстонским правительством военные операции против большевиков. П.Н.Врангель был вынужден отказаться и от унитаристской риторики, признав право наций на «свободное волеизъявление» [30].

Точки над «i» ставит небезызвестный господин Уинстон Черчилль: «... Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело. Эта истина станет неприятно чувствительной с того момента, как белые армии будут уничтожены, и большевики установят своё господство на всём протяжении необъятной Российской империи [31]».

Слово русскому адмиралу, Великому князю Александру Михайловичу Романову, жена которого была родной сестрой Николая II [32] : «По-видимому, «союзники» собираются превратить Россию

в британскую колонию, писал Троцкий в одной из своих прокламаций в Красной армии. И разве на этот раз он не был прав? ... британское министерство иностранных дел обнаруживало дерзкое намерение нанести России смертельный удар... Вершители европейских судеб ... они надеялись одним ударом убить и большевиков, и возможность возрождения сильной России. Положение вождей Белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали... к священной борьбе против Советов, с другой стороны — на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи...» [33]. И еще: «хотя я и не

большевик, однако не мог согласиться со своими родственниками и знакомыми и безоглядно клеймить всё, что делается Советами только потому, что это делается Советами ... я стал узнавать то об одном, то о другом конструктивном шаге московского правительства и ловил себя на том, что шепчу: «Браво!»... «Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от её западных рубежей!». Я не осмелился выражаться открыто, но, слушая вздорную болтовню беженцев и глядя в их лица, я всей душою желал Красной Армии победы. Не важно, что я был великий князь. Я был русский офицер, давший клятву защищать Отечество от его врагов. Я был внуком человека, который грозил распахать улицы Варшавы, если поляки еще раз посмеют нарушить единство его империи» [34].

МИФЫ, РЕАЛИИ И УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Вернемся в современность. В январе 2017 г. Смольнинский суд Санкт-Петербурга принял решение демонтировать мемориальную доску адмиралу Колчаку, установленную по инициативе движения «Белое дело», представители которого собираются обжаловать решение суда в вышестоящих инстанциях. И так, за что почитают Колчака сторонники «Белого дела»? Наверное, не за то, что он был тесно связан с державами Антанты и, конечно же, не за то, что он не остановил проводимого его контрразведкой свирепого террора в отношении гражданского населения [35]. Всё это, наверное, неважно для тех, кто считает Колчака защитником православной веры от «безбожных большевиков» [36].

Есть интересная деталь: с разрушением СССР в сознание соотечественников давно и плодотворно внедрялся штамп об адмирале А.В.Колчаке как о «белом» рыцаре и защитнике православной веры против безбожных большевиков. И в этом смысле интересны исследова-

ния историка Е.Пашковой, которая подтверждает, что в войсках А.В.Колчака открыто работали члены международной экуменической организации, так называемые — «секретари» Ассоциации молодых людей-христиан (Young Men's Christian Association — YMCA), распространявшие по миру протестантизм. В просторечии с Колчаком на Россию двигались сектанты. Они представляли собой профессиональных идеологов из разных стран (главным образом — из США), символом униформы которых был масонский перевёрнутый треугольник. Проекты Ассоциации были, несомненно, враждебны Русской православной Церкви. Военные успехи А.В. Колчака вселяли в сознание представителей YMCA, что с Советской властью скоро будет покончено, и с белыми армиями она распространит своё влияние на всю Россию. Но Господь судил иначе [37]. И еще, наиважнейшее. Большевики достаточно быстро запретили масонство. Почему оно оказалось совершенно чуж-

дым для них? Слово специалистам в этой области: «... ни в программных установках, ни в среде большевиков не было презрения к народу, к рабочим и крестьянам, которое было так характерно для масонов начала XX века. Ведь в чём суть «Апрельских тезисов» Ленина? Он говорил: «никакой поддержки буржуазному Временному правительству, нужно создать республику Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху». Такое никогда бы не прозвучало в масонской ложе!» [38]. А вот адмирал А.В. Колчак: «Я хотел вести свой флот по пути славы и чести ... но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший дикий неспособный выйти из психологии рабов народ этого не захотели» Обратим внимание на это: «обезумевший, дикий неспособный выйти из психологии рабов народ». Посмотрим далее: С.Кара-Мурза приводит рассуждения А.И. Деникина в «Очерках русской смуты», где тот описывает свою поездку по России после Февраля 1917 г.: «Теперь я увидел яснее подлинную жизнь и ужаснулся. Прежде всего — разлитая повсюду безбрежная ненависть — и к людям, и к идеям. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже неодушевленным предметам — признакам некоторой культуры, чужой или недоступной толпе». И далее делает вывод, что эти его рассуждения сами проникнуты ненавистью к «толпе», якобы отрицающей недоступную ей культуру [39].

Что касается «белых генералов», вряд ли они, будучи военными, являлись членами масонских лож, но дух особенности — тот же. И исторический путь в то драматичное для России время — тот же. А.И.Деникин позднее, когда Советский Союз сражался с фашизмом встал на ту же сторону. Что-то переосмыслил — важное, качественное.

Интересно следующее замечание В.Кожина: «...естественно заключить,

что само название “Белая армия” (или “гвардия”) возникло как противоположение не только (а может быть, и не столько) “Красной армии», но и “Черной сотне”... Невозможно оспорить, что гражданской войной руководили отнюдь не монархисты, а либералы ...» [40]. Именно здоровое явление консерватизма противостояло разгулу либеральной демократии в России. И по задачам такие противоположные крайности как «черносотенство» и «красные» в определенной мере, как ни парадоксально, смыкаются.

В заключении позволим себе несколько цитат, отражающих важные особенности рассматриваемого периода: «... Гучков и Милюков, добиваясь своих целей, проявили крайнюю, в сущности смехотворную, недальновидность. Им казалось, что, полностью дискредитировав верховную власть, они, наконец, займут ее место ... Между тем предпринятая ими кампания привела к дискредитации власти вообще (и из их собственных рук власть выпала через всего лишь два месяца). Россия погрузилась в хаос полнейшего безвластия до тех пор, пока большевики посредством жесточайшей диктатуры не восстановили государство, — и это был, без сомнения, единственно возможный выход из создавшегося положения... Стоит привести здесь по-своему замечательное позднейшее высказывание генерала Сухомлинова. Временное правительство за отпущенный ему срок не успело загнать его в «каторжные норы»; после некоторых мытарств он в октябре 1918 года эмигрировал и в 1924 году издал в Берлине книгу «Воспоминания», которая заканчивалась так: «Залог для будущей России я вижу в том, что в ней у власти стоит самонадеянное, твердое и руководимое великим политическим идеалом правительство... Что мои надежды являются не совсем утопией, доказывает, что такие мои достойные бывшие сотрудники и сослуживцы, как генералы Брусилев,

Балтийский, Добровольский, свои силы отдали новому правительству в Москве». Генерал Сухомлинов здесь был совершенно искренен и исходил из вполне понятного чувства, которое можно было бы выразить так: «Слава богу, что во главе России эти самые большевики, а не Гучков с Милюковым и Керенским!» [41].

Далее: «Применение цивилизационного подхода позволяет переосмыслить историческую роль большевизма в истории России. Октябрьская революция не была историческим отрицанием дореволюционного прошлого, как традиционно оценивалась она и в рамках теории формаций — со знаком плюс, и в рамках либеральной теории — со знаком минус. Большевики взяли на себя объективную миссию — политически — восстановителей Империи, культурно — восстановителей идентичной цивилизационной общности. Созданное ими новое государство СССР явился исторической модификацией российской цивилизационной государственности» [42].

Обратим внимание на следующее заключение: «Все эти и другие подобные факты, раскрывающие характер белого движения, отнюдь не являются в настоящем некими тайнами и изложены с опорой на документы в целом ряде общедоступных исследований. Но в общем сознании эти факты не присутствуют (выделено мною- Н.Л.» [43]. Тем не менее, 100-летие революции все в большей степени выводит за скобки политиче-

ской ангажированности историческую правду.

«... Воюют не из непосредственно понимаемого классового интереса, а «за правду». Гражданская война в России была порождена не только классовым, но и цивилизационным конфликтом — по вопросу о том, как надо жить людям в России, в чем правда и совесть ... Февральская революция сокрушила одно из главных оснований российской цивилизации — ее государственность, сложившуюся в специфических природных, исторических и культурных условиях России. Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам ...» [44]. Гражданская война — сложное, многоплановое и трагическое явление. Есть гениальная литература, отразившая то время — «Тихий Дон» М.Шолохова. И что удивительно в контексте приведенных рассуждений «...сам текст романа «ощущался своим» и для «белых», и для «красных казаков» [45]. Не хотелось бы породить однозначных оценок той или иной исторической личности, тем более мы не знаем, какой она предстает перед Богом. Сегодня мы можем смотреть на тот период с высоты истории. Так проще. Действовавшим в том грандиозном историческом водовороте было неимоверно сложнее.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См., например, исследования: С.Н. Базанова, Е.Г. Гимпельсона, Ю.Емельянова, В.Я. Гросула, А.Т. Дробана, Ю.Н. Жукова, А.Г. Кавтарадзе, С.Г. Кара-Мурзы, В.В. Кожина, М.А. Молодцыгина, С.Т.Минакова, И.И. Минца, О.Г.Назарова., И.И Стрекалова., Л.И Ольштынского, Н.Н.Яковлева, и др.
2. Кара-Мурза С. Советская цивилизация (в двух книгах). Книга первая. М., 2001, с.213.
3. Рыбас С. Заговор верхов М. Молодая гвардия, 2016, с. 174.
4. Ленин В.И. Письма издалека. Письмо 1./ПСС, Изд,5, Политиздат, М., 1969, т.31, с. 15.
5. См. подробнее: Рыбас С. Заговор верхов. С. 174-175.
6. Брачев В. С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. С-Петербург,Изд. «Стомма», 2000. Издательство «Стомма»http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/masonry/2.php

7. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1974. С.4, 18, 230-234.
8. Ометим, что в советской учебной литературе сугубо подчеркивался период эсеро-меньшевицкого главенства в Советах после Февральской революции. //См., например: История СССР в двух частях. Часть 2. М, «Высшая школа», 1982. С. 7.
9. См.: Самсонов А. Как февраллисты уничтожили армию. // Военное обозрение. 14 марта 2017
10. Что касается А.И Гучкова, то, по мнению Нины Берберовой, в 1918 г. он «отделился от масонства окончательно, вслед за ним — и генерал Алексеев. Над ними был произведен специальный обряд исключения. //См.: Берберова Н. Люди и логи. Русское масонство XX века. /<http://e-libra.ru/read/110392-lyudi-i-lozhi.-russkie-masonry-xx-stoletiya.html>
11. Цит. по кн.: *Кожин В.В.*: Россия: век XX., М.: Изд.: Эксмо, Изд.: Алгоритм, 2005, с.141-42.
12. *Ленин В.И.* Письма издадека. Письмо 1.//ПСС, Политиздат, М., 1969, т.31, с. 16)
13. Цит. по: *Гойда Ф.* Пламенный реакционер Николай Маклаков. //Родина. 2012, № 7, с.112-115.
14. История России. XX век. Под. ред. д.и.н. В.П.Дмитренко. ИРИ РАН, М., 1996. с. 136.
15. Были арестованы: бывшие премьеры И.Л.Горемыкин и Б.В Штюрмер, председатель Государственного совета И.Г.Щегловитов, обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер и др.
16. История России. XX век. Под. ред. д.и.н. В.П.Дмитренко, с. 136.
17. Одним из первых объективно исследовал «черносотенство» как важный аспект общественного движения консервативного направления начала XX в. В.В.Кожин. (См. его книгу: Россия: век XX.(1901-1939гг.) С. 19-48.)
18. ВЧК возникла лишь двумя месяцами спустя — как ответная реакция на саботаж и террор белого движения. Новиков Е. Верните Дзержинского. //Дуэль, N 37 (535), 11 сентября 2007г.
19. Разумеется, в составе «Белой армии» были и монархисты, но их было немного, и они, если и действовали, то сугубо тайно.
20. Кожин В.В., с.147.
21. Там же.
22. Там же, с. 167.
23. Воспоминания последнего военного министра Временного правительства генерала А.И. Верховского.//Верховский А.И. На трудном перевале, М., 1959 (Цит. по кн.: Кожин В.В. Россия. Век XX. (ч.1 1901-1939гг.), с.165.
24. Мультигули П. Александр Колчак: герой или антигерой? // <http://www.pravoslavie.ru/37054.html>
25. См. подробнее: В.В.Кожин. Россия век XX. С 169-170.
26. Емельянов Ю.В. Подрывная деятельность западных держав против России в ходе гражданской войны (1918-1920гг.)//Военная интервенция и гражданская война в России (1918-1920 гг.), М. 2009. С. 138-141.
27. Мультигули П. Александр Колчак: герой или антигерой? // <http://www.pravoslavie.ru/37054.html>
28. Кара-Мурза С.Г. Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века. — М.: ЭКСМО, 2003. С.56
29. Без суда и следствия были убиты свыше 15000 человек. По стране господствовал террор. Еще не было Освенцима, а уже печаях Дирекции полиции Софии были сожжены заживо болгарские пролетарские поэты- Гео Милев и Христо Ясенов. //Носкова А.. Антифашистское сопротивление в Болгарии. Институт славяноведения РАН.// Славянское единство. Выступления участников Двенадцатого Всеславянского Собора. // Спецвыпуск газеты «Русский Вестник. №№ 16-17 (930-931), 2015г.
30. См. подробнее: Багдасарян В. Э. Большевики как реставраторы Империи. //<http://rusrand.ru/>
31. Черчилль У. Мировой кризис. Глава 12., М.-Л., 1932
32. Скончался в 1933 году в Париже:
33. *Александр Михайлович. Великий князь.* Книга воспоминаний. // М., Изд-во «Вече», 2008 // http://royallib.com/book/aleksandr_mihaylovich_velikiy_knyaz/kniga_vospominaniy.html
34. Там же.
35. См.: *Голуб П.А.* В застенках Колчака, М., 2010.
36. *Е. Адмирал Колчак: под знаком перевёрнутого треугольника.* // http://zavtra.ru/blogs/admiral_kolchak_pod_znakom_perevornutogo_treugol_nika 31 января 2017г

37. Там же.
38. Там же. (историку Е.Пешковой)
39. *Кара-Мурза С.Г.* Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века. — М.: ЭКСМО, 2003. С.56
40. *Кожин В.В.* Россия век XX. С. 62.
41. Там же. С 83-84.
42. Багдасарян В.Э.Большевики как рестовраторы империи.//<http://rusrand.ru/>
43. В.В.Кожин. Россия век XX. С. 62.
44. *Кара-Мурза С.Г.* Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века. — М.: ЭКСМО, 2003. С. 4-5.
45. Юрченко И.Ю. Северокавказское казачество в рядах Красной Армии в годы гражданской войны». Некоторые историографические аспекты»//В кн.: Военная интервенция и гражданская война в России (1918-1920 гг.). М., РУСО, 2009, С. 191.

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СИСТЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР- РЕГИОНЫ»

Фролов А.

*Студент факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
e-mail: andrej_fr@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию понятийного аппарата и предметного поля современных исследований системы взаимоотношений «федеральный центр-регионы», используемых в теории российского и зарубежного федерализма. В исследовании отмечается, что в теории федерализма существует сложившийся и устоявшийся категориальный аппарат, который, тем не менее, нуждается в существенном уточнении применительно к современной архитектуре взаимоотношений «центр-регионы».

Ключевые слова: федерализм, федерация, федеральный центр, субъект федерации, федеральное вмешательство, суверенитет, государство.

Frolov A.

*A student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University.
e-mail: andrej_fr@mail.ru*

THE SUBJECT FIELD OF MODERN STUDIES OF THE "FEDERAL CENTER- REGIONS"

Abstract. The present article is devoted to the study of the conceptual apparatus and the subject field of modern studies of the "federal center-regions" system of relations used in the theory of Russian and foreign federalism. The study notes that in the theory of federalism there is an established and well-established categorical apparatus, which, nevertheless, needs substantial clarification with reference to the modern architecture of the "center-regions" relationships.

Key words: federalism, federation, federal center, federal subject, federal intervention, sovereignty, state.

Одним из наиболее сложных теоретических аспектов исследования отношений «центр-регионы» является уточнение специфики и смысла употребляемых терминов в контексте анализа российской модели. В современном научном дискурсе нередко случаются случаи, когда исследователи вкладывают в одни и те же понятия разный смысл. Данная сложность возникла при переводе трудов, которые посвящены теме федерализма и сформулированы иностранными авторами. Специальная терминология нуждалась не только в переводе на русский язык, но и в специальной лингвистической адаптации. Так, например, слова «реги-

он» и «район», в русском языке имеющие разные смыслы, в английском практически не различаются; синонимичные понятия «area» и «region» при переводе на русский язык как «зона» и «регион» уже сильно отличаются друг от друга по смысловой нагрузке¹. Подобная ситуация нередко приводит к наделению переводчиками одним и тем же смыслом различных терминов или, наоборот, к появлению у термина чуждых ему значений. Также не является редкостью придание некоторым терминам эмоционально-идеологической окраски: так, понятие «централизация» может интерпретироваться как лишение населения

страны значительной части политических свобод² или же как исключительно положительное в политическом плане, а также экономически эффективное решение правящих элит³. Поэтому, на наш взгляд, необходима осторожность в использовании терминологии, а также дополнительное разъяснение смыслов, которые мы вкладываем в неё в ходе данной работы.

Анализ отношений «центр-регионы» в России невозможно начать без разграничения понятий «федерация» («федеративная система») и «федерализм». К.О. Телин в своей кандидатской диссертации отмечает: «Трудно представить себе большую исследовательскую ошибку, чем отождествление понятия «федерализм» с понятиями «федерация» или «федеративная политическая система...»⁴. Понятие «федерализм» обозначает принцип организации политической системы государства. Так, А.Лейпхарт понимает федерализм как особую форму автономии субъектов, служащую одним из принципов поддержания баланса в многосоставном обществе⁵. Д.Элейзер считает, что федерализм есть «сочетание самоуправления и долевого правления через конституционное соучастие во власти на основе децентрализации.»⁶. Таким образом, федерализм является основным принципом управления, основанным на развитии самоуправления в регионах и локалитетах. «Федерация» же является типом территориально-административного устройства, частным случаем использования федералистских принципов на практике, подразумевающим:

- учреждение центральных органов власти с одновременным существованием региональных органов власти и местного самоуправления
- разделение полномочий между уровнями власти
- наличие у каждого уровня власти определенной, закреплённой нормативно-правовыми актами, авто-

номии по вопросам, отнесенным законодательством к сфере ведения данного уровня власти

- Существование как общенационального, так и регионального законодательства, принцип соотношения которых индивидуален для каждого федеративного государства
- Наличие институционализированной системы регионального представительства на федеральном уровне

Федерализм может использоваться для построения управленческой модели в странах, относимых к унитарным (Франция, Великобритания). В то же время существуют примеры государств, определяемых как федерации, но при этом практически не использующих федерализм как метод администрирования (СССР⁷).

«Центр» (в контексте анализа российской модели также уместен термин «федеральный центр») — субъект отношений «центр-регионы» с особой организацией, Центр не является единым структурным образованием, функционируя как набор определённых институтов и ключевых акторов (в РФ к таким можно отнести:

- Президента России
- Федеральное Собрание РФ
- Правительство России
- Подразделения федеральных органов власти на региональном уровне
- Министерства и службы «силового» блока (отличаются крайне высокой степенью централизации⁸)
- Суды Российской Федерации (следует отметить, что судебная система России является строго иерархической: все региональные суды находятся в подчинении столичных)
- Наиболее влиятельные группы интересов и группы давления
- Контрагенты и стейкхолдеры Центра⁹

Авторский коллектив преподавателей факультета политологии МГУ отмечает, что организация Центра предполагает «функциональную дифференциацию федерального центра, т.е. его деление на различные властные органы, которые имеют свою специализацию и находятся в различных отношениях друг с другом — в одних случаях в соподчиненных, в других — в относительно автономных»¹⁰.

Российский политолог Р.Ф.Туровский выделяет также следующие функции, которые отличают Центр от регионов:

- Центр обеспечивает определенную субординацию по вертикали, доминирование центрального уровня власти
- Обеспечение общенационального интереса и продвижение наиболее важных и принципиальных политических решений, принимаемых на центральном уровне, на всей территории страны¹¹

Таким образом, Центр не является внутренне структурированным органом власти, представляющим центральный уровень власти, заинтересованным как в предоставлении некоторой автономии региональным органам власти, так и в установлении определенной иерархии в государстве.

Регион (в Российской Федерации также уместно словосочетание «Субъект федерации»¹²) — субъект отношений «Центр-регионы», представляющий второй (региональный) уровень субнациональной политической системы.

Само наличие административно-правового статуса региона (штата, провинции, дистрикта) в том или ином государстве не делает это территориальное образование полноценным субъектом отношений «Центр-регионы». О.В.Евстегнеева выделяет четыре фактора, определяющие потенциальную способность региона к отстаиванию своих интересов:

- Уровень экономического развития региона
- Уровень политического развития региона
- Авторитет регионального руководства
- Наличие или отсутствие связей регионального руководства во властных структурах федерального уровня¹³

Таким образом, для продвижения и защиты своих интересов регион должен иметь не только установленные формально и закрепленные в нормативно-правовых актах отношения с Центром, но и обладать способностью отстаивать свои интересы с помощью эффективного использования и комбинирования различных механизмов регионального представительства (особенности функционирования этих механизмов раскрыты ниже)

В системе государственного управления регион обладает особым статусом, составляющим основу его функционирования:

- Является политико-административной структурой, обладающей определенной степенью автономности в пределах своих полномочий
- Входит в общегосударственную систему как часть целого и по ряду полномочий находится в подчинении центра

В России система региональной власти формируется в соответствии с двумя основными принципами:

- Принцип региональной самостоятельности
- Принцип соответствия общенациональным стандартам¹⁴

Таким образом, регион, имея некоторый уровень самостоятельности, не может осуществлять свою деятельность полностью независимо от центрального

уровня. Рамки, задающие пределы этой самостоятельности, их смещение в большинстве случаев и лежат в основе отношений «центр-регион»

Р.Ф. Туровский отмечает, что «содержание регионального интереса составляет прежде всего интерес региона к политической автономии. В соответствии с уровнем развития своих интересов (уровнем регионализма) и особенностями их актуализации регион стремится к освоению определенной компетенции (полномочий), требует определенное число «степеней свободы»¹⁵.

Однако важным, на наш взгляд, является замечание о том, что наличие требований определенной автономии у региона не отменяет его заинтересованности в сохранении общей структуры государства (экономический и политический экстремизм является частным, редко встречающимся примером). Так, например, заключение в 1990-е годы договоров о разграничении полномочий между федеральным центром и национальными республиками России было следствием «федеративного торга», в результате которого республики, получив некоторые особые права в экономической сфере, не отказались от поддержки сохранения системы государственно-политического устройства РФ¹⁶. Таким образом, простое расширение или сужение автономии региона не превращает его в «сепаратиста».

«Централизованный контроль» (в РФ возможен вариант «федеральное вмешательство») — набор политико-административных практик и санкций, применяемых Центром для текущего мониторинга и контроля за действиями региональной и местных властей, а также для приведения (в случае необходимости) регионального и местного законодательств в соответствие с общегосударственным. Данный набор может также включать в себя инструкции и условия для наказания лиц, ответственных за нарушение (превышение) рамок

общегосударственного законодательства.

Данный институт присутствует практически во всех государственных образованиях, поскольку позволяет обеспечить стабильность политической и государственной систем государства, предотвратить или устранить попытки отдельных представителей региональных элит или отдельных регионов превысить рамки своих полномочий.

В России Федеральное вмешательство также обеспечивает единство правовой, политической, экономической и управленческой систем. Законодательство Российской Федерации предусматривает следующие меры:

- ▶ Возможность Президента (при взаимодействии с Верховным Судом РФ) приостанавливать действие указов и распоряжений глав исполнительной власти субъектов РФ (в случае их несоответствия федеральному законодательству)
- ▶ Возможность Президента приостанавливать действие законодательных актов, принятых законодательными органами субъектов РФ (в случае их несоответствия федеральному законодательству). В случае отказа данных органов устранить данное противоречие, Президент вправе распустить законодательный орган субъекта (оба действия должны быть санкционированы судами РФ)
- ▶ В случае наступления в субъекте РФ ряда ситуаций¹⁷, предусмотренных законодательством, Центр может ввести в данном регионе внешнее управление
- ▶ Функционирование территориальных подразделений федеральных органов власти и федеральных в субъектах РФ. Данные подразделения могут иметь различные функции, их роль варьируется в зависимости от статуса конкретного органа власти, а также

от практической возможности оказывать влияние на действия региональных властей. Так, полномочные представители Президента, не имея формальных распорядительных полномочий, тем не менее являются ключевым элементом президентского контроля за действиями региональных властей¹⁸.

- Суды Российской Федерации
- Министерства и службы «силового» блока

«Региональное представительство» — институт формального и неформального лоббирования и продвижения своих интересов на центральном уровне, применяемый регионами и локалитетами

Механизмы и практики регионально-представительства можно разделить на формальные и неформальные. К первым относятся:

- Институционализация представительства регионов в парламенте государства

Федеральное Собрание РФ, как и все высшие законодательные органы федеративных государств, является органом с институционализированным представительством субъектов федерации. Однако порядок делегирования представителей, используемый при формировании Совета Федерации отличается от принятого в Государственной Думе. Каждый субъект федерации направляет двух депутатов (от законодательной и исполнительной власти) в СФ, таким образом все регионы имеют равное представительство в высшей палате парламента России, принцип квотирования в РФ не применяется (в отличие, например, от ФРГ)¹⁹. Региональное представительство в Государственной Думе зависит от численности населения региона: смешанная избирательная система позволяет получить наибольшее представитель-

ство преимущественно крупным регионам, так, в городе Москва на выборах 2016 года сформировано 15 одномандатных округов, тогда как, например, в Республике Мордовия всего один. Кроме того, формирование избирательных округов для голосования по партийным спискам также приводит к неравномерному представительству регионов в ГД.

- Институционализация представительства регионов в высших органах исполнительной власти
- В российской практике этот механизм не применяется, одним из немногочисленных примеров применения на региональном уровне является «дагестанская модель»²⁰.

К неформальным практикам исследователи^{21 22} относят: действия представителей региональных элит при взаимодействии с федеральными элитами; деятельность региональных групп давления на федеральном уровне (например, деятельность компании «Алмазы Якутии»²³); продвижение региональных интересов через чиновников высшего ранга, обладающих региональным происхождением (следует отметить, что само по себе региональное происхождение чиновника не сводит его деятельность исключительно к лоббированию интересов малой родины); выдвижение в списки для голосования на выборах в Государственную Думу наиболее активных представителей региональных элит.

Отношения «Центр-регионы» — комплексная система взаимоотношений между Центром и регионами, включающая в себя различные формальные и неформальные практики, регламентируемая на основе сложившихся исторически и закрепленных в законодательстве правил, стабильность и эффективность функционирования которой обеспечивается на основе наиболее релевантного

для каждого конкретного государства сочетания и балансирования институтов федерального вмешательства и регионального представительства.

Следует отметить, что отношения между Центром и регионами часто описываются различными исследователями с помощью таких понятий как: «Баланс сил», «Баланс интересов», «Баланс отношений», «Централизация», «Децентрализация». Наиболее распространенная в политической регионалистике модель анализа сводится к конструированию образов идеально-централизованного и идеально-децентрализованного государств, анализу ситуации в государстве-объекте исследования, в ходе которого выявляется определенный «баланс» между центробежными и центростремительными силами, интересами и отношениями, существующими в данном государстве, и, наконец, к сравнению результатов анализа с имеющимися идеальными образами, на основе которого и определяется характер отношений «Центр-регионы», сложившийся в данном государстве к моменту завершения аналитических работ.

Соглашаясь с эффективностью и научной ценностью вышеназванной модели исследования, мы считаем необходимым учитывать и её внутренние противоречия. Так, баланс отношений между Центром и регионами в экономической сфере и баланс отношений между аналогичными акторами в политической сфере в рамках одного и того же государства во многих случаях не совпадают²⁴, без учета данного фактора отнесение этой страны к любой, выделяемой исследователем группе, является ошибочным.

Для увеличения объективности исследования мы считаем также необходимым проведение осмысления научно-теоретических подходов, используемых для анализа отношений «Центр-регион», поскольку каждый из них по-своему раскрывает и дополняет сущность этих отношений, а также вводит в научный оборот особую терминологию, уточнения смысла которой, как мы уже отметили, является одной из важнейших задач, стоящих перед современным исследователем.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Р.Ф.Туровский. Политическая регионалистика, М:ГУ ВШЭ,2006
- 2 А.Захаров. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М:МШПИ,2008
- 3 И.Г.Напалкова,А.С.Солдатова. Центральные-региональные отношения современной России в фокусе SWOT-анализа. // *Ars Administrandi*. 2012. №1. Стр. 45-54
- 4 К.О.Телин. Влияние муниципальной реформы на трансформацию российского федерализма. Дисс...канд.полит.наук, МГУ: факультет политологии, 2011
- 5 А.Лейпхарт. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. — М., 1997
- 6 Д.Элейзер. Сравнительный федерализм // *Полис*. 1995. № 5. С. 106—115
- 7 Основным для советской системы управления и администрирования являлся принцип «демократического централизма» (при такой системе решения вышестоящих органов власти являются обязательными для исполнения нижестоящими). Доминирование данного принципа над декларируемыми в конституциях федералистскими установками обеспечивалось через проникновение структур КПСС в государственный аппарат, сращивание партийных структур с административными
- 8 Современная российская политика: Учебное пособие/ Под общей ред. В.И. Коваленко. — М.: Издательство Московского университета, 2013.
- 9 А.И.Соловьев. Принятие и исполнение государственных решений. М.: АСПЕКТ ПРЕСС,2015

- 10 Федерализм: Учебное пособие / Под общей ред. В.И. Коваленко, О.В. Морозова. — М.: Издательство Московского университета, 2016. Также см.: Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане. // Национальная безопасность / nota bene. 2012. № 3. С. 76-81; Манойло А.В. Психологические операции США в Ираке. // Космополис. — 2008. — №1. — С.124-128.
- 11 Р.Ф.Туровский. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- 12 Все регионы РФ в российской федеративной системе отнесены к субъектам первого порядка, тем самым установлено их правовое равенство. Создание регионов, входящих в состав федерации, но не относящихся к категории субъектов федерации, российским законодательством не предусмотрено.
- 13 О.В.Евстегнеева. Становление института представительства региональных интересов в современной России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2009. №4. Стр. 43-48
- 14 Федерализм: Учебное пособие / Под общей ред. В.И. Коваленко, О.В. Морозова. — М.: Издательство Московского университета, 2016.
- 15 Р.Ф.Туровский. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- 16 Современная российская политика: Учебное пособие/ Под общей ред. В.И. Коваленко. — М.: Издательство Московского университета, 2013.
- 17 К таковым относятся: наступление чрезвычайной ситуации (стихийное бедствие, катастрофа или иное); признаки финансовой несостоятельности региона (превышение просроченной задолженности в 30% от собственных доходов регионального бюджета); признаки финансовых нарушений со стороны региональной власти (например, нарушение федерального законодательства при расходах средств, выделенных из федерального бюджета).
- 18 Федерализм: Учебное пособие / Под общей ред. В.И. Коваленко, О.В. Морозова. — М.: Издательство Московского университета, 2016.
- 19 И.М. Бусыгина. Политическая регионалистика. — М.: МГИМО(У), 2006.
- 20 Высший исполнительный орган Республики — Государственный Совет — формировался на основе равного представительства 14 основных национальностей, должность единоличного главы исполнительной власти отсутствовала
- 21 Федерализм: Учебное пособие / Под общей ред. В.И. Коваленко, О.В. Морозова. — М.: Издательство Московского университета, 2016.
- 22 Ю.Б.Димитрова. Отношения между центром и регионами в России: проблема эффективности // Власть.2010. №5. Стр. 88-91
- 23 Современная российская политика: Учебное пособие/ Под общей ред. В.И. Коваленко. — М.: Издательство Московского университета, 2013.
- 24 В качестве примера можно привести Францию и Литву, где местные самоуправления имеют широкие политические права, но лишены экономической автономии.

РЕЦЕНЗИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А.Д. ШУТОВА «ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЗРЕНИЯ» ЮНИТИ, М., 2017 — 463С.)

Романовская Е.К.

Политолог.

Тел.: 8 916 981 62 36.

e-mail: e.komilfo@mail.ru.

Всегда представляют интерес книги, которые несут людям новые знания, повышают нравственность, содержат оптимальные прогнозы, ведущие к социальному прогрессу и безопасности. Такие книги остаются в памяти, не утрачивают своего значения и в будущем, надолго сохраняя роль важного пособия по изучению истории. К подобного рода изданиям, по моему убеждению, правомерно отнести монографию заслуженного деятеля науки РФ, доктора исторических наук, профессора А.Д. Шутова «Исторические прозрения». Своей книгой автор открыл новую правду о целом ряде событий, снял некоторых личностей с исторического пьедестала и поставил вместо них более достойных представителей.

Не обошел автор своим вниманием и Ленина. Помимо его подлинных заслуг в проведении социалистической революции, автор раскрывает неприязнь к русской нации, неприятие Лениным великодержавного потенциала России, стремление поставить русскую нацию в приниженное состояние по отношению к национальным меньшинствам. Автор показывает, что русофобию Ленин фактически сделал одним из принципов пролетарского интернационализма, что проявилось, в частности, в теоретическом определении его сущности. Он писал: «... интернационализм со стороны угнетав-

шей или так называемой «великой нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять... в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей», то есть русской нации, то фактическое неравенство, которое русская нация допустила к малым народам¹. То, что подобное понимание интернационализма противоречило его сущности, разъяснять не требуется.

Не желая создавать новую, красную русскую империю, Ленин был сторонником укрепления отсталых национальных окраин за счет России, что впоследствии усиливало их стремление уйти из-под России. По инициативе Ленина были отданы малой украинской окраине 8 русских передовых областей — вся Новороссия, что подорвало устои России как русского государства; искусственно была слеплена Украина в великое геополитическое образование.

Историческое прозрение — лейтмотив всей книги, оно помогает очистить прошлое и настоящее России от сфальсифицированных оценок и выводов и ее будущее от надуманных прогнозов. Имеется немало публикаций о современной ситуации в России, а работ о ее будущем чрезвычайно мало, и это объяснимо: при непоследовательной и подчас антинациональной политике верхов непросто спрог-

нозировать реальные контуры будущего России. Поэтому наблюдения и выводы автора книги интересны тем, что вызывают доверие своим реализмом и соответствием взглядам многих россиян.

Немного найдется оппонентов, которые стали бы оспаривать положение: Россия возродится тогда, когда перестанет оглядываться на не любящий нас Запад и в качестве надежной опоры избрет государствообразующий русский народ, сделает его полноправным источником власти. Будущее не только России, но и Европы и Азии во многом зависит от того, сумеет ли русский народ сыграть роль, соответствующую его историческому предназначению, характеру и силе духа. В книге убедительно показано, что великая Советская страна погибла прежде всего потому, что русский народ — основатель русского государства — был устранен от управления страной, и эта неадекватная несуразность продолжается до сих пор в еще более опасных масштабах.

Немало нового содержится в разделе о незавидной судьбе предателей, отступников от чести и совести, нарушителей заветов и клятв. Измена клятве — тяжкое преступление перед людьми и вечностью, которое несмыслаемым позором ложится на весь род клятвоотступников. Автор приводит ранее не известные факты предательства Хрущева, Горбачева, Ельцина, Шеварднадзе, раскрывает причины, приводящие к разрушению СССР. Трагедия страны и партии усугублялась однопартийной системой, монополией правящей партии, породившей массу карьеристов и приспособленцев, не исключая членов Политбюро ЦК КПСС. Некоторые авторы до сих пор продолжают идеализировать отдельных руководителей партии, в частности, Е.К. Лигачева, Н.И. Рыжкова, А.Громыко, считая их идеологическими противниками Горбачева и его «перестройки». Это не совсем верно; правда, они пытаются скорректировать свое прошлое и оставить о себе позитивное представление в изданных мемуарах.

У приспособленцев и льстецов, любителей благ и высоких теплых кресел Родина и партия фактически служили разменной монетой, а непререкаемым идолом для поклонения был Генсек КПСС, слова и позиция которого служили абсолютной истиной, не подлежащей ни обсуждению, ни тем более критике. Таким беспредельно преданным Горбачеву членом Политбюро был Е.К. Лигачев, который чтит его безмерно. Он вместе с А. Громыко и другими партийными вассалами сделали его Генсеком и спасали от справедливой критики. Читатель убедится, что большего горбачевца в стране и партии, чем Е.К. Лигачев, не было. Факты книги убеждают в этом. На апрельском (1991г.) Пленуме ЦК КПСС 70% выступавших резко критиковали Горбачева, многие из них требовали отставки, в конце концов Горбачев не выдержал и согласился с отставкой — но вмешался преданный ему Егор Лигачев и своим убаюкивающим голосом смягчил обстановку: «Товарищи, Михаил Сергеевич, ну давайте не будем так эмоционально воспринимать... Михаил Сергеевич, Вы не должны говорить таких слов, партия вам доверяет...» И спас Горбачева, но не страну и партию. Вместо самовосхваления следовало бы покаяться за прошлые грехи не только Лигачеву, но и Крючкову, Назарбаеву, Н.И. Рыжкову. В 2015 г. Н.И. Рыжков опубликовал нужную и полезную книгу «Главный свидетель» — о развале Горбачевым СССР, но в ней он обошел молчанием работу Внеочередного третьего (март 1990г.) Съезда народных депутатов СССР, на котором Горбачев избрался на пост президента страны. Чтобы не допустить его избрания, депутатская группа «Союз» выдвинула кандидатом в президенты Председателя Правительства СССР Н.И. Рыжкова с его согласия. Однако, когда дело близилось к решающему моменту — тайному голосованию, Николай Иванович вдруг поднялся на трибуну и заявил о самоотводе и снятии

своей кандидатуры в пользу Горбачева, заявив при этом: «Я считаю, что Горбачев — это именно тот человек, который должен сегодня вести страну. Это мое искреннее убеждение». Это только один пример, но есть и другие примеры, заставляющие задуматься: почему Тэтчер говорила, что избрали Горбачева «с нашей помощью». Читателю не трудно понять смысл этих слов.

Новизна раскрытых фактов, суждений и выводов — наиболее привлекательная сторона книги. Новое слово сказано автором по поводу правомерности введения в научный оборот термина «диктатура пролетариата», грубого и жестокого подавления любого инакомыслия, всех критически мыслящих оппонентов. Термин «диктатура пролетариата» целесообразно было заменить другими, близкими по смыслу словами — «революционная власть народа», «народоправление», «народовластие», чуждые бесчеловечной диктаторской тирании. Власть народа должна быть полюсом притяжения, символом справедливости, а не инструментом насилия. Ленинское определение диктатуры пролетариата как «власти, не связанных никакими законами», дало волю бесконтрольным действиям революционеров с люмпенмаргинальной психологией, которые превратили ее в орудие расправы над русским генофондом. По признанию Троцкого, вместо диктатуры пролетариата они установили «диктатуру над пролетариатом». Созданная Чрезвычайная комиссия (ЧК) была наделена правом внесудебных расправ и делала все самочинно: производила аресты, выносила приговоры и совершала их исполнение. Массовый характер принимал «красный террор», заложничество, система концлагерей, казни и пр. В первые послеоктябрьские годы было уничтожено людей в разы больше, чем в сталинские 30-е годы.

У некоторых современных политиков преобладает догматическое представление о сущности диктатуры пролетариата, ими делаются попытки реанимиро-

вать ее, не считаясь с тем, что она давно принадлежит истории, стала признаком вчерашнего дня, блуждающим в головах «марксистских» мыслителей, застрявших в своем интеллектуальном развитии на уровне позапрошлого столетия. Термин «диктатура» уместен в словосочетаниях «фашистская диктатура», «олигархическая», «бандеро-нацистская», а также в таких выражениях, как «диктатура закона», «диктатура демократии», а лучше совсем не употреблять этого слова, когда есть более точные: народовластие, народоправление, народная демократия.

Думается, «диктатура пролетариата» поделила большевиков на два лагеря: антирусских космополитов и русских патриотов. Помимо антирусской большевистской среды, или троцкизма, помимо так называемой «ленинской гвардии», стремящейся превратить Россию в «вязанку хвороста» для разжигания мировой революции, а до ее начала сдать Россию в виде концессии мировому олигархату, уничтожив генофонд русской нации, была другая группа большевиков — патриотов, пытающихся построить социализм для народов России. Эти сторонники «другого большевизма», не космополитического, не тиранического, а исходящего из законности и гуманизма, неукоснительного соблюдения революционной демократии с эволюционной стратегией движения к социализму, не принимали троцкизм — ленинизм. На таких позициях стояли Сталин, Горький, Луначарский, Фрунзе, Артем Сергеев, Богданов и др. Они были противниками ленинского тотального нигилизма по отношению к русской и древнерусской культуре, выступали за гуманизацию советской идеологии, государственной системы, против диктатуры верхов. «Новые большевики» стремились воспитать элиту рабочего класса, патриотическую, культурную, грамотную в теоретическом отношении, однако это шло вразрез с сионистско-троцкистскими воззрениями верхушки «ленинской гвардии». Троцкистская элита была ярым врагом русской рабочей

элиты и радикальными методами истребляла ее. Не принимал идею «русской рабочей элиты» и Ленин, будучи антиимперским революционным борцом.

Автор «Исторических прозрений» раскрыл наиболее актуальные вопросы истории и современности и снял с них налет необъективности и всевозможных домыслов. Своей книгой он фактически положил конец фальсификациям катынской драмы, сводящимся к лживым обвинениям советского руководства в расстреле пленных польских офицеров в начале Великой Отечественной войны. Руководство России, начиная с Горбачева и Ельцина, разделяло и поддерживало ложь Геббельса о расстреле поляков органами НКВД, хотя знало, что документы о расстреле были сфабрикованы специальной группой «фальшивомонетчиков» во главе с Яковлевым. Но в последнее время СМИ в России и Польше словно воды в рот набрали, прекратили пропагандировать геббельсовскую ложь, и А.Д. Шутов первый из историков и политологов освещает причину этого. Дело в том, что Европейский суд по правам человека в Страсбурге 18 июня 2012 года, изучив фальшивые клеветнические «документы», представленные Россией, назвал их несостоятельными, поддельными и сделал вывод, что Россия не несет ответственности за массовые расстрелы в Катыни. Решение Европейского суда, снявшего ответственность с СССР за Катынь, — это торжество международного права над политическим волюнтаризмом, и в книге Шутова (и нигде более) впервые изложена эта правда.

Глубоко и профессионально проанализирована автором международная обстановка, раскрыта зловещая роль Америки, создающая реальную угрозу новой большой войны. Произвол и насилие, кулачные методы вытеснили международное право из американской практики. США несут смерть и насилие, и потому это лишняя страна, которая в конечном счете будет разрушена в силу противоречий и объективной необходимости. Автор убедительно говорит об этом в своей кни-

ге. Не только не корректирует в лучшую сторону политику США приход к власти нового американского президента Трампа, но еще более усложняет ее, делает непредсказуемой и фактически все той же враждебной по отношению к России, как и при его предшественниках.

Трамп — опасный для мира политик. Он фактически не выполнил ни одного предвыборного обещания, он теряет лицо. У него до сих пор нет стратегии, и начал идти на поводу своих политических оппонентов. Америка втягивается в непредсказуемые действия, переходит красную черту мира, полностью игнорируя международное право. Запад будет наращивать русофобское давление на Россию. Из-за своего взбалмошного характера и старческого недомыслия Трамп будет проводить ту же политику, что и Обама с Хилари Клинтон, а может быть, и хуже. Но это дает толчок консолидации нашего общества и укреплению страны. Опасная политика Трампа настораживает и Китай, и Индию, и другие страны, настраивает их на подготовку к отпору Западу в его грязной игре. Но коллективное безумие при Трампе, считает автор книги, будет нарастать, угрожая миру непредсказуемым хаосом.

У автора монографии, как и во всех его работах, иллюзий нет. Ученый всегда стремится к новизне и правде, какими бы они ни были. Истина дороже всего. Рецензируемая книга представляет уникальным явлением, своего рода исторической вехой, открывающей новые горизонты. Автор глубоко и критически исследует многие актуальные проблемы современности. Сказано им новое слово о Китае, Новороссии (ДНР и ЛНР), Украине, Польше, Германии, Казахстане и других странах СНГ и, конечно, более всего о России: ее прошлом, настоящем и будущем. Россия теряет себя, все в более глубокую бедность продолжают опускаться россияне. Коррупция, дороговизна жизни, бандитский беспредел стали чуть ли не нормой современной жизни.

Заставляет задуматься и насторожить мирное проникновение китайцев, особенно на территорию Сибири и Дальнего Востока, их нацеленность на расширение «жизненного пространства» за счет России. Там, где живут китайцы, не может рядом с ними выжить никакой другой народ: все будут поглощены биологически мощной китайской расой.

Правительство России, кроме высокопарных слов и обещаний, не предпринимает конкретных шагов по возрождению России, «пятая колонна» делает свое антипатриотичное дело. Трудно подсчитать ее численность, но можно утверждать, что она представляет немалую силу и играет значительную роль в ослаблении страны в угоду определенным глобальным кругам. Чтобы спасти и возродить Россию, необходима полная смена правящего крыла (правительства, министерства, неправительственных организаций и др.) по инициативе Верховной власти («революция сверху»), не дожидаясь и стараясь не допустить «революции снизу», потому что она будет губительна для страны, вызовет разрушительный хаос и неизбежное расчленение государства с реальной угрозой оккупации. И в этом отношении, как пишет автор книги, огромная роль и надежда на возрождение и спасение России ложится на Президента В.В. Путина при его опоре на русский народ, все патристические силы страны.

Беда России, как и полвека назад, в значительной мере заключается в том, что нет конструктивной оппозиции, которая добивалась бы возрождения России, модернизации ее системы и режима. КПРФ не только не способствует протестным настроениям, но глушит их развитие, что служит интересам буржуазного антинародного правительства. Например, «Яблоко», «Справедливая Россия», весь народ протестуют против отнятия церковью Исакиевского собора в Петербурге — и только коммунисты остались в стороне: для них такая церковная агрессия остается «незамеченной»,

потому что (так получается) руководство КПРФ, как и церковные иерархи, служат правящему режиму, преследуя при этом собственные интересы и очень заботятся о своих материальных благах. Как сообщают СМИ, семья руководителя КПРФ Зюганова принадлежат два завода на Ближнем Востоке, в частности, нефтеперерабатывающий комплекс в Сирии и завод по производству цемента в Ливане. Общую стоимость имущества и недвижимости, а также средств на счетах, владельцами которых является Зюганов и близкие ему лица, оценивают в 19 миллионов долларов². И в книге А.Д.Шутова показано, что об активной борьбе за интересы народа партия заботится в недостаточной мере, большевизм для верхушки компартии остается на бумаге и юбилейных шествиях.

В книге профессора столько нового и интересного, столько «против течения», что можно восхищаться и утверждать, что написана она для чтения, а не для презентации, о ней быстро узнают в центре и провинции и поставят вопрос: где ее можно купить? А если бы профессор назвал свою книгу «Против течения», то это было бы так же верно, как и «Исторические прозрения». Каждая глава книги несет читателю новые откровения, подчас не согласуемые с современным общественным мнением и даже опровергающие его, выдвигая новую правду, реальную, настоящую, русскую, человеческую.

Общество обречено, если высшая власть культивирует в человеке бесстрашие перед преступной наживой, эгоизм, изживает в человеке чувство веры, совести. Автор своей книгой призывает не принимать мир, погрязший в непроходимом зле, похоти, разврате, коррупции и вседозволенности, не приспосабливаться к такому миру, а все делать для того, чтобы мир и жизнь стали нравственными, утверждать правду и справедливость, любовь и добро, приближая страну к народным социальным ценностям.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Шутов А.Д. Исторические прозрения. М.: ЮНИТИ, 2017. — 463 с.

Уважаемые авторы!

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: GPJ2013@mail.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски концевые, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.
2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.
3. Договор о предоставлении права использования произведения заключается в устной форме и является безвозмездным, т.е. плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление в свободной форме на имя Главного редактора.
4. В начале статьи авторы направляют в редакцию на русском и английском языках (обязательно для лиц, сдававших кандидатский экзамен по английскому языку) следующие сведения и материалы:
 - название статьи;
 - фамилию, имя, отчество, ученую степень, ученое звание;
 - место работы, должность, почтовый служебный адрес, контактные телефоны и адрес электронной почты;
 - аннотацию (4–5 строк);
 - ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);

Кроме того, автор представляет только на русском языке приставный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках в конце статьи).
5. Данные, представляемые в редакцию в соответствии с п.4 пунктом, будут размещены в РИНЦ.
6. Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.
7. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону (495) 7-400-600 или по e-mail: GPJ2013@mail.ru.